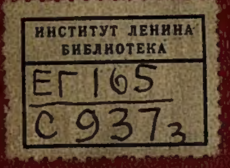
Стучка

Революционная роль права и государства

П. СТУЧКА

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОЛЬ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О ПРАВЕ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
1924

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Академия
Секция права и государства

П. СТУЧКА

Революционная роль права и государства

Общее учение о праве

Третье, пересмотренное и дополненное издание

Издательство Коммунистической Академии
Москва—1924 г.

10.000 экз. Главлит.—Москва. № 25186 28/VII—24 г.

31-я тип. М. С. Н.Х. Аренд.—„Прометей" Никольская, 1—3.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

(К третьему изданию).

В июне 1921 года, когда я писал предисловие к 1-му изданию, я, конечно, не ждал, что потребуется второе и третье издания. Я, может быть, тогда воображал себе, что сама борьба против буржуазного или юридического мировоззрения будет легче, чем она оказалась на деле. Но что я ждал достаточно серьезных боев, это видно из на половину публицистического характера моей книжки. Теперь я, вероятно, писал бы ее в более спокойном и более «научном» духе. Было бы самым лучшим переработать всю книжку заново, превращая ее в настоящее, т.-е. сухое, общее учение о праве, но тогда книжка потеряла бы свое первоначальное значение. А не взирая на вполне сознаваемые мною слабые ее стороны, она все-таки является историческим документом. Поэтому я, не обладая вдобавок достаточным досугом, чтобы засесть за ее основательную переработку, ограничусь буквально лишь перестановкою запятых, парою примечаний и исправлением одной, другой ошибки. Книжка, оказывается, еще нужна, ибо борьба за новый, классовый взгляд на право лишь ныне перебросилась в провинцию, чем, я, конечно, не хочу сказать, чтобы борьба была уже закончена и в центре.

Достигнута ли моя цель? Да и нет! Она достигнута в значительной степени среди молодежи. У молодежи мы читаем даже фразы о том, что классовый взгляд на право уже вне спора, а для молодежи почти исключительно моя работа и была написана. Но, и молодежь-то еще довольно таки крепко находится в лапах у своих старых учителей и усердно повторяет их буржуазные юридические мудрости, лишь под классовым соусом. Как тому испанскому живописцу пришлось ставить подпись под свою картину: «Это петух!», так и у нас правовым теориям иногда приходится тщательно привешивать ярлычек: «Советское право». Чтобы виднее было! В науке, как и из жизни, еще черезчур в моде просто переименование улиц вместо их перетрамбовки и перекрашивание старых гнилых стен в красный цвет вместо их основательной перестройки.

А такое простое перекрашивание чревато значительными опасностями, от которых нас предостерегал еще тов. Ленин. Ког-

да он в своем политическом завещании нам настоятельно рекомендует к перестройке нашего госаппарата приступить лишь на основах строго научных, то мы его слова должны перенести и на право, как на ту область, которая занимается именно формою организации наших государственных (т.-е. советских) и общественных отношений (т.-е. отношений производства и обмена). А по поводу государственной (а, стало быть, и правовой) теории Ленин специальное предупреждение дал еще раньше, в своем докладе на XI партийном с'езде (27 марта 1922 г.). Он цитирует там слова «сменовеховцев»: «Но эта советская власть строит какое государство? Коммунисты говорят, что коммунистическое, уверяя, что это — тактика: большевики обойдут в трудный момент капиталистов, а потом, мол, возьмут свое. Большевики могут говорить, что им это нравится, а на самом деле, это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение, они придут к обычному буржуазному государству, и мы должны их поддерживать». Ленин прямо говорит, что подобные открытые слова гораздо полезнее для нас, чем «сладенькое коммунистическое вранье» («комвранье»). А этого «комвранья» в правовых вопросах у нас сколько угодно. И кончает он эту часть своего доклада словами: «Я говорил о коммунистическом соревновании с точки зрения развития *форм хозяйства и форм общественного уклада.* Это *не есть соревнование,* это есть отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому, *борьба не на живот, а на смерть* между капитализмом и коммунизмом». Я, кажется, был прав, провозглашая настоящую «гражданскую войну» на правовом фронте.

За время после второго издания вышел целый ряд книг, так или иначе дополняющих мою работу, хотя и отчасти расходящихся со мною. На первом месте я назову работу тов. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм». Автор также отстаивает классовый характер всякого права, но иначе подходит к своей работе и ставит себе иные задачи. Он сближает «форму права» с «формою товара» и пытается проделать работу, аналогичную К. Марксу в политической экономии, т.-е. «положив в основу своего анализа те обобщения и абстракции, которые были выработаны буржуазными юристами, вскрыть истинное значение, т.-е. историческую обусловленность правовой формы». Таким путем, автор пришел к заключению, что право происходит из товарного оборота и возникает не раньше его, отбрасывая одновременно другой источник права, отношения господства, в виде института частной собственности на средства производства (в первую очередь, на землю).

Это одно. С другой стороны, автор, полемизирующий с защитниками правовой идеологии, одновременно говорит о «форме права», как о «простом отражении чистейшей идеологии», забывая одновременно что сама форма — не есть простое отражение и что идеология права является отражением права, как конкретной формы. Это об'ясняется тем, что автор, разбирая одно право буржуазного общества (ведь, политическая экономия в глазах Маркса есть экономия исключительно капиталистического периода), делает выводы о праве вообще, т.-е. и о праве прочих периодов классового общества. Но с этой небольшою оговоркою работа является в высшей степени ценным вкладом в нашу марксистско-теоретическую литературу о праве и непосредственно дополняет мою работу, дающую лишь неполное и далеко недостаточное общее учение о праве. Я сделал эту краткую ссылку на работу тов. Пашуканиса именно в свое оправдание, почему я не иду по той же линии, как при втором издании, и не вношу еще новых дополнений в свою работу, как пособие для общего учения о праве.

Прежние «Общие учения о праве» или «Энциклопедии Права» стремились к тому, чтобы дать первокурсному слушателю готовые общие понятия, абстрактные (из богословия и философии) или конкретные, составленные, по характеристике Энгельса в «Анти-Дюринге», идеологически или априорно: «Раньше из вещи выводят понятие вещи, а вслед за тем поворачивают дело наоборот и оценивают вещи по ее отражению, ее понятию». К этим общим понятиям прибавляли еще кое-какие поправки и дополнения к недостаточному «среднему образованию» слушателей, напр., о свободе воли или т. п. пояснения, которые теперь отнесены к теории исторического материализма и др. доктринам. Мы свой курс марксистского учения права вынуждены начать с полемики, с классовой борьбы на «идеологическом фронте». И подносим мы не столько готовые ответы, сколько ясные вопросы. Ибо еще Маркс сказал: «Формулировка вопроса есть его решение».

Этот прием будет лучшим средством против «слишком быстрого изучения» вопросов, от которого как-то предостерегал тов. Ленин. Мы, конечно, вынуждены быстро учиться, но не слишком быстро, не хватая на лету, не составляя себе понятий, просто перелистывая книги, а тщательно их изучая и последовательно продумывая поставленные вопросы, ибо наша задача не только (и не столько) присвоение тех или иных знаний, но выработка целого и целостного мировоззрения.

Мы утверждаем, что всякое право, в нынешнем смысле слова, является понятием классовым и что оно вместе с классовым обществом умрет. Но мы же ныне знаем, что этот процесс «умирания» государства и права является процессом крайне длительным. Мы не можем удовлетвориться коротенькою цитатой, что буржуазное общество переживает переходный период от классового общества к социализму и коммунизму, а по пути, значит, в один прекрасный день, умрет. Если вспомнить слова Энгельса о «юридическом мировоззрении», как классическом мировоззрении буржуазии вообще, то надо готовиться к длительной борьбе за упразднение этого буржуазного мировоззрения, т.-е. за перерождение этого мировоззрения и замену его новыми, и в области права. Когда т. Ленин говорил, что лишь завоевав государственную власть и образовав новое государство пролетарского типа, т.-е. Советскую власть, пролетариат сумеет проделать великую «культурную революцию», то его слова относятся полностью и к праву, как форме организации общественных отношений, т.-е. отношений производства и обмена. Было бы легкомысленно верить, что такая грандиозная переорганизация общественных отношений возможна в формах, просто заимствованных у буржуазии. Побольше критики, в том числе и самокритики, в области права!..

12 июня 1924 г. *П. СТУЧКА.*

ПРЕДИСЛОВИЕ.

(К первому изданию).

Может быть, это и дурная привычка каждой книге предпосылать еще предисловие автора. Но я скажу откровенно: я пишу предисловие к своей книжке по той простой причине, что считаю необходимым сказать несколько слов *в ее защиту,* ибо боюсь, что без этого никто не станет читать в нынешнее высоко-революционное время рассуждения о таких «контр-революционных» предметах, как о праве. В таком равнодушии к насущнейшим вопросам общественной жизни, т.-е. правовым, сходятся как люди, о них ничего не знающие и даже как бы щеголяющие этим своим незнанием, так и лица по этому, как и по всем вопросам, все «лучше знающие».

Я нахожу, что такое равнодушие совершенно неуместно. Энгельс буржуазное мировоззрение вообще отожествлял с «юридическим» мировоззрением. А это буржуазное мировоззрение все еще занимает весьма почетное место в головах довольно широких масс. Среди уцелевших остатков этого буржуазного мировоззрения очень и очень видное место занимает юридическая его часть. Да и не может быть иначе, ибо наше сознание не терпит пустого места, и пока в нем старое мировоззрение не заменено новым, там, хотя и бессознательно, царит старое. А юридическая область по сие время осталась нетронутою марксистами, если не считать так называемых «юридических социалистов», т.-е. самых зловредных из всех представителей буржуазного мировоззрения, хотя бы идущих под знаменем Маркса и Энгельса.

Повторяется то же самое, что случилось с понятием государства. Мы все считались марксистами и до появления книги т. Ленина «Государство и революция», но только эта работа и наша революция — не берусь сказать, что в бо́льшей мере, — открыли нам глаза на роль и значение государства в переходный к коммунизму период. И теперь уже не найдется человека, который решится сказать при нас фразу: «не люблю я таких вопросов, как вопрос о государстве», или т. п. Не мешало бы нам то же самое проделать и с вопросом о праве.

Это и легче, чем первое, ибо вдобавок к тому фундаменту, который для вопросов права положен самими Марксом и Энгель-

сом, нам здесь уже помогает тот же труд т. Ленина и опять-таки наша революция. Но не так давно еще было время, когда в наших автономных университетах читали всю эту науку в совершенно нетронутом виде. А когда недавно где-то составлялся план будущего преподавания права, то в одном из проектов красовалось деление права на общее (т.-е., конечно, буржуазное) право и *советское* (т.-е. особенное, я сказал бы—*неестественное)* право.

Я не с легким сердцем сел за эту работу. Я исходил из той предпосылки, что, излагая общее учение о праве, нельзя обойти молчанием буржуазной науки, и, говоря откровенно, я не считаю себя достаточно теоретически подготовленным для такой работы и особенно не считаю себя достаточно знакомым с новейшею юридической литературой. Но, с другой стороны, хотя и кратковременное пребывание во главе юридического ведомства РСФСР в роли НКЮ (с ноября 1917 г. по январь 1918 г. и с марта по август 1918 г.) и выпавшая на мою долю задача «закрытия старого суда и упразднения права», меня как бы обязывали исполнить то, чего по той или иной причине не взялись сделать другие, а именно теоретически изложить то, что сделала в области права наша революция. Но мое смущение стало еще больше, когда я, просмотрев целую уйму новой и новейшей буржуазной юридической литературы, нашел, что «воз и ныне там», что за последние годы эта наука не подвинулась вперед ни на шаг и ее положение более безнадежно, чем когда бы то ни было. Но отступление от затеянной работы было уже невозможно. Работа этим временем была уже поручена мне, и смиренно я сел за ее исполнение.

И особенно меня подбодрило в этом то обстоятельство, что в коммунистическ. университете им. Я. М. Свердлова в его двухгодичный общеобразовательный курс был внесен особый предмет—«Общее учение о праве и государстве», для которого в числе других и я должен был представить проект программы. Не зная еще, кто будет читать этот курс, я считал необходимым сделать свою работу некоторым пособием для слушателей этого курса [1]). Ибо, если я и считаюсь с тем, что мы, старое поколение, унесем с

[1]) Во избежание недоразумений я должен оговориться, что курс этот читать пришлось не мне. Да и пособием в Ком. Университете моя книжка не послужила, ибо читающий этот курс, в „Записках" университета (ст. Поволжского), моей книжки в числе 31 книги не приводит. Так как он свой труд приводит и относительно моей книжки в другом месте и под другой фамилией высказал лестное мнение—я тогда сказал—слишком лестное,—что „следующее издание, без сомнения, понадобится очень скоро" то это неуказание об'ясняется, повидимому, тем, что он считает книжку разошедшеюся. Или это предосторожность „классного наставника".

собою в гроб много старого буржуазного хлама в своих головах, то я от всей души желал бы, чтобы наше молодое поколение перепрыгнуло через те пропасти буржуазных и, самое главное, полубуржуазных кривотолков в область истинно социалистического мировоззрения. И особенно я желал бы, чтобы как во всех областях познания и сознания, так и в особенности в правовой области, мы не ограничились «переименованием улиц» или «перелицовкою вывесок», а вплотную занялись основательною сломкою и переорганизациею. В особенности широко распространена у нас в правовых вопросах любимая фраза, что то или другое слово понимается в «советском» смысле, после чего повторяется не что иное, как старое буржуазное толкование этого слова. Невольно мне при этом каждый раз вспоминается фраза из знаменитой сатиры английского писателя Диккенса «Записки клуба Пиквика», что между членами клуба «это слово понимается лишь в пиквикском смысле». Понятие советского права—слишком серьезная вещь, чтобы так легкомысленно с ним обращаться, ибо это не более и не менее как *революционное право* пролетариата в борьбе против *контр-революционного права* буржуазии.

За основу для своей работы я взял то определение права, которое мы в коллегии Нар. Ком. Юст. в 1919 г. приняли в своих руководящих началах уголовного права. Я должен сознаться, что мы тогда приняли эту формулировку довольно поспешно и больше чутьем, чем после тщательного изучения вопроса. И я теперь был даже приятно поражен, когда я убедился, что это определение в общем выдерживает критику. Поэтому я отказался от мелких поправок, которые можно было бы внести туда. Но мне пришлось в своей работе подробнее заняться и разбором таких «всем известных» понятий, как общество, класс, классовый интерес и т. д., ибо и эта работа в этой плоскости никем не была сделана, не только марксистами, но и буржуазною наукою о праве.

Наше определение права было первой попыткой дать научное определение этого понятия, т.-е. определение, охватывающее *всякое право,* как «общее» или буржуазное, так и феодальное и советское и т. д. Моя попытка подтвердить его результатами буржуазной науки, с одной стороны, с другой же стороны, одновременно вскрыть во всей наготе ненаучность, двойственность, беспомощность и иллюзорность всей буржуазной так называемой науки о праве, конечно, не задавалась и не могла задаваться целью исчерпать эту тему; скорее всего меня особо созна-

тельные товарищи будут винить в том, что я слишком много обращал внимания на таких буржуазных «спецов». С последними упреками я не согласен, ибо убежден, что побороть буржуазное, т.-е. юридическое мировоззрение в головах масс может только подробный его разбор. Ничто не так убедительно в нашу пользу, как примеры ученых, в том или ином отношении близко подошедших к нашему определению, если мы одновременно можем показать, что невозможность для них действительно найти решение об'ясняется об'ективными причинами. И я был бы рад, если бы моя работа послужила толчком для более основательных работ в этом направлении.

По моему первоначальному плану моя работа должна была состоять из двух частей: I части, посвященной общему учению о праве и государстве, и II части, имеющей своим предметом более практическую задачу: научное изложение советского «гражданского» права, т.-е., как в одном, так и в другом случае, вопрос о праве вообще и о праве граждан, в частности, исследовать в сопоставлении правовых институтов буржуазного и пролетарского общества. Я пока передаю в печать лишь первую половину первой части своей работы — «Общее учение о праве», считая, что не следовало бы медлить печатанием этой готовой части, ибо, если вторая часть первого тома, т.-е. «Общее учение о государстве», и замедлится, то этот недостаток не будет так чувствителен, ибо там мы уже имеем основные взгляды на значение и роль государства как буржуазного, так и пролетарского. Я полагал, что было бы более целесообразным сначала приступить к изложению советского гражданского права, ибо, при всей трудности разрешения этого вопроса в данную минуту — изменения курса революции, это именно потому и является наиболее неотложною работою. Но в наших литературных работах человек полагает, а печатный станок — располагает.

Москва, июнь 1921 г. **П. Стучка.**

---

1. Что такое право?

Великая французская революция начала, как известно, с торжественного провозглашения «Декларации прав человека и гражданина». На деле это *общечеловеческое право* Великой Французской революции оказалось лишь *классовым* правом гражданина, кодексом *буржуазии* (code civil). И, в самом деле, этот кодекс великого контр-революционера Наполеона является сжатою формулою всей сути великой и, прибавим, всякой иной буржуазной революции. Это настольная книга и, если хотите, даже библия класса буржуазии, ибо она содержит в себе обоснование самого естества буржуазии, ее священного права собственности. Таким образом, это ее действительно естественное, прирожденное («наследственное») право, так и провозглашенное естественным правом в декларации прав человека и гражданина. Ибо как в феодальном строе барон человеком считал лишь барона, так и в буржуазном мире человеком, в истинном смысле слова, признается только буржуа [1]), т.-е. человек с цензом, с частной собственностью. Размеры этого ценза, этой частной собственности, определяющие удельный вес каждого гражданина в данном буржуазном обществе, меняются с ростом капитализма. А отрицание этого ценза—не что иное, как «социальная революция».

Но если буржуа на свое гражданское право смотрит, как на прирожденное, и охотно окружает его ореолом священства, то *феодал* клянется, что естественным правом является только его феодальное, или выражаясь популярнее, «кулачное» право. Священная собственность его является действительно прирожденным, ибо «родовым» правом. И он охотно ссылается, как на свое евангелие, на вышедшее из той же мастерской римского права, но только дореволюционное «Прусское Земское Право» [2]).

Если мы, однако, делаем еще шаг назад, примерно к XV—XVI столетием, к эпохе великих крестьянских революций в Европе («Крестьянских войн»), то мы видим, что *крестьяне* отнюдь не

---

[1]) „Не человек, как citoyen (гражданин), но лишь человек, как bourgeois (буржуа) считается действительным и истинным человеком“ (Маркс, Nachlass, 1—420).

[2]) Так представитель исторической школы Савиньи в 1840 г. говорит о „счастливой Германии, которую не постигло проклятие революции“ и которая вследствие этого вместо проклинаемого Code civil, который в виде „болезни рака надвигается на Германию“, осталась при своем „ландрехте“, который „медленно, без революции создал нечто великолепное“.

были в восторге от нарождающегося и укрепляющегося, хотя и освященного церковью, феодального права и подняли восстание во имя своих «особых прав и священных обычаев». Они возненавидели не только само это новое право, но и его глашатаев, тогдашних докторов прав священного римского права, на которое в одинаковой степени ссылается и «code civil» и прусский «ландрехт». Мы еще в дальнейшем увидим, как жестоко они поступали с этими творцами права, которых они величали «живодерами» и «разбойниками». И лишь через трупы восставших крестьян окончательно укрепилось феодальное право собственности, это римское право в феодальном истолковании или феодальное право в римском изложении, слабое отражение которого мы находим еще и в упоминавшемся «ландрехте» германского буржуазно-помещичьего строя.

Значит, три класса — три рода священного естественного права. А когда германские социалисты не так давно еще восторженно пели «Вперед, кто чтит право и истину» (Wohlan wer Recht und Wahrheit achtet)», то они наверное не думали ни о том, ни о другом, ни о третьем, а о своем особом праве. И, наконец, когда мы в ноябре 1917 года свергли буржуазный строй, то мы буквально сожгли все законы прошлого мира, признали все права прошлого времени принципиально отмененными, а все-таки и после этого говорим о праве, *о советском праве,* о пролетарском правосознании и т. п.

Невольно спросишь: «Что такое, в самом деле, это столь разновидное понятие «право»?

Но если и нет другого слова, так часто произносимого, как слово «право», то все-таки ответа на наш вопрос о его существе мы не так легко добьемся. Обыватель нас просто отошлет к толстым книгам сводов законов или к особому сословию юристов. И в самом деле, целое «сословие» юристов веками ведает эту область. Само производство права приняло чистую форму крупного (фабричного) производства, для его применения и истолкования созданы настоящие храмы, где священнодействия жрецов этого права протекают по всем методам крупного призводства. А за всем этим область права остается таинством, чем-то непонятным для обыкновенного смертного, несмотря на то, что он все это обязан знать и что этим правом регулируются самые обыденные взаимоотношения людей.

Юрист вас спросит, в ответ на ваш общий вопрос, каким, собственно, правом вы интересуетесь: гражданским, уголовным или иным? И, как доктор по рецепту, вам, может быть, отпустить вашу долю правды и справедливости, хотя и без всякого ручательства. Но как и доктор вам не об'яснит содержания своего рецепта, так и юрист вам не даст общего пояснения права.

Вы обращаетесь к ученому правоведу. Он вас прежде всего спросит, о каком, собственно, праве вы спрашиваете: о праве ли в об'ективном или суб'ективном смысле, и вам, пожалуй, скажет,

что первое, т.-е. «право в об'ективном смысле, это — совокупность всех социальных норм известного разряда, т.-е. *правовых* норм, а право в суб'ективном смысле — «создающиеся этими нормами для каждого суб'екта свободы действия, возможности осуществления своих интересов». Вы остаетесь в недоумении, ибо вы не получили никакого ответа по существу на вопрос, что такое право, а вам сказали только, что это таинственное понятие имеет две стороны: суб'ективную и об'ективную.

Вы обращаетесь к другому ученому, и тот вам перечислит целый ряд признаков права по его содержанию, но он вас тут же и предупредит, что ни одно из этих определений не выдерживает критики, ибо «мысленно мы можем представить себе *правовые порядки,* построенные на прямо противоположных началах, и тем не менее каждый из них (т.-е. правовых порядков) будет основываться на праве». Но для успокоения он прибавит: «впрочем, дело не в том, *какое поведение требуется* нормами права, а как *требуется* поведение, указываемое в нормах права» (Шершеневич).

Я откладываю в сторону уйму общих и специальных ученых работ по вопросам права и обращаюсь к общедоступной настольной книге по всяким вопросам. В «Большой Энциклопедии» я читаю: «*Право.* Вопрос о существе права принадлежит к числу наиболее трудных и до сих пор *нерешенных* проблем. До настоящего времени в общем учении о праве оспаривают друг у друга исключительное господство значительное число существенно друг от друга отличных теорий».

Значит, о том же самом праве, которое веками «правит» человечеством, во имя которого происходили смуты, восстания, революции, по сие время остаются в силе слова Канта: «Юристы все еще ищут определения для своего понятия права». Но юристы и, прибавим, не только юристы тщетно ищут определения *вечной категории* права. И мы увидим еще в дальнейшем, почему они не могли и даже не желали (т.-е., может быть, несознательно, но всетаки не желали) найти и дать действительно *научное определение* понятия права.

Когда пред нами, в коллегии Нар. Ком. Юст., при редактировании руководящих начал по уголовному праву РСФСР (см. собр. уз. 1919 г., № 66, ст. 590) предстала необходимость формулировать свое, так сказать, «советское» понимание права, мы остановились на следующей формуле: «Право—это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованною силою его (т.-е. этого класса)». Возможна, конечно, более совершенная формулировка понятия права. Необходимо более подчеркнуть слова «система или порядок» или заменить их иным словом, более ярко отмечающим сознательное участие человека в установлении этой «системы или порядка». В последнее время я вместо «система» и т. д. поставил слова «форма организации общественных отноше-

ний, т.-е. отношений производства и обмена» [1]. Может быть. следовало бы более подчеркнуть и то, что интерес господствующего класса является основным содержанием, основною характеристикою всякого права. Возможна, наконец, и еще формулировка, что право есть «*система* или порядок *норм,* фиксирующих и охраняющих от нарушения означенную выше систему общественных отношений и т. д.». Мы этот последний взгляд на право с несколько иной точки зрения оспариваем и разбор его дадим в дальнейшем, но все-таки он основывается на верной, а именно *классовой* точке зрения. В общем и целом я считаю и ныне вполне приемлемою формулу Наркомюста, ибо она содержит те главные признаки, какие входят в понятие *всякого* права вообще и не только советского. Самое основное ее достоинство в том, что она впервые ставит на твердую научную почву вопрос о праве вообще: она отказывается от чисто формальной точки зрения на право, видит в нем не вечную категорию, но меняющееся в борьбе классов социальное явление. Она отказывается от попыток буржуазной науки примирить непримиримое, а, напротив, находит мерку, применимую к самым непримиримым видам права, ибо она стоит на революционно-диалектической точке зрения классовой борьбы и классовых противоречий.

За исключением признака *классового* интереса, и буржуазные теоретики неоднократно близко подходили к каждому отдельному из наших признаков права. Но они «понюхали, понюхали и пошли прочь». И вся юриспруденция, это «знание божественных и человеческих дел, наука права и справедливости» [2]), не исключая ни ее социологического, ни, тем паче, социалистического направления, по сие время вертится в каких-то убогих формулах и сама то и дело переживает сомнения, есть ли она вообще наука. Ответим прямо: нет, до сих пор она не была и не могла быть наукою; она может сделаться наукою, лишь став на классовую точку зрения (на точку зрения рабочего или враждебного ему класса, но классовую). Может ли она это? Нет, она не может. Ибо, внеся революционную (классовую) точку зрения в понятие права, она *«оправдала» бы, сделала бы законною и пролетарскую революцию.* Только теперь, после победы пролетариата, и буржуазные юристы начинают робко говорить о том, что каждый класс имеет свое право [3]). Но их убедила не теория, а победа революции на деле.

Поэтому и в тех случаях, когда находились среди юристов социалисты, признающие на словах принцип классовой борьбы, они почти поголовно стояли на точке зрения оппортунизма и

---

1) Ср. мой доклад: П. Стучка. «Классовое государство и гражданское право». Москва, 1924.

2) Ульпиан определяет: „Jurisprudentia est divinarum et humanarum rerum notitia, aequi atque justi scientia“ (D. I. I. 10).

3) См. проф. Трайнина, в журнале „Право и Жизнь“, № 1.

были и остались ярыми противниками революционного понимания классовой борьбы, т.-е. они относились к тому течению, которое теперь под марксистскою маскою на каждом шагу предает революцию. И то, что Энгельс (вместе с Каутским) писал в 1887 г. (в «Neue Zeit» № 49) в редакционной статье против буржуазного «юридического социализма», целиком относится и к ним [1]). В нынешнем понимании права нет места революции, и как германские революционные крестьяне гнали своих докторов прав, а испанцы проклинали своих «togados» (юристов) [2]), так и пролетарской революции приходится быть на страже от своих «буржуазных юристов». И интересно отметить, что такое научное ничтожество, как германский проф. Штаммлер, сумевший создать себе имя своею буржуазною карикатурою на марксизм, видит главный, если не единственный недостаток Маркса в его «недостаточной юридической выучке (Schulung»). А между тем Маркс, прошедший хотя и старую римскую школу берлинского университета 30-х годов и не питавший никаких особых симпатий к этой науке [3]) в ее тогдашнем виде, в письме от 25/XI 1871 г. (по адресу Больте), характеризовав борьбу за сокращение рабочего дня посредством закона как борьбу политическую, дает следующее тонкое определение понятия права, до сих пор не достигнутое юридическою наукою: «Из таких единичных движений рабочих вырастает политическое движение, т.-е. движение класса *в целях осуществления своих интересов* в общей форме, т.-е. *в форме, обладающей общею общественно-принудительною силою*». Вы видите, что тут в характеристике завоевания рабочего законодательства как части права, содержатся все принятые и нами выше признаки.

Но бросим хотя бы беглый взгляд на целые горы юридических «трудов», посвященных исканию «верного» определения понятия права. Хотя громадное большинство их и исходит из понятия юридического отношения, но право в об'ективном смысле они почти поголовно видят только в совокупности норм, т.-е. своде законов, волевых велений, за исключением лишь тех маниаков в тогах (рясах) ученых (оттуда по-испански их и называли — togados), для которых настоящее право находится лишь в собственном сознании, интуиции, или где-то обретается в «натуральном» виде (натур-юстиция), *а положительный закон изображает лишь одну иллюзию.* Но еще древний римский юрист (Paulus) учил: «Non ex regula jus sumatur, sed ex jure, quod est, regula fiat», значит,

---

[1]) Эта статья после моего указания появилась в русском переводе в журнале „Под знаменем марксизма" за 1923 г. № 1.

[2]) Маркс в своих письмах об испанской революции приводит изречение времен Филиппа V: „Все зло происходит от „togados" (юристов). И у русского крестьянина есть пословица: „Не бойся закона, бойся законника". Во Франции из 745 депутатов—300 адвокатов (см. Prof. Dr. Heyck, Parlament oder Volksvertretung. Halle, 1908).

[3]) Известно его изречение „juristisch, also falsch"—„по юридическому, значит—неверно".

закон возникает из права, а не право из закона. А юрист-практик Зильцгеймер («Социологический метод в частном праве», Мюнхен) пишет: «Правовой порядок вовсе не должен совпадать, да и не совпадает с правовой действительностью во многих отношениях, ибо не все «действующее право» (читай — совокупность норм) действует и *не все действующее право высказано* (в законе)». Как русский Иверский адвокат поучает: «которая статья *гласит*, а которая и не гласит» [1]).

В самом деле, казалось бы, что с тех пор, как появилось социологическое направление в науке о праве, уже хотя бы одно установилось твердо, что правом является, именно, система общественных отношений. Но это социологическое направление там, где оно договорилось до понятия общественных отношений и общественного порядка, столкнулось со столь же непонятным для него понятием общества или с красным призраком классовой борьбы и вновь оказалось в тупике [2]).

Так, один из главарей «юридического социализма» среди буржуазных профессоров, умерший венский профессор Антон Менгер писал: «Всякий правопорядок—это великая система отношений власти, развившаяся внутри данного народа в течение исторического развития». А если взять более нового автора, проф. Ергес («Recht und Leben» в Zeitschrift für Rechtsphil, 1919, VI 13)

---

[1]) „Существуют и скрытые (latente) нормы" (Иеринг. „Дух римского права", нем. изд., 29). См. дальше главу: „Право и закон".

[2]) Близко около социальных отношений, как содержания права вертится не мало и буржуазных юристов. Так Кистяковский („Социальная наука и право") пишет: „При социально-научном исследовании права надо *признать осуществление права* основным моментом для познания его и поэтому исходить из рассмотрения *права в его воплощении* в правовых отношениях". Здесь автор еще придерживается „волевой" традиции, но свой анализ направляет уже не на волю, но на ее осуществление. Приведем еще и другие примеры из работ юристов так называемого социологического направления. „Всякая правовая норма или, по крайней мере, всякий комплекс правовых отношений может быть созерцаем с юридической и социологической точки зрения. Основные правовые институты (Rechtsgebilde), как, напр., семья, собственность, государственная власть, община соответствуют общим социальным явлениям. Но характерно для права, что оно отделяется от социальной материи, т. е. от общественных фактов и отношений, внешнею формой и порядком которых оно является. Этот процесс обособления (Verselbständigung), главным образом, обусловливается увеличивающимся вместе с ростом цивилизации осложнением условий жизни, которое делает все более невозможным полное и постоянное согласование общего правила и отдельного случая. Правоведение, как техника, это—самое совершенное выражение этой тенденции права к самостоятельности... Так возникает *дуализм* между *правом и социальным содержанием* (Substrat) *права*" Max Huber. Beiträge zur Kenntniss der soziologischen Grundlage des Völkerrechts Zeitschrift für Rechtsphilosophie. Band IV). „Право старается охватить общество не как оно есть и становится, а в смысле порядка его осуществления" (см. проф. Ергес, Zeitschrift für Rechtsphilosophie. 1919, II). „Социологический метод сводится к познанию правовой действительности", „Rechtswirklichkeit" (H. Silzheimer, Die soziologische Methode in der Privatrechtswissenschaft, 1919).

то мы у него читаем: «то, что дано в схваченном нами понятии права, это совместная жизнь и совместная деятельность людей (Zusammenleben und Zusammenwirken), направленные на обеспечение благ, необходимых для удовлетворения их потребностей. Мы это называем общественной жизнью... Таким образом, *право* является *порядком* общественной жизни (проявления общественной жизни)». Но тот же Ергес несколькими строками ниже опять возвращается к «праву, как системе норм, т.-е. направляющих линий или мотиваций для общественных проявлений жизни».

Мы пока оставляем в стороне вопрос об обществе, общественных отношениях [1]) и их системе, на которых нам придется остановиться подробнее, и ограничиваемся лишь указанием на то, что и буржуазная наука, пока только робко, дошла до того понимания, казалось бы, само собою разумеющегося, что право есть известный порядок, т.-е. система общественных отношений или взаимоотношений людей, а не только те или другие статьи, трактующие об этих взаимоотношениях, или тот или иной определенный формально правовой институт.

Но при отсутствии классовой точки зрения, у них попрежнему получаются пустые формулы. Берем, напр., «право — свободу» Е. Трубецкого: «Право есть совокупность норм, с одной стороны, *предоставляющих,* а с другой — *ограничивающих* внешнюю *свободу* лиц *в их взаимоотношениях*». Или право — «защищенный интерес» Коркунова: «Право установляет разграничение людских интересов... и, следовательно, отношение их (людей) только к людям». Или, наконец, того же «марксиста на выворот» Штаммлера: «Право — это по своему смыслу есть считающееся непоколебимым (unverletzbar geltende) принудительное регулирование совместного проживания (Zusammenleben) людей». И суб'ект и об'ект исчез, получается формула без всякого содержания, и вы читаете целые библиотеки по поводу того, как отграничивать право от нравственнности или науку о праве от всех прочих наук, ибо она по очереди была тесно связана и с естествознанием, и с историко-филологическими науками, особенно с философиею, и в последнее время с социологиею. И если мы берем такого серьезного ученого, как основателя русской социологической школы юристов Муромцева [2]), то его определение правового порядка, учитывающее и право в смысле порядка социальных отношений, и организованную и неорганизованную защиту этих отношений, понимая под организованною формою защиты именно форму юридическую или правовую, принимая и признак интереса, выдвигаемый Иерингом, ограничилось лишь пустою, бессодержательною формулою, ибо было чуждо классового понимания общественных отношений. Только классовое понимание права вносит необходимую

1) Юристы, вообще, говорят и здесь об отношениях людей прямо к вещам, напр. о так называемых вещных правах.

2) См. Муромцев — „Определение и основание разделения права". М. 1879.

определенность, без которой юриспруденция есть только простая техника словесности, «служанка» господствующего класса.

Второй признак права — это его охрана организованною властью господствующего класса (обыкновенно — государства), при чем главная, если не единственная, цель этой власти, — охрана этого порядка, как соответствующего интересу или, вернее, обеспечивающего интерес того же господствующего класса. Казалось бы, что по вопросу о принуждении, как элементе права, должны были безусловно согласиться все, кто право видит в совокупности норм, т.-е. в конце концов, законов, изданных или признаных именно этою властью.

Но и для того, чтобы выступить с этою откровенною теориею потребовался такой смелый ум, как германского профессора Иеринга. Он откровенно провозглашает силу, принуждение, как безусловный признак права, и в самом праве видит только защищенный интерес. Он, конечно, чувствовал, что он имеет дело с интересом господствующего класса и властью классовою, но он, повидимому, в этом классовом элементе не отдавал себе полного отчета. Но на деле он безусловно стоит на страже интересов прусско-германского юнкерски-капиталистического класса, а когда он говорит об интересах, то он переходит в область телеологии, к суждениям о конечных целях и о бесконечных предпосылках, ибо «ни одна культурная нация не может обойтись без церкви» и «ни одна философия или наука вообще (напр., учение Дарвина) без предпосылки бога». Он говорит о «праве, как обеспечении жизненных условий *общества* путем принуждения», но какое общество он имеет в виду, — явствует лишь из его слов, когда он напр., рисует пред своею аудиториею «необеспечность права собственности» (читай имущих) по сравнению с «правами личности» (т.-е. неимущих). Он там ограничивается одною фразою: «Я забыл бы, *пред какою публикою* я говорю, если бы стал тратить хотя бы одно лишнее слово по этому поводу». Итак, даже самый смелый и самый откровенный представитель буржуазной науки о праве, каким безусловно приходится признать *Иеринга*, не дошел, или не решился дойти до открытого признания классового характера права и остался в том же тупике.

Эклектику удастся, собирая от разных авторов по перышку, подобрать все наше определение права и среди буржуазной юридической науки, но в таком сочетании эти отдельные признаки друг друга пожирают, ибо отрицают, и только в классово-революционной перспективе это определение становится жизненным и освобождается от всякой недоговоренности и всякого лицемерия.

Но скажут нам: отвечает ли наше определение действительности? Охватывает ли оно всю область права, как его представляют себе история и жизнь? Мы, конечно, наше право не можем применять в обществе, не имеющем классов, но мы дальше увидим, что там и нет права в современном смысле, и только самое неразборчивое применение современной терминологии к античному

обществу создает подобные «иллюзии». Это, однако, повторяет только общепринятое в буржуазной науке смешение понятий, находящее и капитал, и пролетариат и т. д. и в древнем мире. Но всюду, где в той или иной форме имеется деление человечества на классы и господство одного класса над другим, мы находим право или нечто, похожее на право. Мы же в своем исследовании ограничиваемся правом эпохи буржуазного и предшествовавшего ему феодального общества, как наиболее выраженным его образцом. Что же касается области, охватываемой правом, то наиболее опасным считается возражение на счет международного права. Но мы еще увидим, что международное право, поскольку оно вообще есть право, вполне должно соответствовать этому определению, и на это всем открыл глаза современный империализм, в особенности, мировая война со всеми ее последствиями. Мы говорим о власти, организованной классом, не называя ее государством, чтобы охватить именно более широкую область права. Но, добавлю я, есть еще попрежнему даже в среде лицемерной буржуазной науки много ученых, серьезно сомневающихся на счет места международного права в системе прав вообще.

Остается еще одно возражение: что это определение подходит якобы только к так называемому гражданскому или частному праву. Ясно, что наше определение действительно пытается поставить опять на ноги людей в их взаимоотношениях, признавая самым основным вопросом в праве отношение человека к человеку, тогда, как мы в буржуазном обществе видим полное владычество мертвой нормы над живым человеком, где человек существует для права, а не последнее для первого. Что первичным является гражданское право, признал еще Гумплович, который пишет „Rechtsstaat und Sozialismus“): «Это ясно и бесспорно, что акт законодательства, об'являя его (т.-е. частное право) обязательным, только отвел частному праву роль закона, но этим еще нисколько не исчерпан вопрос о происхождении самого частного права». Значит, «частное право» (как порядок общественных отношений) существует раньше закона. По нашей конструкции, все остальные правовые институты созданы лишь в целях обеспечения этого основного права и поэтому имеют лишь вспомогательный характер, как бы ни показались они преобладающими над всеми прочими. А там, где государство переходит в роль суб'екта «частного права», государство действует лишь как „Gesammtkapitalist“ (слово Энгельса), т.-е. олицетворенный капитал или представитель всего класса капиталистов.

Итак *вечное* понятие права нами похоронено; оно похоронено на деле и буржуазною наукою. Одновременно гибнут и вечные и расплывчатые буржуазные понятия общечеловеческой правды и справедливости, заменяемые у нас чисто классовыми понятиями. Но если мы говорим о праве и справедливости в классовом смысле, то мы, конечно, не имеем в виду того робкого дуализма, тех двух душ, которые борются в груди всякого честного филистера и кото-

рые так ярко проявляются у эпигонов революционных философских умов и их юридических попугаев („vom richtigen Rechte“ — о понятии «должного» права), но чисто классовые, революционные лозунги.

Кто усвоил себе образ мышления Маркса и Энгельса о капитале, деньгах и т. д., как общественных отношениях, тот сразу поймет и наши слова о системе общественных отношений. Мы дальше еще увидим, что Маркс иногда право обозначал формальным осуществлением или опосредствованием общественных отношений. Труднее это будет для юриста, для которого право является чисто техническою, искуственною надстройкою как для него ни странно, властвующею над своею основою. Терминологии волевых теорий права маленькую дань отдал и К. Маркс. Ведь Маркс был воспитан на понятиях права 30-х годов, усматривающих в нем выражение «общей воли» («Volksmillen»)[1]. По той же причине такой выдающийся современный представитель исторического материализма, как М. Н. Покровский, в своей ценнейшей книге «Очерки истории русской культуры», I (стр. 181), пишет слова, как: «А так как *естественные* нормы общественной жизни остаются неизвестны, то люди стремятся *создать нормы искусственные*[2]), *это есть то, что мы называем законом, правом*. Искусственность эта растет по мере приближения к нашим временам, по мере того, как хозяйство становится сложнее, жизненные отношения «запутаннее». Мне скажут, что неюристу такие выражения простительны. Не в том дело. Тов. Покровский не исключение; он, как и все прочие *неюристы, тут еще слишком юридически мыслит*. И что тогда сказать про юристов? Но ко всем этим вопросам мы еще вернемся.

Кто понял, что институты собственности, наследства, купли-продажи и т. д. не что иное, как *правовые отношения*, а стало быть, и формы *общественных взаимоотношений людей*, тому откроются глаза и на те общественные отношения, которые кроются за всякою действительно правовою статьею закона. Он начнет мыслить революционно-диалектически и в правовых вопросах. И пред его глазами ясно вырисуется контр-революционное *право* феодального мира в борьбе с общественным *интересом* когда-то революционной буржуазии, а также и контр-революционное буржуазное *право* в борьбе с революционным классовым *интересом*[3])

---

1) В первом издании это место вызвало недоразумения. Конечно, тут никакого „упрека“ и никакого „обвинения в ереси“ нет. Маркс пользовался терминологией самых передовых представителей науки. Ныне, он, понятное дело, говорил бы несколько иным языком. Существо дела как мы еще увидим, он и тогда уже определил верно и отчетливо.

2) „Еще древняя философия ставила себе проблему: является ли право продуктом природы или произведением искусства?“ (Гумплович, I., 63).

3) Я подчеркиваю слова „право“ и „интерес“, чтобы обратить внимание на их противопоставление, а не смешение. Классовый интерес превращается в право лишь после победы класса и теряет это качество с уходом класса от власти.

пролетариата. Если первая борьба кончилась компромиссом обоих борющихся классов, то здесь нет места компромиссу: „Pollise verso“, «Кулаком в глаз и коленом на грудь!».

2. Общественные отношения и право.

Мы говорим, что право является системою общественных отношений или известным общественным порядком. Но что мы понимаем под словом общественные отношения? Повторяется то же самое, что с правом. Нет слова, чаще употребляемого, чем слово общество, и нет понятия, более неопределенного и более туманного, чем понятие «общество». Не говоря уже об обществах в смысле узко техническом, о так называемых обществах — юридических лицах, мы употребляем выражения: древнее, феодальное, буржуазное и даже будущее общество, мы рассуждаем о человеческом обществе вообще и сплошь и рядом ссылаемся на общественное мнение. Но, повидимому, здесь слово общество каждый раз означает нечто иное, и когда находятся ученые, которые хотят найти признаки, *общие всем этим различным понятиям,* скрывающимся под этим одним словом вообще, то получается или величайшая путаница, или опять-таки формула, лишенная реального содержания. А, как известно, в буржуазной науке как раз такие «общие места» признаются последним словом науки. Однако все языки, не исключая и научного, знают слова с весьма различными значениями. Это иногда неудобно; однако, с этим фактом приходится считаться. Но не следует довести до абсурда эти различные значения одного и того же слова, оставляя исследование их просто особой науке языковедения. Тут есть простой выход: в каждом отдельном случае точно условиться, что мы в данном случае, в данной отрасли, напр., понимаем под этим словом. Но этого не сделала, и мы еще увидим, почему она не могла этого делать, — буржуазная наука.

В относящейся к нашему предмету области слово «общество» обозначает либо известный, более или менее широкий, *круг людей* в их взаимоотношениях, либо же известный *комплекс самых взаимоотношений* этих людей. Но какой круг людей и какие взаимоотношения людей должны быть предметом науки об обществе (социологии), в этом отношении мнения ученых расходятся настолько, что нет, пожалуй, двух социологов, вполне согласных между собою. Один из этих ученых (Максвейлер) так прямо и заявляет, что слово «общество» является де «простым недоразумением, поскольку ему приписывают какое-либо конкретное значение», ибо «оно немедленно улетучивается, как только мы пытаемся углубляться в его смысл».

Как известно, древний греческий мир, в лице Аристотеля, исходил от человека, как члена общества («зоон политикон»). Не будем останавливаться на вопросе, в каком смысле он понимал

общество; мы видим одно, что буржуазная наука, исходящая от отдельного индивида, в виде пресловутого Робинзона, как будто бы сделала шаг назад. И то же самое кажется нам по поводу теории «общественного договора» (contrat social). Пред философом древней эпохи, как на ладони, были откровенные общественные отношения, тогда как буржуазная наука начала с бесконечного количества разных фетишей. Наука об этом обществе исходила с индивида [1]), перенося на общество по очереди все теории из науки о «внешней природе» вообще и о человеке — в частности.

Так возникают по очереди: механическая, биологическая (органическая, т.-е. антропологическая или зоологическая), далее психологическая школы. Конечно, все они в действительности были известным шагом вперед, ибо они, путем применения методов прочих наук, все-таки стали выяснять взаимоотношения распыленных индивидов, как членов общества — механизма, организма (человека — у Спенсера, Шефле, Лилиенфельда и др., как человека-Ливиафана — у Гобеза и т. д.). Психологическая школа хотела создать теорию массовой психологии, т.-е. исходила от того же организма, только *с его головы*. Провозгласили социологию самостоятельною наукою, но она была не что иное, как применение к социологии исторического метода, который и здесь ограничился описательным и об'яснительным приемами. Большим шагом вперед, наконец, был метод сравнительный и особенно статистический.

В этом хаосе материалов и мнений надо было явиться уму, как Марксу и Энгельсу, чтобы, внеся во весь этот материал выводы из буржуазных революций, вскрыть пред нами сущность самого общества, как *совокупности явлений, изменяющихся и развивающихся по своим особенным, имманентным законам*. Их экономический материализм внес новое содержание в понятие общества. Они исходили от того простого факта, что мы человека всегда знаем только как члена той или иной совокупности индивидов. Но что их об'единяет в эти единства? В борьбе за существование, «чтобы производить свою материальную жизнь, люди вступают в определенные взаимные связи и отношения и только внутри этих общественных связей и отношений возникают те воздействия людей на природу, которые необходимы для производства». И вот *«условия этого производства в их совокупности* образуют то, что *называется общественными отношениями, обществом*, и при том обществом на определенной исторической ступени развития, обществом с определенным, отличительным характером. Такие своеобразные совокупности отношений производства представляют собою — античное (древнее), феодальное (средневековое) и буржуазное общество, и каждый из этих видов общественных организаций соответствует, в свою очередь, известной сту-

---

[1]) Интересно отметить, что сам основатель науки социологии Огюст Конт понимает ее не как науку об обществе, но как „науку о *человеке*, как члене общества“.

пени развития в истории человечества» (см. «Наемный труд и капитал»). Итак, совокупность людей, связанных на определенной исторической ступени развития совокупностью условий производства, как основою их взаимоотношений, называется обществом, а «общественные отношения» этих производителей и есть то, что мы называем отношениями *производства* или труда.

В дальнейшем Маркс к отношениям производства прибавляет еще отношения *обмена*. «Предположите, — пишет Маркс в 1846 г. в письме к П. В. Анненкову о Прудоне, — что дано известное состояние производственных способностей людей, и у нас получится определенная *форма обмена* и потребления. Предположите, что дана известная стадия *развития производства, обмена и потребления*, и вы получите определенную форму общественного устройства, определенную организацию семьи, сословия, классов, словом, *определенное гражданское общество*. Предположите, что дано такое-то гражданское общество, и перед вами будет такой-то политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества».

Но, говоря об обществе, как об отношениях производства и обмена, Маркс поясняет, что общество не есть простой итог этих отношений, что сверх этого итога в процессе производства и обмена получается известный чисто общественный плюс. Таким образом человек, как часть общества, не есть просто индивид с общественными наклонностями, это есть «общественный человек» (Vergesellschafteter Mensch, «человек *в процессе труда*». Если у Маркса можно найти слово общество и в другом значении, как совокупности лиц, то обыкновенно в том смысле, что *люди являются вообще олицетворением производственных отношений* (напр., Маркс сплошь и рядом говорит о капиталисте, как об олицетворении, персонификации капитала, о классе землевладельцев, как о персонификации земельной собственности).

Итак, Маркс под словом общество, в первую голову, понимает совокупность производственных, а затем и распределительных отношений. «Отдельные отношения производства (и, прибавим, обмена) в каждом обществе составляют одно целое», говорит Маркс в своей «Нищете философии», из чего вытекает, что наше определение права, ссылаясь на «систему общественных отношений», как единое целое, общественный порядок, вполне согласовано со взглядом Маркса.

Сначала буржуазная наука замалчивала Маркса, отчасти и действительно его не понимала, но чаще всего не хотела понять. Не на долго, ибо теория Маркса была не книжная, а жизненная теория, стучащаяся в двери буржуазии в лице пролетарских масс. А после Маркса возможны были только продолжатели или исправители (ревизионисты) его теории. Чрезвычайно интересно, что почти одновременно во всем мире среди социалистов появилось правое, «предательское» крыло марксизма, но это было только отражением ревизионизма, чисто буржуазного. Буржуазия, никогда

особенно не отличавшая социологии от социализма, как она постоянно смешивает революцию «социальную» и социалистическую, родила целый ряд новых ревизионистических направлений в социологии.

Во-первых, направление берлинского профессора Зиммеля, обещавшего в предисловии к своей «Философии денег» «подвести новый этаж под исторический материализм», но кончившего пустыми математическими общественными «кругами» и азбучными истинами, прикрываемыми блестящим фейерверком фраз. Зиммель, в конце-концов, определяет свою задачу словами: «Описание и исторически-психологическое воспроизведение (Herleitung), тех *форм* (и только), в каких совершаются взаимодействия людей».

Во-вторых, имеется школа такого пустослова, как, говоря словами Гейне, «своею знаменитостью известного» — Штаммлера, обещавшего исправить Маркса, вернее, дать в своем лице нового Маркса без Марксовых ошибок, а кончившего тем, что вместо «социализации» юриспруденции он «узаконил», «юстифицировал» социологию, т.-е. в учение об обществе перенес методы чисто юридические, вернее, прусско-бюрократические, ибо он определяет всякое общество просто, как *внешне нормированное* сосуществование (äusserlich gregeltes Zusammensein) людей», значит, понимает все человеческое общество в роде как бы *утзержденного начальством* немецкого «ферейна».

Третьей поправкой или, вернее, опровержением, было психологическое направление, как в политической экономии и правоведении, так и здесь, пытавшееся создать беспочвенную теорию филистерского индивидулизма. Если психологические школы Тарда, Уорда, Лебона и др. искали основы общественности все-таки в зависимости слабого от сильного, напр., толпы от героя, и рассуждали о массовой психологии (подражании и прочих способах влияния на массы), то эта новая психологическая школа исходила от «нормальной» индивидуальной психологии свободного либерального филистера и только. Характерным ее представителем в России является известный юрист-кадет Петражицкий. А типичны в этом отношении научные «законы» близкого, в конце-концов, и к этой школе Зиммеля, как, напр.: «Социальные интересы нас окружают, так сказать, концентрическими кругами: *чем теснее* они нас облегают, *тем незначительнее* они должны быть сами по себе». Вам помнятся концентрические круги теории предельной полезности, только наоборот. Но по существу эта абстрактная формула пуста, ибо лишена всякого содержания [1]).

---

[1]) Зиммель, напр., пишет: „Взаимоотношения людей, вытекающие из *самых разнообразных* импульсов (побуждений) по поводу *самых различных об'ектов* и из за *самых различных* целей, в своей совокупности составляют общество *в самом определенном смысле* (sensu strictissimo), как форму человеческаго существования *в различие от другого значения* понятия, по которому общество заключается в совокупности индивидов, состоящих во взаимных отношениях, взятых вместе со всем

Возвращаясь к нашему вопросу об общественных отношениях, как о содержании права, нам необходимо остановиться на конкретизации нашего понятия общества.

Если мы начинаем с того первобытного общества, как мы его восстанавливаем пред нашими глазами по отрывочным данным предания, по пережиткам старины и сравнительным данным из быта дикарей, то явлением, характерным для первых известных нам союзов, т.-е. *родовых* (гентильных, кланов), мы должны отметить то, что они *не знают частной собственности,* а живут *в первобытном коммунизме*. Что это означает? Это означает, что союз, общество их об'единено и держится в этом единстве в интересах совместной добычи средств существования, совместного «присвоения природы». Хотя в этом об'единении и играет важнейшую роль кровное родство, инстинкт продолжения рода, но решающее значение безусловно имеет этот инстинкт не в смысле воспроизводства потомства, но в смысле содержания себя и, главным образом, потомства, а вместе с тем и своего рода.

В этом родовом союзе существует известный, хотя и слабо организованный план хозяйства, имеется и своего рода разделение труда, но *нет права* в современном смысле слова. Правда, создается понятие присвоения, но только присвоения результата своего или своего союза труда. Итак, *собственный труд — основа первоначального присвоения*. В своих взаимоотношениях родичи руководствуются нравами (норовами), обычаями [1]). Но эти обычаи, в сущности, — только технические приемы, подсказываемые опытом и инстинктом. А инстинкт Раценгофер определяет, как психологическую способность человека (als psychologische Anlage im Menschn) на основах опытов (переживаний) прошлых поколений. Мы первобытного человека знаем именно только в таком тесном, хотя и более или менее широком общежитии. Нет закона, нет права в современном смысле, а существует весьма прочное и тесное общество, которое нормируется как будто только законами природы.

Нет сомнения, что между обществом этого рода и обществом современным лежит целая пропасть. Проф. Теннис (Tönnies —

содержанием и со всеми интересами, созидающими эти отношения". Смотри, напротив, мнение другого чисто буржуазного писателя: „Общество, как таковое, не может не только мыслить, чувствовать, желать, оно не может и действовать, ибо оно не имеет собственного тела рядом с телесами входящих в его состав индивидов. Даже какое бы то ни было выражение общей мысли может последовать *только индивидуально* (Р. Щуберт-Зольдерн. Цит. у Wilhelm Bauer:. Die oeffentliche Meinung und же ihre geschichtliche Grundlage. Tübingen, 1914"). А у третьего буржуазного юриста мы читаем: „Первоначальным типом общности людей является общество, в котором существуют обязанности, не получившие санкции ни от какого начальства. (Dr. G. de Vecchio—Bologna, „Die Idee einer vergleichenden universellen Rechtswissenschaft").

---

[1]) „На первобытной (primitiver) ступени развития *право и обычай* (вернее „нрав"—Sitte), вообще совпадают" (проф. Ахелис).

„Gemeinschaft und Gesellschaft“ «Общность и общество») этого рода об'единения, представляющиеся нам, «как реальная и органическая жизнь», называет общностью, общиною (Gemeinschaft) в отличие от «общества», как идейного и механического соединения». Маркс и Энгельс, и с полным правом, этого различия не делают и подводят под слово общество также и род, и семью, ибо для них ясно, что и здесь основою являются производственные отношения. Основная разница между этим первобытным древним и современным буржуазным обществом в том, что первое является самодовлеющею трудовою и потребительною ячейкою или единицею, основанною на природных взаимных связях, тогда как в современном обществе организация труда и потребления (путем товарообмена) обособляется от этих первобытных организаций и природных связей. «Чем менее развит труд, тем более общественный строй определяется родовыми союзами: но это старое общество, основанное на родовых связях, взрывается вследствие столкновения со вновь развившимися классами, и их место занимают *союзы территориальные* (Ortsverbände)[1]), т.-е. общество, в котором над семейным союзом целиком властвует собственность» [2]). (Зиммель, «Философия денег»).

Из первоначальных способов производства: неоседлого или кочевого земледелия, кочевого скотоводства, охоты, рыбной ловли и изготовления средств этих производств, лишь последнее (т.-е. изготовление орудий труда), и затем кочевое скотоводство дает накопление и вообще образование запасов (в последнем случае, так сказать, передвижной, «ходячий» запас). Запас означает известный излишек и создает почву для первобытного обмена. Обмен этот происходит сначала не индивидульно, а между союзами («международно»), или в виде взаимного дарения, или в виде «безвозмездного» присвоения, т.-е. путем грабежа, войны, дани.

Но эти излишки пока были незначительны. Маркс указывает, что *первым условием* всякой эксплоатации человека человеком, т.-е. всякого присвоения чужого труда, в известной мере даже и путем грабежа, является *возможность* такового присвоения, т.-е. *возможность известного прибавочного труда и продукта:* «Если рабочий все имеющееся в его распоряжении время вынужден затрачивать на производство необходимых средств существования для себя и своей семьи, то у него, конечно, не остается времени для безвозмездного труда в пользу третьих лиц. Таким образом, пока производительность труда не достигла определенного уровня, в распоряжении рабочего нет того избыточного времени, без которого невозможен прибавочный труд, и невозможны, следова-

---

1) „Община (Gemeinschaft) не знает индивида, как такового, но только отдельных членов, действующих каждый за и через целое („für und durch das Ganze wirkend“). Prof. Mucke: Horde urd Familie. 1895 Stuttgart

2) Значение территориального принципа в образовании государства подчеркивает уже Ф. Энгельс. (Происхождение семьи, частной собственности и госуд.).

тельно, и капиталисты, но невозможны в то же время и рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом, какой бы то ни было класс крупных собственников». (Капитал, I, нем. издание Каутского, 450).

Такое состояние создается, впервые как обычное явление, при *оседлом земледелии,* т.-е. земледелии с севоборотом и постояннным жилищами. Простое, но гениальное изобретение, — заостренную палку (по-славянски «соха» означает именно такую палку), или деревянную кирку, мотыку, которою кочевой земледелец (вернее, земледелица) копал ямки или вскапывал почву для «посева» — использовать *для проведения длительной ямки (т.-е. борозды),* с применением животной силы, создало современное земледелие, соха-плуг и разрушил первобытный коммунизм и создал сначала «заимочную», а затем собственную пахоту, ибо соха-плуг не только создал подворную систему, т.-е. возможность обрабатывать известное количество земли силами семьи-двора, но и устранил непременную необходимость иметь общие поля, кроме лишь общих пастбищ и лесов и известных взаимных «помочей» на время страдной поры. Так образуется владение на все более и более продолжительное время, сперва на один урожай, т.-е. год, затем два года — в двухпольную систему, 3 года — трехпольную и т. д. [1]), прекращая со временем совсем переделы и создавая мелкую частную *собственность на землю и современную семью.* Так еще Аристотель говорил: «Собственность есть *часть семейной* организации... а часть есть не только часть чего-либо другого, но *она и немыслима вообще* без этого другого».

До появления сохи-плуга о серьезном земледелии говорить не приходится (я говорю об умеренном климате Европы), а соха-плуг, создавая оседлое земледелие, создал частную собственность, и подорвал первобытный коммунизм, оставляя в силе пока в некотором роде состояние *полукоммунизма.*

«Свободная собственность трудового крестьянина, повидимому, является самою нормальною формою земельной собственности для мелкого владения, т.-е. того способа производства, в котором владение землей является условием для права собственности рабочего на продукт своего труда... Право собственности на землю для полного развития этого способа производства столь же необходимо, как собственность на орудие производства для свободного развития ремесленного производства». (Маркс, Капитал, III, 2, 341, нем. изд.).

Эту частную собственнось должен дополнить запас сырья (общественные пастбища и лес) и домашний промысел; это и есть то состояние, которое я назвал полукоммунизмом.

---

[1]) Римское право так и различает годичное пользование (annuum). двухгодичное (biennium). Это последнее долгое время было обычным земельным договором. Салический закон (франкского периода) знал охрану пользования только в течение *одного урожая.*

Мы все еще пребываем в обществе, в котором нет эксплоатации человека человеком. Но это был лишь *первый фазис в развитии частной собственности,* переход от первобытного коммунизма к частной собственности на собственные средства производства, с сохранением известной доли коммунизма.

Эта система мелкой частной собственности на землю блестяще оправдала себя, как в лучшие времена древности, до перехода к преобладающему рабовладельческому земледелию, особенно в Риме, так и в центральной Европе до перехода к крепостному состоянию да, пожалуй, в известной степени и в России. Выделение в отдельный двор семьи со своею долею скота и рабов, если таковые имеются, положило *основу новым общественным отношениям.* Как новый способ производства на девственной неистощенной почве, это был грандиозный технический прогресс, и все летописи нам сообщают о благосостоянии крестьянина этой эпохи, имеющего излишки, запасы и ведущего «жизнь разгульную».

Впервые появились *значительные количества прибавочного продукта,* а вслед за тем *явился и претендент на весь этот прибавочный труд.* Появился феодал. Был ли это вооруженный воин из своей же общины, ее предводитель с дружиною, или чужой завоеватель с чужою дружиною, или пожалованный «государем» барин или, наконец, класс жрецов, церковь и т. д. (все эти виды возникновения феодала идут параллельно), это была *сила, власть,* «завладевшая» землею. (Владеть — означало в старину собирать *«дань», подданный* — это находящийся *под данью,* ср. М. Н. Покровского «Русская история» и «История русс. культуры»). Он «завладел» сразу общественными землями крестьян, правильнее, владел пока совместно, но он ничего не изменил *в самом способе обработки земли.* Как в древнем Риме, так и в Европе вообще крупный землевладелец, по общему правилу, сначала ни лично, ни через рабочих сам земледелием не занимается, а только «владеет» землею, получает дань, т.-е. весь прибавочный продукт или определенную часть его (напр., «десятину»). Производственные отношения оставались сначала прежними, изменился и при том *насильно* изменился лишь *способ присвоения* части продукта. Погибли со временем — род, gens, клан, т.-е. их общественные функции, а также и общественная собственность на пастбища и леса. Погибли остатки коммунизма и вместе с тем всякая возможность благосостояния крестьянина, ибо не было, где пасти скот, и все «излишки» продукта пришлось сдавать феодалу. Его *прикрепили окончательно к земле* и, чтобы он «не утек», *приписали.* И даже тот, кто еще остался свободен, был экономически вынужден «добровольно» приписаться. Низшею экономическою ячейкою *осталась семья, двор.* Первоначальный вид присвоения прибачного продукта этой семьи— *натуральная земельная рента.* «И только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, напр., общество рабское от общества наемного труда». (Капи-

тал, I, русск. перевод, стр. 294). Маркс эту ренту и отожествляет *с частною земельною собственностью.*

Новые «общественные отношения» уже подходили близко к крепостному состоянию. Феодал, заинтересованный в величине дани (обыкновенно неопределенной), принимал строгие меры к устранению прогулов своих крестьян на охоту или рыбную ловлю, запрещал варить пиво и т. д., превращая и охоту, и рыбную ловлю, и пивоварение в *свою привилегию.* Мы знаем, что в древнем Риме крупная собственность вскоре приняла характер рабовладельческих латифундий, а в средневековой Европе—крепостнического хозяйства. Но что это означает? Только то, что эксплоатация человека человеком весьма пагубно отразилась на хозяйстве. По общему свидетельству, крестьянство стало беднеть, с одной стороны, а бунтоват—с другой. Отбирание, в все более и более широких размерах, общих пастбищ и леса, совсем подорвало крестьянское скотоводство и возможность удобрения земли, в конце-концов истощающейся. А, с другой стороны, крестьянские восстания приняли перманентный характер или, как умеренный историк германской реформации Бецольд говорит: «Крестьянство находилось в состоянии постоянной общественной (читай: гражданской) войны». Длившаяся несколько столетий великая крестьянская революция (крестьянские войны с XIV до XVI ст.), всюду, за исключением лишь Швеции (где победило крестьянство), борьбу разрешила в пользу рыцарей и дворянства. Так укрепилось безусловное крепостное состояние.

Но самый способ эксплоатации и после этого мало изменился; появился лишь новый фактор—управитель, приказчик (Meier, villacus, bailif), обыкновенно сам из крепостных или рабов. Сам производитель превратился в вещь, простую принадлежность земли. Такова была *трагедия закрепощения человека.* Давно, казалось, он совершил свой первый процесс дифференциации, выделения из природы [1]), в первобытном коммунизме. В результате его *«грехопадения»* в частную собственность на землю, он оказался *во власти земли* и только *часть человечества* осталась в роли *свободных* людей, господствующего класса землевладельцев. Образовались троякие общественные отношения: производственные отношения между крестьянами, отношения присвоения и власти между крестьянами и владельцами и отношения между самыми владельцами.

Но это была только *переходная стадия.* Труд раба и труд крепостного крестьянина сам по себе был мало производителен, и мы, сверх того, уже видели, что крестьянин, лишившись пастбища и леса, вообще не мог заниматься скотоводством, а его скот вдобавок перекочевал в руки феодала (некоторые это слово произво-

---

[1]) „Самое знаменательное (Das Bedeutungsvölle) в сотворении животных и людей это выделение (дифференциация) индивида (des Einzelnen) из его связи с безжизненною материальною вселенною (Universum) в движимого индивида" (Ratzenhofer. Die soziologische Erkenntniss. 1898.)

дят от слова fiu—скот, как и боярин [1]) — владелец скота), который захватил его скот и пастбища. Так образовалось более или менее крупное скотоводство, как первая форма крупного производства, а вместе с нею и новая форма ренты, *барщина, трудовая рента.* Крепостные крестьяне «прибавочный» труд выполняли на земле «феодала», «боярина» (владельца скота), а «необходимый» — у себя на дворовой земле. Безмерная, грабительская эксплоатация привела к беспрерывным восстаниям и *революциям.*

Завершился второй фазис *развития способа присвоения, феодальная земельная собственность,* как основа *всего феодального общества.*

Но рядом с этим процессом идет процесс обмена сначала излишка натурального продукта, затем частичный денежный и, наконец, денежный товарообмен, как общее правило. Этот обмен, появление денег, а вскоре и торгового капитала, разлагает устои и крестьянского хозяйства, и феодализма. Совсем новое влияние приобретают города, происходит великое общественное разделение труда на деревню и город. Город привлекает из деревни к себе всю обрабатывающую промышленность, но и он беглых крестьян, ищущих и находящих здесь свободу, снова прикрепляет в цехи и гильдии, а затем мануфактуры, по схеме, напоминающей крепостную. Только развитие денежного хозяйства на этом не останавливается, и мы в результате переживаем величайшие в истории сотрясения, известные под названием буржуазных революций.

В результате этих изменений мы получаем *новое,* так называемое, *буржуазное общество.* Все отношения здесь основываются на свободном договоре свободного владельца земли и прочих средств производства с освобожденным лично, но и свободным от земли и всех средств производства производителем, рабочим, *как наемным рабочим.* Феодальная собственность превращается *в капиталистическую,* трудовая и натуральная рента — в денежную. Владелец капитала получает прибыль, т.-е. прибавочный продукт, поскольку таковой у него не отнимает землевладелец. А вся громадная масса рабочих-производителей ограничивается, попрежнему, продуктом необходимого труда, только на этот раз *в денежной форме.* Он превращается в *наемного рабочего.* И эта система принесла не свободу рабочему. Образовался новый свободный класс капиталистов, но рабочий снова подпал *под власть орудия производства* — в мануфактуре, а затем машины — на фабрике. Если прежде им «владела» земля и ее владелец, то ныне он стал «подданным» фабрики и олицетворенного капитала, класса капиталистов.

Это третий и последний фазис *развития частной собственности,* капиталистической собственности не только на землю, *но и на все средства производства.*

---

[2]) „Скотный двор („фольверок" Meierei) это единственный регулярный способ производства владельца вотчины" Lamprecht. Deutsche Geschichte, II)

Мы, прежде всего, отмечаем, что в *первом и втором фазисе развития частной собственности* перевес производственных отношений и отношений, так сказать, естественного обмена веществ для всякого очевиден. Осложняется этот вопрос чрезвычайно в третьем фазисе, когда *товарообмен* принял исключительную форму общественного обмена веществ и когда на товарном рынке стал властвовать товар, «единственное качество которого есть его количество», т.-е. деньги (Зиммель). А в трудовых отношениях властвовала иллюзия над фактом. Первые зачатки преобладания иллюзии над фактами появились уже в крепостную эпоху. Рим, как известно, погиб на труде рабов, т.-е. на открытой и откровенной форме беспощадной эксплоатации, тогда как крепостная зависмость оставляла фикцию, иллюзию, основанную на традициях о самостоятельности крепостного крестьянина, о его неразрывной связи со «своєю» землею [1]). А когда этот разрыв совершился, подоспела новая форма эксплоатации, еще более хитроумная.

«Жизнь осложняется», такова общая характеристика века капитализма. Осложняющаяся жизнь должна привести к буржуазной революции, такова была, напр., квинтэссенция легального марксизма, марксизма для попавших в ряды первых марксистов чисто буржуазных идеологов (см., напр., Струве). И крупнейшую роль у них играла как раз юридическая и политическая надстройка, которая, по их тогдашнему мнению, не могла приспособиться к этой осложняющейся жизни, в чем теперь они давно разуверились. И тот факт несомненен, что вся эта система банков и прочих коммерческих институтов, их юридическая и политическая структура (торговые, вексельные и всякие иные права, дипломатические, консульские и проч. отношения) действительно составляют *нарост* над самыми естественными и простыми отношениями людей, их совершенно затемняющий.

Октябрьская революция вносит крупные изменения в эти отношения. Она, применяя свою реальную силу, прежде всего, опрокидывает власть буржуазии и ее *способ присвоения,* отменяя частную собственность на средства производства или, вернее, чужого производства. Но если уже и эта разрушительная работа является процессом длительным, то процесс переустройства нового производства, да еще в условиях военной разрухи, является весьма продолжительною работою. Перед нами период переходного времени, в котором мы, учитывая имеющийся социальный материал, должны сознательно применять добытые или еще только добываемые законы развития капиталистического общества, в целях изменения наших общественных отношений. И эта работа должна дать синтез первобытного коммунизма и всего последовавшего развития частной собственности в научном коммунизме. Естественно, что эта переходная эпоха также является эпохою господства класса, только класса порабощенного до сих пор большинства. Но она все от-

[1]) См. известные слова крепостного крестьянина: „мы Ваши, но земля наша“.

ношения ставит на ноги, делает их всем понятными и очевидными. Она вместо прежнего искусственного осложнения вносит *естественное упрощение.* Но имея свою форму государства, советский строй, она имеет и свой собственный характерный общественный строй, а равно и свое *пролетарское, советское право.*

Дело осложняется особенно для России, где громадное большинство населения еще не принадлежит к чисто буржуазному обществу, пролетариям и капиталистам, а к крестьянству, лишь слабо всвлеченному в зависимость от капитала[1]). Мы сейчас делаем даже шаг назад или, вернее, исправляем нашу линию, которая выдвинулась слишком вперед в условиях беспрерывного внешнего фронта. Если мы, таким образом, с отменою частной собственности на средства производства, далеко не совсем наладили новое производство, то еще в большей степени мы отстаем в налаживании обобществленных производственных отношений. Мы фактически вводим вновь, вернее легализируем частный товарообмен, а, вместе с тем, должны считаться еще продолжительное время не только во внешних, но и во внутренних отношениях с ожидающимся вновь *осложнением жизни.* Наша задача — избегнуть искуственные, ненужные в нашем обществе, наросты, ибо наша сила должна заключаться в искренности и откровенности, а не в свойственных буржуазному обществу лицемерии и неискренности. Мы победили *класс* землевладельцев и крупной буржуазии, наша задача — не допускать ни того, ни другого в каком бы то ни было новом виде к господству.

Таков последний фазис *частной собственности на средства производства,* а именно ее *отмены* или, вернее, постепенного *искоренения.* Его длительность зависит от степени развития капитализма и обратно пропорциональна высоте этого развития. Мы видим в этом изложении вполне конкретное исторически меняющееся содержание тех общественных отношений, которые являются содержанием права, как мы его понимаем. Ничего подобного нам не дает буржуазная наука своими абстракциями и обобщениями. Даже такой узко-буржуазный ученый, как Вундт, отвергает подобную науку, которая «в математические круги об'единяет все без исключения взаимоотношения людей, безразлично, по поводу ли производства, потребления или просто карточной игры и т. д.». «У Зиммеля получаются пустые (reine) схемы, не дающие ни определений (дефиниций) определенного результата, ни каких-либо выводов на счет действительности, в прямую противоположность к геометрии, привлеченной им здесь для сравнения (Wundt, die Gesellschaft, I, 37).

---

[1]) К. Маркс в III томе „Капитала" капитализм в земледелии определяет, как зависимость земли от капитала. После национализации капитала эта зависимость не только продолжается, но еще осложняется (однако, одновременно и упрощается) вовлечением крестьянина в общий хозяйственный план рабоче-крестьянского государства.

Нам здесь важно было только дать определение общества и общественных отношений, пригодное для нашего определения права, и показать исторически примерное конкретное содержание этих общественных отношений. Как эти общественные отношения выражаются в форме юридических отношений и далее принимают форму юридических институтов, о том речь будет впереди. Но здесь мне хотелось бы только подчеркнуть, что первичными являются всегда отношения производства и обмена; *отношения же присвоения,* т.-е. юридические или правовые, а равно и нравственные, которых мы здесь пока не касаемся, являются лишь отношениями производными, что, однако, не мешает им играть, при известных условиях, в известные исторические фазисы, *роль преобладающую.*

Для буржуазного юриста такие рассуждения непонятны, ибо он всюду имеет пред собою лишь всякого рода фетиши, с одной стороны, и абстрактные обобщения, с другой. Он мечтает о вечном, неизменном типе явлений, когда он говорит о юридическом институте, а мы и в юридическом институте видим только исторически меняющийся тип формы социальных отношений.

---

3. Классовый интерес и право.

Основным признаком той системы общественных отношений, которая охватывается понятием «право», мы отметили ее соответствие интересу господствующего класса, что и является основанием ее охраны со стороны организованной власти этого класса. Под словом «интерес» мы в обыденной жизни понимаем «пользу или выгоду отдельного лица или совокупности лиц в противоположность выгоде или пользе других лиц», или же долю участия кого-либо в чем-либо. Но что мы понимаем под словом «классовый интерес»? Что означает самое слово «класс»?

В основу своего понимания истории Маркс положил борьбу классов, вытекающую из их классовых противоречий. Но в своем письме Вейдемейеру [1]) Маркс сам пишет: «Что касается меня, то мне не принадлежит заслуга открытия ни существования классов в современном обществе, ни их взаимной борьбы. Буржуазные историки задолго до меня описывали историческое развитие борьбы классов, а буржуазные экономисты задолго до меня излагали экономическую анатомию классов. *Моя заслуга* заключается в том, что я показал: 1) что существование классов связано с определенными *историческими этапами борьбы в сфере производства* (Entwicklungskämpfe der Produktion); 2) что борьба классов *неминуемо ведет к диктатуре пролетариата,* и 3) что эта *диктатура* сама является только *переходом к отмене всех классов* и к обще-

---

[1]) См. „Neue Zeit“, В. XXV, 2, стр. 164.

ству без классов» [1]). Другими словами, К. Маркс впервые создал *революционную социологию,* науку о социальной революции, почему Энгельс, а вслед за ним и Бебель, и другие социал-демократы говорили о «научном социализме».

В том же письме к Вейдемейеру Маркс говорит: «На первой странице своего труда Рикардо пишет, что «продукт земли, все, что добывается с ее поверхности при помощи совместного применения труда, машин и капитала, распределяется между 3 классами общества, а именно: между собственником земли, владельцем капитала, необходимого для ее культуры, и рабочими, искусством (Industrie) которых земля культивируется». Маркс сам подробный разбор этого понятия отложил к концу своего труда о капитале, но эта работа осталась незаконченной. «Что образует класс? — спрашивает Маркс и отвечает: «Ответ на этот вопрос вытекает из ответа на вопрос: что делает наемных рабочих, капиталистов, земельных собственников факторами (Bildner), образующими три великих общественных класса. На первый взгляд это — тожественность доходов и источников доходов. Это — три великих общественных группы, составные индивидуальные элементы которых живут от наемной платы, прибыли и земельной ренты, от использования своей рабочей силы, своего капитала и своей земельной собственности. Но с этой точки зрения, напр., врачи и чиновники составляли бы также два класса, ибо и они принадлежат к двум различным общественным группам, члены которых свои доходы получают из одного и того же источника. То же самое можно было бы сказать о бесконечном раздроблении интересов и состояний, на которые разделение общественного труда разделяет как рабочих, так и капиталистов и земельных собственников, — последних, напр., на владельцев виноградников, пашен, лесов, рудников, рыбных промыслов»... (здесь прерывается рукопись III т. «Капитала»).

В вопросе о значении и развитии классов и их взаимной борьбы определенно выступают два направления: революционное, творцами и представителями которого являются Маркс и Энгельс, и контр-революционное, проповедующее вместо социальной революции и пролетарской диктатуры всякого рода *примирение* классовых разногласий, начиная от чисто буржуазных представителей этого течения, вплоть до новейшего типа социалистов-предателей, на словах говорящих о классовой борьбе, но на деле ищущих примирения, коалиции и т. д. с буржуазною «демократиею».

Еще американец Кэри (Carey) в своем споре против Рикардо старался доказать, что «экономические условия класса—рента (земельная собственность), прибыль (капитал) и заработная плата (наемный труд), вместо того, чтобы быть условиями борьбы и антагонизма, как раз должны *являться условиями об'единения* (ассоциации) и согласия (Harmonie)». И это направление после револю-

[1]) Кунов и вся германская социалдемократия стараются как раз удалить из Маркса эту революционную сторону классовой борьбы, но все таки претендуют на верность взглядам Маркса.

ции 1848 г. охватило всю буржуазию поголовно, а после революции 1917 г., и еще с 1914 г., почти всех вождей с.-д. всего мира. А события 1917 и 1914 г.г. вскрыли только то, что в социал-демократии тлело и до того, и чем страдала вся марксистская литература, почти без исключения, а именно — *революционность словесную при полнейшем внутреннем оппортунизме.*

До революции 1848 г. и буржуазные писатели иногда рассуждали дельно и часто даже правильно в своей критике современного общества. Для примера я беру только одного крупного юриста, Лоренца фон-Штейна, первая работа которого «Социализм и коммунизм» появилась в 1842 г. Он видит ясно, какое значение для буржуазного общества имеет «обеспеченность *личною собственностью*». «По мере и роду собственности мы получаем две категории: общественный класс и общественную форму («общественный порядок»)». «Образование классов это — тот процесс, путем которого в силу распределения собственности (буквально, владения — des Besitzes) происходит распределение духовных прав, благ и функций между отдельными членами общества». По размерам собственности Штейн делит все общество на 3 класса: высший, средний и низший (неимущий). Между этими классами происходит, с одной стороны, беспрерывная борьба из-за *увеличения* своей собственности; с другой стороны, каждый господствующий общественный класс стремится подчинить себе завоеванную государственную власть, к чему стремится и неимущий класс путем социальной революции. Прибавляя в дальнейшем к прочим благам частной собственности еще и духовные блага (умственное развитие), Штейн определяет класс словами: «Когда эти определяемые по экономическим признакам классы *доходят до сознания* своего общего положения, то получается *понятие общего им класса»,* как «совокупности лиц, занимающих в силу своего однородного экономического положения, однородное общественное положение». В позднейших своих сочинениях Штейн все более настаивает на том, что *«все спасение в согласовании этих классовых интересов,* в каковом согласовании решающее значение (das Züngleln an der Wage) принадлежит среднему классу» (или, как теперь говорят — «демократии»).

Не будем больше останавливаться на буржуазных писателях, говоривших о классах, но обратимся прямо к попытке Каутского дополнить прерванную Марксом работу определения класса. По частному поводу Каутский в «Neue Zeit», № 31, 1902 г. писал: «Отдельные классы образует не только общность источника дохода, но и вытекающая отсюда *общность интересов* и общность противоположности прочим классам, из которых *каждый стремится суживать источник доходов* другого, чтобы обогатить (reichlicher fliessen lassen) источник своего дохода». Но Каутский тут же признает, что такое же противоречие интересов существует и между отдельными подразделениями этих классов, напр., промышленных, торговых и т. д.

Не говоря уже о бледной формулировке этого определения, теперь нам ясен и скрытый смысл этого об'яснения класса, который ныне у Каутского вскрылся до-нельзя отчетливо. Если просмотреть все, что Маркс писал о классовой борьбе, которую он, кстати, в I т. «Капитала» даже *отожествляет* с гражданскою войною, то всякий скажет, что Маркс, конечно, не мог свести суть классовых противоречий к стремлению одного класса *урвать себе часть дохода* на счет дохода другого класса, ибо он эту суть видел в *самом уничтожении* враждебного класса, так же как он не мог ограничиться понятием суживания источника доходов враждебного класса, когда он имел в виду полную его отмену.

Мыслим ли более наглядный урок, чем сейчас дает борьба класса капиталистов всего мира, имеющая целью *понижение заработной платы* путем понижения цен на предметы массового потребления, которого он, в свою очередь, стремится достигнуть посредством *понижения заработной платы же?* Это его *мирная или легальная классовая борьба* за распределение и размер дохода и в ней он *выбрасывает миллионы безработных на улицу,* осуждая их на верную гибель, ибо *его классовое право ему это разрешает*. На это рабочие пока отвечают стачкою, в некотором роде *голодовкою,* которая, однако, на этот раз оказывается бессильною. Для *рабочего класса единственным* верным способом борьбы остается радикальная, т.-е. *революционная классовая борьба,* другими словами, гражданская война [1]). Она пока нелегальна или, в лучшем случае, полулегальна, но ее узаконит победа революции. Так критикует ныне революция оппортунистический оттенок определения понятия класса, данного Каутским.

Но и тогда еще (1906 г.) в своей статье «Класс и партия» [2]) Финн-Енотаевский решительно выступил против этого определения, указывая на то, что самое присвоение зависит от существования классов и их интересов, а не наоборот. И что антагонизм, противоречие интересов, по Марксу даны *условиями производства,* а не распределения. Он приводит в подтверждение своего взгляда целый ряд цитат из Маркса (Капитал, III ч., 2 т., его «Теории прибавочной стоимости» и «18 Брюмера»), из которых явствует, что, по Марксу, «определение расчленения общества вытекает из определенной формы материального производства» (т.-е. общественного производства материальных средств существования человеческой жизни). Распределение продуктов дано распределением элементов производства», а «эти отношения распределения (элементов производства), напротив того, образуют основы особых общественных функций, которые в пределах (внутри) самих отношений производства предназначаются определенным агентам его и это в противоположность непосредственным производителям. Они придают самим

---

1) И если ныне разные социал-предатели проповедуют глубокую рознь между классовою борьбою и гражданскою войною, то они не только не знают Маркса, но и знать его не хотят, они служат интересам класса капиталистов. 2) „Образование“, 1906 г., декабрь.

условиям производства и их представителям весь характер и все движение производства». И «земельная рента не есть простая форма распределения, как это могло бы показаться потому, что землевладелец не отправляет никакой или, по крайней мере, никакой нормальной функции в процессе производства. Но земельный собственник играет роль в капиталистическом процессе производства не только тем, что он оказывает давление на капитал, и не только тем, что крупная собственность есть предпосылка и условие капиталистического производства, но специально тем, что он является *персонификацией одного из самых существенных условий* производства». «Общественные производительные силы труда имеют здесь особую форму развития: они противостоят рабочему, как самостоятельные силы капитала, и стоят поэтому в прямом противоречии с его, рабочего, собственным развитием» («Капитал», III, 2, стр. 416, 417 и др.). «Жизнь общественных классов, а, следовательно, и конфликты их между собою определяются ступенью развития экономического строя, характером их роли в производстве и в обусловливаемом производством обмене» («18 Брюмера»).

Из всего этого Финн-Енотаевский делает вывод: «Значит, классы определяет распределение элементов производства: антагонизм классов, противоречия интересов *даны условиями производства,* а не *распределения.* А что делает рабочих, капиталистов и землевладельцев тремя общественными классами? *Их роль, их отношения в процессе производства*».

Это так, но в этом определении еще недостаточно подчеркнута *диалектическая, революционная* точка зрения Маркса, на которую он сам указывает в цитированном выше письме, и которая бросается в глаза уже в самых первых его работах. Еще в 1847 г. в полемике против Гейнцена (см. Nachlass, II т., стр. 467 и т. д.) он писал: «Г. Гейнцен отрицает класс. Возможно, что отдельные индивиды не «всегда» определяются интересами класса, к которому они принадлежат, но этого никогда не может быть по отношению к целым классам, существование которых основывается на *экономических условиях,* независимых от их воли, и которые, *благодаря этим условиям,* ставятся в враждебные друг против друга отношения». «Так как, напр., частная собственность не является простым отношением или даже абстрактным принципом, но заключается в совокупности буржуазных производственных отношений, а так как все буржуазные производственные отношения *являются целиком классовыми отношениями...,* то изменение или даже удаление (Abschaffung) этих отношений может иметь *своим источником лишь изменение* этих классов и их взаимоотношений, а *изменение взаимоотношений классов есть исторический переворот,* продукт деятельности общества во всей ее совокупности, продукт определенного исторического движения». — «Пролетариат и богатство являются противоположностями. Как таковые, они составляют единое целое. Они являются построениями (Gestaltuugen) мира

частной собственности. Частная собственность, как частная собственность, как богатство, вынуждена сохранять в цельности себя самое и вместе с тем свою противоположность, пролетариат. Она является *положительною* стороною противоположности, самодовлеющею частною собственностью. Пролетариат, наоборот, вынужден *отменить себя самого* и вместе с тем обусловливающую его противоположность, делающую его именно пролетариатом, т.-е. право частной собственности. Он является отрицательною стороною противоречия... Если побеждает пролетариат, то он этим отнюдь еще не сделался абсолютною стороною общества, ибо он побеждает только тем, что он отменяет сам себя и свою противоположность». И эту мысль Маркса дополняют его же слова в «Нищете философии»: «условием освобождения трудящегося класса есть уничтожение всяких классов так же точно, как условием освобождения третьего, буржуазного сословия, было уничтожение всех сословий».

Итак, Маркс смотрит на борьбу класса капиталистов против класса землевладельцев, т.-е. феодального сословия, как на борьбу на жизнь и на смерть. Для промышленного капитала (в том числе и капиталиста-арендатора) «отмена частной собственности на землю является важнейшим вопросом присвоения, как он существует у английской промышленной буржуазии, и борьба против хлебных законов не имела другого смысла». Эта борьба кончилась компромиссом [1]), в виду начинающейся новой борьбы между классом капиталистов и пролетариатом. Эта борьба снова принимает характер борьбы на жизнь и на смерть, еще более ожесточенной, ибо это действительно «последний решительный бой».

При таком понимании хода развития буржуазного общества, все общество вернее всего назвать «обществом перманентной (беспрерывной) гражданской войны». И эту картину Маркс имеет все время перед глазами и в своем об'ективнейшем труде «Капитал», когда он борьбу за 10-час. рабочий день называет гражданской войною, а массовое неподчинение закону со стороны класса предпринимателей — прямым восстанием. Ясно, что здесь суть вопроса в закреплении роли каждого класса в производстве, т.-е. в *самом способе присвоения,* другими словами — в *частной собственности,* ибо *не вокруг изменения этой собственности, как способа* присвоения, или ее размеров идет борьба, но *вокруг ее отмены* [2]). «Быть или не быть».

---

[1]) „Рента, в смысле Рикардо, это и есть самое право собственности в буржуазном облике, т.-е. феодальная собственность, *подчинившаяся* условиям буржуазного производста“ („Нищета философии“, стр 126).

[2]) „Право собственности, смотря по степени развития промышленности, всегда являлось вопросом жизни для определенного класса. В XVII и XVIII веках, когда речь шла об отмене отношений феодальной собственности, вопрос собственности являлся вопросом жизни для буржуазного класса. В XIX столетии, когда речь идет об отмене буржуазных отношений собственности, вопрос собственности стал вопросом жизни для рабочего класса“.

Великолепную формулировку революционного понятия класса тов. Ленин дал еще в 1919 г. в своем «Великом почине» (стр. 16): «Классами называются большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства по их отношению (большею частию *закрепленному, оформленному в законах),* к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства».

Если мы говорим после этого о классовом интересе, то, конечно, не о простой сумме отдельных интересов. Нет, этот интерес является моментом, накладывающим отпечаток на всю совокупность борьбы данного класса. Это тот фокус, в котором отражается весь жизненный интерес данного класса. Этот интерес существует об'ективно, помимо воли самих членов класса, и степень сознания классом своего интереса — явление чисто историческое: «Над разными формами собственности, над социальными условиями существования поднимается целая надстройка разных и своеобразных чувствований, иллюзий, образа мыслей и мировоззрений. Весь класс творит и образует их из своих материальных основ и из соответствующих общественных условий».

Этот интерес, сознан ли он или инстинктивно чувствуется, настолько силен, что Иеринг, не стоящий открыто на классовой точке зрения, по поводу судейского толкования права, мог сказать: «Даже логика подчиняется интересу» (Ihering; Geist d. röm R., II, 2, 465). Но сознание приходит медленно; даже наиболее дальновидные умы господствующего класса лишь в ужасе отворачиваются от этого виднеющегося им призрака гибели или ищут спасения в компромиссах, а общая масса верит слепо в вечность своего господства. И с полным правом Энгельс (в своем «Анти-Дюринге») говорит: «Если в виде исключения и опознается внутренняя связь формы общественного и политического бытия данного периода, то это, по общему правилу, случается лишь тогда, когда эти формы уже отжили свой век и идут навстречу своей гибели [1])».

Говоря о классовом интересе, мы, таким образом, имеем в виду нечто иное, чем говоря об интересах индивидов или юридических коллективов, о которых говорят Иеринг и др. Для лучшей иллюстрации, осветим вкратце фазисы развития частной собственности, описанные нами в главе II, каждый раз определяя преобладающий интерес господствующего в данный момент класса.

В Риме первая классовая борьба идет между *патрициями* (господствующим племенем, а затем и классом) и *плебеями* — за власть, как средство, обеспечивающее *завладение* общинною зе-

---

[1]) Еще Гегель говорит, что „философия всегда опаздывает поучать нас тому, каков бы мир должен быть. Когда пробуждается рефлексия, то это служит признаком, что известная историческая форма уже отжила".

млею (ager publicus). Плебеи со своей земли платят дань, патриции за захваченный в свою монополию «ager publicus» — не платят. *Борьба за власть* приводит к уравнению плебеев в политических и гражданских правах.

Следующая борьба классов относится к борьбе торгового капитала против крестьянства. «Классовая борьба древнего мира протекает, главным образом, в форме борьбы между кредитором и должником и кончается в Риме гибелью плебея-должника, которого заменяет раб» (Маркс, «Капитал», I, 93). Ростовщический и вообще торговый капитал — это первые зачатки капитализма вообще. Эта классовая борьба является прямым результатом первоначального обмена известного излишка, т.-е. прибавочного труда. То же самое мы наблюдаем всюду до самого момента полного закрепощения крестьянина, напр., в России, в институте «закупа». Мы при этом наблюдаем весьма оригинальные способы классовой борьбы, как, напр., *отмену или амнистию частных долгов,* выдвинутые в проекте ненавистного *Катилины,* или целый ряд законов, погашающих известную долю накопившихся процентов и ограничивающих размер роста, а равно законы против ростовщичества в Риме, Греции (закон Солона) и т. д. (см. в России устав Мономаха — М. Покровский, Р. Ист., I, стр. 92 и сл.).

Эта борьба кончается образованием класса крупных землевладельцев, — с одной, а рабов или крепостных, — с другой стороны. Но в то время, как в буржуазном обществе класс эксплоататоров все снова воспроизводит класс пролетариата, в древнем мире «латифундии погубили Рим», рабский труд оказался непроизводительным, а, главное, с свободным крестьянством погибла сила внешней обороны. Рим подвергся военным нападениям и распался, ибо города не могли развить новой силы, способной заменить рабовладельческий класс крупных собственников.

Последствием распада рабовладельческого класса Рима является *новое крестьянство, имеющее своим противоположным полюсом новую силу: церковного и светского феодала, сначала опять-таки в виде кредитора или в виде завоевателя, в том числе церковь, в роли светской власти.* К концу средних веков одна треть всей земельной собственности Европы находилась в руках церкви.

Собирание дани, «владение» землею, *не ограниченное* никакими нормами, — *таков классовый интерес* эксплоататоров этого периода, а не уничтожение класса эксплуатируемых. Поздно проснувшееся крестьянство поднимает в ответ восстания с *целью прямого, даже физического* уничтожения эксплоататоров и их замков, как твердынь власти; эта борьба кончается полным поражением и закрепощением крестьянства, т.-е. превращением натуральной ренты в трудовую ренту, т.-е. барщину.

Оказавшись победителем над крестьянином, класс феодалов попадает под огонь нового неприятеля, класса городских торговых капиталистов. «В средние века борьба (ростовщического капитала) кончается гибелью феодала-должника, который лишается вместе с

экономическою властью и власти политической» (Маркс, «Капитал», I). Капитал превращается в капитал промышленный, но «его необходимою предпосылкою является существование класса, не имеющего ничего другого, кроме своей трудоспособности». *Интерес нового класса* промышленных капиталистов — *национализация земельной собственности,* т.-е. уничтожение класса землевладельцев, но одновременно создание и увеличение, а равно и организация в *новую силу пролетариата.* Он мирится и об'единяется с классом землевладельцев против пролетариата, которого *уничтожить он даже желать не может,* но *прямой интерес которого заключается в упразднении об'единенных классов капиталистов и землевладельцев* [1]).

Из этого краткого резюме постепенного развития классовых противоречий и характера классовой борьбы со времени упразднения чистого первобытного коммунизма и перехода общества в стадию частной собственности на землю и полукоммунизма вплоть до эпохи пролетарской революции, мы убеждаемся не только в том, как сменяются классы и их интересы, но и в том, как различен по существу характер борьбы каждой из сторон.

Класс эксплоататоров никогда не может стремиться к уничтожению или полному истреблению класса им эксплоатируемого [2]). В тех случаях, когда он от этого принципа отказывался, он погибал сам вместе с эксплоатируемым классом. Из этого вытекает *приспособляемость, примиренчество класса* угнетателей и иногда уступчивость классу эксплоатируемых, ему самому непонятная. Все развитие неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, но пролетариат, как класс эксплоатируемый, *не может не желать уничтожения класса своих угнетателей* [3]). Этою победою пролетариата завершается, как Маркс говорит, доисторическое развитие человечества.

Одновременно из этого различия в характере основного классового интереса вытекает и характер борьбы и ее приемов. «Между тем, как демократические мещане хотят революцию, по возможности, скорее закончить, наша задача, наоборот, в том, чтобы сделать революцию перманентною до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут оттеснены от господства, а государственная власть не будет завоевана пролетариатом... Речь идет не об изменении частной собственности, но об уничтожении ее, не о стушевывании классовых противоречий, но об отмене самых клас-

---

1) „Пролетариат приводит в исполнение приговор, вынесенный (над буржуазией) частною собственностью путем создания пролетариата“. Маркс, Nachlass, II, стр, 132).

2) Здесь мы все таки должны вспомнить известные слова К. Маркса („О свободной торговле“): „Рабочие могут умирать спокойно, их класс не исчезнет. Он всегда достаточно многочисленен, чтобы капитал мог производить в его рядах опустошения, не боясь его полного уничтожения“,

3) Здесь, конечно, идет речь об уничтожении их как класса. По отношению к отдельным лицам, напр., спецам, и после победы революции приходится относиться в известной степени бережно.

сов, не об улучшении существующего общества, но об основании нового» (Маркс. «Обращение центр. правления к союзу Ком. от марта 1850 г.»).

А самый характер борьбы определяет и лагерь противников в этом «последнем решительном бою»: «Во всяком случае *нашим единственным противником* в день кризиса и в *день после него* будет *чистая демократия, вокруг которой сгруппируется вся реакция в ее совокупности*» (письмо Энгельса к Бебелю, 1880 г.).

---

4. Организованная власть господствующего класса и право.

«Когда Ринк спросил никоборийцев, кто из них является начальником, те, удивленно улыбаясь, ответили вопросом, почему он думает, что один человек *мог бы иметь власть* против столь многих». Этот анекдотический рассказ путешественника, сообщаемый Гербертом Спенсером, очень ярко выражает мысль, которую до сих пор не усвоили или не желают усвоить себе не только буржуазные ученые, но и их социалистические последователи. А почему они этого не могут понять? Потому, что они слишком завязли в юридической идеологии буржуазии или, вернее, вообще классового общества, чтобы понять наивно-рационалистическую характеристику дикаря, еще не знающего классовых различий, а, вместе с тем, и классового господства меньшинства или одного над громадным большинством, как оно существует в диктатуре класса капиталистов, земельных магнатов или т. п. правительств меньшинства.

Но так же старо, как существование классов, и господство класса угнетателей над угнетаемыми, имущих над неимущими. И это господство выработало себе определенную организацию власти для содержания в повиновении громадного большинства, т.-е. неимущего, порабощенного класса.

Мы в своем определении права, в качестве одного из его признаков, отметили *его охрану организованною властью этого класса*. Мы под этим названием имели в виду в первую голову государство, но мы признали необходимым более осторожную формулировку, допуская переходные моменты к первоначальному государству, а в дальнейшем ходе истории двоевластие, — параллельную власть другого класса, имеющего одинаковую или почти одинаковую с правительственною властью силу и, наконец, так называемое международное право. За время революции для нас этот вопрос стал более ясным, когда двоевластие продолжалось совершенно открыто и формально, в виде правительства буржуазного или коалиционного, рядом с фактическою властью рабочего класса и мелкой буржуазии, в лице Ленинградского Исполн. Комитета. Это состояние двоевластия в свое время отмечалось и Лениным и не замечать или даже отрицать его могут одни недоросли. Мы имели одновре-

менно в виду и то обстоятельство, что и прежде бывали случаи, а в империалистических государствах постоянно существовали и сейчас существуют определенные классовые организации, нормы и постановления которых, в смысле обязательности, могли и могут конкурировать с законами любого правительства. Такие случаи, как никак, в общем представляют собою только исключение, а не нормальное явление, и мы могли бы даже вместо выражения «организованной господствующим классом власти» сказать прямо — «государственная власть», принимая таковую во всей совокупности.

Но надо сказать, что *самый момент принуждения* в праве находит критиков со стороны буржуазных юристов. Как со стороны тех, кто в праве видит веление бога и посему не довольствуется охраною права только властью светской, далее — тех, кто видит в нем лишь воплощение вечной идеи, не нуждающейся во внешнем принуждении, а еще в большей степени со стороны тех, кто, стоя либо на точке зрения волевой теории права, либо на психологической точке зрения, — отрицает момент принуждения, как обязательный его критерий. Мы выбрали более общее, смягченное выражение, чем слово принуждение, а именно: охрану, обеспечение, не потому, чтобы мы сомневались в необходимости принуждения, но потому, что это слово более соответствует фактическому положению дела, ибо право, вошедшее в сознание людей и превратившееся в их вторую природу, до определенного революционного момента, когда уже сознательно выступает новый класс, претендующий на власть и на новое, *свое* право, проводится в жизнь в громадном большинстве случаев без всякого принуждения, по привычке, по инерции, вследствие добровольного подчинения и т. д., хотя *наблюдение* власти, *возможная охрана, допустимое, эвентуальное принуждение* все-таки остается в силе.

Я не знаю, нужно ли нам, стоящим на революционно-классовой точке зрения Маркса и Энгельса, вообще вдаваться в подробности, чтобы доказать существенное значение этого признака для верной характеристики права, как защиты классового интереса, ибо, сказал бы Энгельс, непонятно, как можно было бы иначе удерживать в подчинении громадные угнетенные массы. Но приведем хотя бы только несколько мнений, стоящих на разных платформах буржуазных ученых, подчеркивающих необходимость того же признака принуждения. Цитированный мною уже Иеринг прямо заявляет: «Власть (сила) при случае (zur Not) может существовать без права, и она это доказала фактами. *Право без власти, — это пустой звук без всякой реальности*». («Zweck im Recht», стр. 196). Свою классовую физиономию Иеринг открывает тут же, может быть, чрезмерно откровенно, когда он говорит: «Деспоты и злодеи, наказывавшие народы розгами и скорпионами, столь же много сделали для воспитания человечества к праву, как мудрые законодатели, впоследствии создававшие скрижали этого права. Нужны были годы первых, пока могли явиться на свет последние». Подобная откровенность и искренность, конечно, возможна была

только в юнкерской Германии, всегда отдающей запахом конюшни, но в действительности только «высказывает то, что было».

Цитированный мною выше проф. Зиммель в своей статье о «Социологии начальствования и подчинения» говорит, что «начальствование и подчинение вовсе не возникают (stellen sich ein), впервые лишь там, где уже существует общество, но они являются одним из тех способов (Arten), какими вообще возникает общество; не причиною, а именно тем, что обозначается коллективным абстрактным понятием общества»[1]. Конечно, это определение общества вообще совершенно неверно, по нашим понятиям, но Зиммель в общем прав во взгляде на роль власти в праве. И в этом отношении верно указание Иеринга, что, «по первоначальному взгляду науки права, право происходит из закона (законодательной власти), а лишь позже (в XIX стол.) стали выдвигать в роли источника права *обычай,* народный дух» (Geist d. r. Rechts, II, 22—29). Но и в этом случае они лицемерно говорили об идеях справедливости, руководящих государством, или, как Иеринг образно выражается, «наша теория больше занимается *весами*[2], чем *мечом* справедливости (юстиции)».

Каковы же по существу возражения против теории принуждения в праве? С одной стороны, находят, что право является лишь воплощением идеи, духа народа или *высшей воли, осуществляющейся* без какого бы то ни было принуждения. На этих теориях нам, кажется, здесь нечего останавливаться. Другие возражают, что не всякое право требует реально принудительного осуществления. На это соображение мы уже ответили. Также мы уже говорили о защитниках международного права, поскольку таковое не имеет принудительного органа, и к этому вопросу нам еще придется вернуться. Наконец, остаются защитники новейшей психологической школы (Петражицкого). Если право понимать лишь как внутреннее психологическое переживание, то (см Петражицкого) и «государственная и общественная власть есть не воля *и не сила, вообще не нечто реальное,* а только эмоциональная фантазма». Заметьте, что это писал кадет, российский профессор, накануне войны, когда во всем мире властвовала, как нечто вполне реальное, диктатура буржуазии.

Но, как я уже сказал, большинство серьезных юристов так или иначе все-таки признают теорию принудительной власти, хотя бы с оговорками такого рода, что государство само не есть организация этого принуждения, но что «организация принуждения лишь выполняется государством» (Шершеневич).

Это, однако, отнюдь не означает, чтобы у них всех было хотя бы сколько нибудь единое представление о смысле и характере этой власти. Начиная от примитивного римского взгляда на право: „Se in armis jus ferre et omnia fortium virorum esse". (T. Livius, V—36), т.-е. с прямой ссылки на физическую силу ору-

[1]) Simmel, „Die Sociologie der Ueber-und Unterordnung". Archiv für Soz. Wiss. XXV, 3, 477, 478.

[2]) Кстати, „весы" богини юстиции лишены всякого переносного смысла

жия и кулачное право, и кончая разными метафизическими построениями идеи государства утонченной салонной науки современников, — суть всех этих рассуждений заключается в том, что сила, власть, то-есть ныне государство, не только охраняет, но и *создает право,* как простую совокупность всех юридических норм, т.-е. законов. И для них уже социализмом пахнут теории какой-либо социологической школы (в виде, напр., Муромцева или Менгера), хотя бы намекающие на экономически социальную основу права [1]).

А Менгер в своем докладе в 1895 г. писал «Всякий правовой порядок является обширною системою *соотношений власти,* образовавшихся (sich herausgebildet haben) внутри нации в течение исторического развития». «Интересы господствующих классов, если их власть становится длительною (wenn sie sich behaupten), превращаются в права и правовые нормы, *признаваемые* прочими членами государства, как нечто об'ективно данное. Если эти соотношения власти изменяются на продолжительное время, права и правовые нормы теряют свою естественную базу и возвращаются снова в состояние интересов и борьбы интересов».

Как бы мы ни смотрели на роль государства в вопросе о праве, близкая связь понятий права и государства вне всякого сомнения. Возникает естественно вопрос о взаимоотношении права и государства. Что было раньше, право или государство? И кто кого определяет? Право государство или государство право? Если отбросить теории божественного происхождения права и государства, а также теорию народного духа и вечной идеи, по которым и право, и государство, оба исходят из *единого источника* параллельно, то казалось бы, для буржуазной науки остается лишь одно решение: государство издает законы, их отменяет и охраняет, *следовательно, государство, власть — основной момент.* Наиболее последовательные юристы, как, напр., Гумплович, так и ставит вопрос: «Право в силу своего происхождения везде и всюду — форма государственного порядка, именно господства меньшинства над большинством». И даже отец буржуазной политической экономии Адам Смит (Wealth of Nations, гл. V) пишет: «Буржуазное правительство в самом деле устроено только для защиты богатых против бедных или для защиты тех, кто имеет что-либо от тех, кто ничего не имеет». Но это ныне слишком откровенный для буржуазии язык. Поэтому «наука государственного права» изобрела понятие *правового государства* (Rechtsstaat) [2]) не в том только смысле, что в

---

[1]) „Государство является не только признанным, но и единственным держателем принудительной власти: право принуждения составляет абсолютную монополию государства“ (Jhering, Geist d. röm Rechts. стр. 247).

[2]) Профессор И. Гессен, напр., пишет: „Правовым называется государство, которое признает обязательным для себя, как правительства создаваемые им же, как законодателем, юридические нормы“. В виде возражения интересно будет выслушать мнение такой знаменитости, как проф Лабанда: „Государственная власть in abstracto никогда не связана законами, т. е. государственная власть может свои законы изменять и приостанавливать“. Сравни рассказ „Очищенного“ у Щедрина о преимуществах „грабежа по закону“.

этом государстве все делается по праву [1]), а, главное, в том значении, что право само является *основанием государства,* и что право, хотя и является фактически монопольным произведением государства, в то же время состоит его *творцом, родителем.* Но буржуазное общество не останавливается на таких маленьких противоречиях и недоразумениях. И с введением в «демократическом строе» фикции социального договора, оно охотно предоставляет правительству всякие права, ибо уверено в его классовой благодарности.

Und der König absolut,
Wenn er unsern Willen tut,

— так пели юнкера. «Пусть будет король абсолютным монархом, если он только исполняет нашу (классовую) волю».

Но как смотрит марксист на происхождение государства и на роль его в праве? На это ответ дает Энгельс в своем «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Он исходит из того положения, что «государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собою, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположные классы не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходима сила, стоящая, повидимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». «И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство».

Мы подробнее в предыдущей главе рассмотрели характер и степень непримиримости этих классовых противоречий и поэтому нам вполне понятна необходимость этого выделения классовой власти, окружающей ореолом священства и неприкосновенности не только себя в отдельности, но всякого из своих, хотя бы самых ничтожных чиновников. Энгельс подробнее останавливается на роли государства, как органа подавления и эксплоатации угнетенного класса, и подчеркивает, как «особенную отличительную его черту — учреждение общественной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением... и состоит не только из особых отрядов (в противоположность прежнему всему населению) вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были неизвестны родовому (клановому) устройству общества».

Однако, продолжает Энгельс, в виде исключения встречаются периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть *на время* получает известную са-

---

[1]) Проф. Еллинек ставит этот вопрос словами: „Правопорядок есть право для подчиненных ему, но есть ли он право и для самого государства?“

мостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, бонапартизм I и III империи, Бисмарк в Германии и т. д.

Но и в такие моменты, можем мы прибавить по отношению к нашему вопросу, государство *в своей законодательной деятельности* никогда не нарушало в основе классового интереса имущих классов вообще. И во всяком случае, вместе с минованием переходной эпохи, оно добровольно или принудительно снова стало властью одного господствующего класса [1]), каким оно по существу было все время.

Нам предстоит, таким образом, вкратце рассмотреть, как образовалось государство в роли организации, целиком или хотя бы преимущественно, классового господства, как мы понимаем принудительные функции этой власти и в чем заключается ее организация.

Часть буржуазных ученых, напр., Раценгофер, Гумплович и др., категорически и односторонне утверждает, что только завоевание, т.-е. физическая сила является основанием образования государства [2]). Другие, особенно экономисты, любят изображать переход от первобытного коммунизма к частной собственности и классовому господству как бы в роде мирного «врастания» старого общества в новое, и, особенно, на аграрные перевороты смотрят, как на «незаметное для глаз течение времени». И в самом деле, на всех языках сохранилось так много понятий, явно относящихся к первобытной общине и перенесенных в феодальный или даже буржуазный строй, что, на первый взгляд, частица правды в этом взгляде имеется. В самом деле, бывшие родоначальники, патриархи, предводители рода, племени или клана и т. д., впоследствие фигурируют уже, как чисто феодальные личные владельцы земли и людей. Безусловно бывало и так, что первоначальная дань родо- или кланоначальнику, была *добровольною* данью за охрану им, и руководимым им вооруженным отрядом, от военных нападений, при чем эта дань могла выразиться или в обрабатывании полей отсутствующего на поле сражения начальника и его военного отряда, или в сдаче части урожая. Но также бесспорно, что таково могло быть только первое начало, и раньше или позже эти отношения доходили до открытого взрыва, ибо «аппетиты» новоиспеченных феодалов стали «появляться во время еды» и приняли ужасающие размеры, когда решающее значение во внутренних отношениях уже имела вооруженная сила господствующего класса.

---

[1]) Я здесь, конечно, предполагаю знакомство читателя с капитальным трудом тов. Ленина: „Государство и революция".

[2]) „Господствующий класс — это либо победители во внешней войне, сделавшие сами себя господами земли, а туземных жителей с их имуществом своими подданными, либо это имущий класс, завоевавший (erzwungen) себе посредством тяжести своего экономического перевеса и политическое влияние" (Ценкер. „Общество" I, 1899 г., стр. 197).

Но первоначальное «завоевание» или внутреннее порабощение имело всегда одинаковую цель: либо плен., т.-е. превращение в раба (внутри государства превращение несостоятельного должника в раба или продажа его в рабство), либо дань, если было с чего взять. М. Н. Покровский в своей истории наглядно показывает, что «володети», т.-е. владеть землею, когда-то у нас означало «*собирать дань*» со своих «*подданных*», т.-е. с живущих на данной земле семейств (дворов) или, если земля охватывала более широкую территорию, с целых родов и т. д. Мировое государство, Рим, было ни чем иным, как тем же «владельцем», т.-е. оно также брало в плен, рабство или получало дань. Эта дань была не данью с отдельных лиц, а данью с местных более или менее крупных единиц, без всякого вмешательства во внутренние отношения этих единиц. Маркс, напр., в I т. «Капитала» подробно описывает, как индийские и вообще азиатские общины, уплачивая дань, целиком сохранили свои внутренние общественные отношения и обыкновенно даже не знали и не интересовались вопросом, какая династия ими владеет.

Пока такая власть не слишком усердно собирала свою дань и не вмешивалась неорганизованно во внутренние дела, а, напротив, поддерживала местные общественные учреждения, как, напр., оросительные и осушительные приспособления, — она местным общинам приносила даже известную пользу: безопасность от внешнего врага в силу авторитета могущественного государства. Но кто из этого выводит заключение какого-то идиллического «правового состояния» этой эпохи, тот весьма ошибается.

Достаточно ознакомиться с энергичными выражениями юридического лексикона старины, чтобы убедиться в том, что это была эпоха *беспощадных грабежей и насилия*. «Неужели я обязан обратиться в суд, если я поймал вора» [1]), говорит древне-римский закон. Собственность — это то, что «захвачено рукою», а раз вещь моя, то я «где ее нахожу, там себе и забираю» (ubi rem meam invenio,ibi eam vindico). Эта дань если и была иногда определена в «lex» (закон), то следует иметь в виду, что «lex» первоначально означало то же самое, что договор, соглашение (pactum), конечно соглашение *международного характера,* т.-е. соглашение по принуждению. Если эта дань превышает продукт прибавочного труда, подданные беднеют и, наконец, превращаются в рабов или делаются несостоятельными для какой бы то ни было дани. Вот *единственный предел насили: полное истощение или вооруженный отпор!*

Здесь не место заниматься вопросом о классовом характере государственной власти древнего Рима. Но все-таки необходимо несколько остановиться на чрезвычайно интересном развитии рим-

---

[1]) „Neque enim qui potest in furem statuere, necesse habet adversus furem litigare". А „fur manif stus", открытый вор, принадлежит истцу, т. е. он в начале просто имел право убить его, позже—взять его „в плен" mancipium (в собственность). Купить „emere" — на латинском языке раньше означало просто брать („имать").

ского государства, хотя бы в буржуазном освещении. Легенда сообщает, что Рим образовался из 2 или нескольких об'единившихся господствующих племен, составлявших кадр так называемых патрициев. Прочие племена, хотя их члены и входят в состав «граждан» — cives остаются неполноправными членами нового государства (браки между патрициями и плебеями, напр., запрещены), т.-е. плебсом, плебеями. Это, очевидно, первоначально просто *крестьянство,* класс земледельцев. Вот и первая классовая борьба в Риме. Государственный аппарат в руках победителей-патрициев (король, сенат из «отцов» и народное собрание — все это чрезвычайно напоминает родовую организацию патриархального периода). Но в чем заключаются функции и органы первоначального государства? Имелась *военная* организация, т.-е. организация вооруженных граждан, и это все. «Судя по тому, что нам известно, можно думать, что до конца царского периода в Риме не было законов» (Боголепов, «История римского гражданского права»). Не было и официальной судебной власти; право творил сам истец-гражданин при участии своих «свидетелей» (testes), если не считать таинства правосудия жрецов. Вооруженная власть собирала и военную дань (tributum) как с земель плебеев-крестьян, так и с прочих завоеванных областей [1]).

Если верить легендам, то падение царей и переход к республиканскому образу правления было последствием серьезной гражданской войны сопровождалось ею. Борьба плебеев вертелась прежде всего около права на пользование «ager publicus», общественною землею, привилегию пользования которою имели одни патриции при полной свободе от дани (tributu). А на втором месте эта борьба шла около должностей, так что каждая победа плебейской демократии оканчивалась увеличением числа «чиновников» (два консула вместо одного, плебейские преторы, трибуны, эдилы, децемвиры и т. д., и т. д.). Все, как во времена буржуазной демократии! Вместо суда жрецов вводятся сначала гражданские, светские жрецы, а затем сословие юристов, этих настоящих творцов римского права, очень напоминающего английский казуистический способ возникновения права, только еще в гораздо большей степени допускающий частную инициативу.

Первоначальное право господствующего класса, «jus civile», вообще имело ограниченный круг суб'ектов [2]), оно было скорее привилегиею, чем правом.

---

[1]) Такой собиратель дани имел дело не с отдельными лицами, но с ячейками, и низшею административною единицею являлась семья в лице „главы семьи“ (pater familias, отец семьи). Семья—familia была вообще „юридическим лицом“ и обнимала не только весь состав лиц (свободных и рабов), но и всю совокупность имущества.

[2]) См. Гумплович „Государство и социализм“: „Но не человек как таковой, не обитатель римской территории, вообще только „квирит“, член господствующего племени .. правоспособен для этой собственности. Эта первоначальная собственность является результатом господства“.

Итак, государственный аппарат имел две цели: 1) завоевательные и охранительные задачи для власти господствующего племени, а впоследствии класса, 2) поддерживать *привилегию* пользования общественною землею, первоначальный вид угнетения — плен или *рабовладельчество* и собирание дани (трибута). Эту же цель преследовал и позднейший государственный аппарат, когда Рим сделал империалистскую карьеру и из об'единения италийских городов превратился в мировую империю. Чиновники все время были чем-то средним между *военачальниками и откупщиками дани*, а на должность назначали обыкновенно отбывавших срок службы «ответственных» должностных лиц, так сказать «на поправку», как, напр., поныне в Англии на колониальную службу. Все время та же английская система легкого приспособления. Так создалось преторское либеральное «раз'яснение» формального права, право инородцев «jus gentium», естественное право, как действующее право [1]). Но когда труд пленных или рабов взял верх над свободным трудом, когда вместо пленного или раба, работающего наравне с семьею крестьянина и на свободе, целые армии *рабов в цепях* совсем вытеснили крестьянина, участь Рима была решена. Цезари-императоры превратили чиновничество в свою бюрократию, а место прежней военной силы свободных крестьян заняли наемные войска. Господствующий же класс от светского мировоззрения стал искать спасение в об'ятиях церкви, к которой перешла и светская юриспруденция, и светская власть, на этот раз в лице христианской церкви.

Как во всяком государстве, власть уже и здесь имела двоякий способ воздействия: способ принуждения и способ убеждения. Принудительный аппарат — это была военная власть, убеждающие органы — сначала сословие жрецов, потом сословие юристов и всякие народные трибуны, а под конец, как во всякий период упадка господствующего класса, — снова церковь, на этот раз в роли одновременно и власти и агитатора.

Все учреждения, как государственные военные, так и общественные и церковные, в этом государстве имеют одинаковую структуру, приспособленную к первоначальному способу эксплоатации человека человеком — путем *плена и дани*. Но централизованная власть в этой стадии не имела, повидимому, под собою достаточной почвы. Ей надо было пройти децентрализованную форму властвования и угнетения — *феодализм*. В феодализме сразу ясен классовый характер власти: *сословие землевладельцев, собирающих дань* и вносящих, в свою очередь, часть дани и отбывающих известную службу высшему начальству, сюзерену, который, в свою очередь, является вассалом другого и т. д. Эксплоатируемый крестьянин продолжает работать в своей же общине или, выделив-

---

[1]) Каждый новый претор при вступлении в должность в особом эдикте (наказе—себе) излагал так сказать свою юридическую программу. Впоследствии было запрещено менять эдикты раньше года (см. Муромцев, „Римское право“).

шись в двор, семью, в своем дворе. Эта система обладала известною живучестью, как мы видели, до тех пор, пока феодалу не удавалось окончательно истощить основной источник своего благосостояния, т.-е. крестьянина. Там, где при крепостном труде он переходит на барщину, он лишь в смягченной (иногда и худшей) форме, повторяет *прежнее рабовладельческое хозяйство*, и крестьянство физически погибает массами, что, оказывается,—очень кстати для вытесняющего его денежного хозяйства, капитализма.

В смысле государственном феодализм нам представляется, как децентрализованная система управления, которая образовалась либо добровольно (из представителей родов, кланов или церковных владений), либо путем завоевания (норманское завоевание в Англии, варяжское в России, германских рыцарей в Прибалтике и т. д.). Но не надо думать, чтобы это завоевание было только чисто военным делом. Нет, система эта продержалась лишь там, где завоеватель сумел приспособиться к новой среде, ассимилировать часть местных элементов или часто со своей стороны ассимилироваться по языку и нравам к туземному населению.

Конечно, в этот период о *правопорядке* говорить мало приходится. Судьею был сам феодал или его агент (иногда и «откупщик суда»)[1], который судил *в свою пользу или из своего суда создал себе доходную статью*. Это был, говоря словами историка, период «*перманентной внутренней* (ныне сказали бы «гражданской») *войны»*, который закончился грандиозною крестьянскою революцией *(крестьянскими войнами)*, в которой по размерам центральное место занимает Германия. Но эта война всюду, за исключением лишь Швеции, окончилась победою феодалов. И эта победа вылилась в формах, пред которыми по жестокости бледнеют все позднейшие контр-революции. В Германии насчитывают количество казненных крестьян в один год после подавления восстания в 100,000 человек, не говоря о сотнях сожженных целых селений. И летописи сообщают ужасные страницы об избиении безоружных и беззащитных крестьян сотнями и тысячами, не говоря уже о долголетних каторжных приговорах (напр., «9 Jahre lang im Eisen arbeiten»[2])

Интересно отметить, что после первых попыток кодификации IX стол., для Германии подобные попытки исчезают вплоть до са-

[1]) См. пример у М. Н. Прокровского, „История русской культуры". „Пожаловали есм слугу своего (—) селом (—) со всем тем, что к тому селу по-тягло и с хлебом земляным, опроче (кроме) душегубства и разбоя наличными". Значит, сдает в доход суд по всем делам, кроме душегубства и разбойника, пойманного с поличными.

[2]) Историк Янзен приводит пример убийства во время бегства 800 арестованных крестьян („im Nu waren 800 Bauern erstochen und zusammen gehauen").Архиепископ Трирский колол и убивал крестьян собственноручно. Справедливость требует признать, что и„красный"или „зеленый" террор крестьян не знал пощады: погибли сотни замков и тысячи людей из строя рыцарей. После битвы у Земпаха (1386) „народ отомстил народною местью за феодальные безобразия избиением 686 графов, баронов, рыцарей и пр." (см. И. Шерра. „Deutsche Kultur etc").

мого периода рецепции римского права. Характеристику кодификации IX века проф. Бруннер (Deutsche Rechtsgeschichte) дает краткими словами: кодифицированы только *правовые положения, в фиксации коих имелась особая надобность;* барщина для освобожденных из крепостного состояния ограничена (gemessen), холопов (кнехтов) — неограничена (ungemessen); т. д. Такую же характеристику русские историки (напр., М. Покровский) дают относительно первых кодификаций русского права.

Но еще в самый расцвет власти класса феодалов выступает на сцену новый класс — *горожан.* Это, с одной стороны, представители ростовщического капитала, который по очереди вовлек в свои тенета и крестьян и феодалов, с другой стороны, городское ремесло, разоряющее сельскую промышленность и захватывающее в свои руки также и домашний промысел феодала. Сюда надо прибавить прирост богатства городов от открытий и изобретений периода с XV столетия. То, чего города не успевали силою оружия, они сделали силою денег. «Как деньги превращаются во власть для их владельца, как собственность переходит (umschlägt) в политическое господство... он может легко убедиться, если он видит, как крепостной выкупал свободу, города — муниципальные права, буржуа (горожанин) улетучивал собственность феодального барина, а абсолютный монарх купил их привилегии» (Маркс, Nachlass, II, стр. 456).

Так создалось то усиление центральной государственной власти, вследствие равновесия силы двух классов, о котором говорил Энгельс, и наступила победа буржуазии над разложившимся феодализмом. Централизованная власть периода абсолютизма осталась, но она перешла к буржуазии, то-есть, старый аппарат был заменен новым личным составом. Буржуазия освобождается окончательно от церковного влияния. Государство принимает вместо прежней *личной* власти, характер власти как бы *на пред'явителя,* «кого укажет» избирательная кампания, тип *государства акционерного.*

Тот технический аппарат, который начали теоретически обсуждать еще до буржуазной революции, в виде разделения властей, местного самоуправления и т. д., принял формы весьма сложные и запутанные, создающие под видимостью демократии твердую власть буржуазии, класса капиталистов, развившуюся в эпоху империализма во власть финансового капитала, диктатуру буржуазии.

Это, можно сказать, дьявольская система угнетения человечества, прикрывающая под фразами гуманного либерализма самые гнусные затеи. Она пускает в ход не только сложный аппарат разделения властей, как орган беспощадного принуждения, она путем «инстинкта собственности» (по определению Тьера) и системы «голода по добровольному соглашению», поднимает интенсивность труда и массу присваиваемой прибавочной ценности до крайнего предела. Она имеет в своем распоряжении армию продаж-

ной интеллигенции всех видов; она не брезгает броситься в об'ятия даже побежденной, казалось бы, навсегда церкви и все это не во имя откровенной классовой борьбы, но во имя примирения классов Burgfrieden), гармонии, согласованности противоречивых интересов, одним словом, — «*чистой демократии*». К вопросу о демократии мы еще вернемся. Здесь только одну цитату из Энгельса (из его статьи „Die Fortschritte der Sozialreform auf dem Kontinent", New Moral World, 1843[1]): «Демократия так же, как, по моему мнению, и всякая иная форма правительства, является противоречием внутренним (in sich selbst), не правдою, в конце концов, ни чем иным, как лицемерием (Heuchelei) или как мы, немцы, говорим, богословием. Политическая свобода это свобода фальшивая, хуже худшего вида рабства, это только мнимая свобода и, следовательно, *истинное рабство*. То же самое приходится сказать и про политическое равенство. Поэтому и демократия, как всякая иная форма правительства, должна быть разбита вдребезги (in Stücke gehen). Лицемерие не может продолжаться, скрытое под ним противоречие должно проявиться. Либо рабство, т.-е. нескрытый деспотизм, либо истинная свобода, истинное равенство, т.-е. коммунизм».

Если мы в своем определении права говорили об «организованной власти господствующего класса», то мы, как нормальное явление, имели в виду государство. В общем и целом государство является монополистом в роли охранения нормирования права. Мы, конечно, в этом отношении говорим о государстве вообще, т.-е., включая туда весь его аппарат в целом, не исключая и местного самоуправления, из которого так часто пытаются искусственно построить особую схему демократии против государства. Также мы здесь словом «государственная власть» обнимаем всю разделенную власть в совокупности, ибо в тех случаях, когда власти законодательная и судебная составляются из «народного элемента», их классовой состав гарантирует однородность классового направления, а всякие уклонения в этом отношении богатство исправляет, как намекал Энгельс, косвенно: «Подкуп парламентариев и зависимость высших чиновников администрации и суда от капитала — вещь бесспорная». Но к вопросам о самоуправлении и всяком ином народном элементе в государственной власти нам придется еще вернуться.

Остается еще по отношению к буржуазному периоду коснуться вопроса о международном праве. Исходя из нашего определения права, мы для международного права отводим сравнительно незначительный круг. Если Дюгюи[2]) в государстве усматривает лишь простой факт (un simple fait), то и по отношению к международному праву вплоть до империалистического периода, можно было бы сказать, что там все право в действительности сводится к

---

[1]) „Neue Zeit", 3, XXVIII, стр. 428.

[2]) Duguit: „La verité est, que la puissance politique est un fait, qui n'a en soi aucun caractére de legitimité ou d'illegitimité".

простым фактическим отношениям (de facto). Поэтому и возникли планы о лигах наций с особенною принудительною властью и тому подобными фантазиями, у которых *нет реальной почвы.* Но одно несомненно, что империалистический период капитализма создает международные классовые об'единения и вместе с тем *классовую борьбу* или вернее — гражданскую войну в *международном масштабе.* Отсюда вытекает известное основание и для организованной господствующим классом буржуазии международной власти. Только такая власть эфемерна, скоро преходяща в смысле об'единения буржуазии, в виду неизбежного конфликта между буржуазиями разных стран и между капиталистами разных отраслей. Но вполне реальна такая власть для пролетариата там, где он становится господствующим. Советская форма государства есть сама по себе международное об'единение человечества или части его. Равным образом советское право имеет прямую тенденцию к интернационализму. И организованная для нее власть в международном масштабе нарождается в Коммунистическом Интернационале и союзе С. С. Республик [1]).

Значительная доля второй части моей работы посвящена организации государства победившего пролетариата. Поэтому я здесь о советском государстве ограничусь только известною цитатою из критики Марксом Готской программы: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ни чем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*». Из всего сказанного ясно, насколько должна быть серьезна разница между устройством и аппаратом государства буржуазного и диктатурою пролетариата, в особенности и по отношению к праву.

Для лучшего выяснения характера советского права я здесь приведу несколько соображений о том, в чем выражается суть охраны или принудительная поддержка права в буржуазном и пролетарском классовом государстве [2]). Я беру случайного, среднего представителя буржуазной науки права, Шершеневича, и читаю («Общая теория права», I, 207): «В основе повиновения в семье *страх и вера* [3]). Государственная власть то же самое по существу, страх за благополучие и доверие к органам государствен-

---

[1]) См. декларацию Конституции СССР.: „доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем“.

[2]) Энгельс по этому поводу пишет в письме к Бебелю: „Пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем для длительного подавления (Niederhaltung) своих противников“ (см. Bebel, Aus meinem Leben II. 332).

[3]) Автор берет два примера—буржуазное семейное „счастье“ (любовь к жене, семейный порядок, домашнее спокойствие—как мило, не правда ли?) и взаимоотношения двух компаньонов. Их обоих сдерживает страх —известная невыгода, и вера—известная выгода!

ной власти, как к средству обеспечения, при чем эти чувства передаются от поколения к поколению». Немного наивно и идиллически здесь рисуется характер буржуазного государственного принуждения. Этот аппарат принуждения в действительности весьма сложен и крайне туманен. Он в сладкие слова о свободе расторжения договора найма, как личного, так и аренды, вкладывает угрозу — голодною смертью даже после отмены смертной казни и т. д. Но это только одна сторона; в распоряжении класса капиталистов и его государства—церковь, школа, наука, печать, которые воспитывают, убеждают, а, где надо, и устрашают. Но каждое из этих учреждений своим способом старается *прикрывать классовые противоречия,* воспевать прогресс и единение, мир и согласие, правду и справедливость буржуазного общества. А так как человеческий мозг доступен внешним влиянием [1]), то в головах угнетенных масс вместо классового сознания царит, в лучшем случае, пустота. Вся суть всякого буржуазного принуждения и убеждения заключается именно *в замалчивании, затушевывании классового характера* ее *власти.*

Без элемента принуждения и убеждения на переходное время, конечно, и переход к новому бесклассовому обществу невозможен, о чем будет речь еще впереди. Но и то и другое здесь имеет откровенно классовый характер, а особенно—убеждение. Приходится создать особый аппарат политического воспитания и просвещения, но именно искренно классового. Чтобы убедить рабочие и, вообще, трудовые массы, необходимо не затемнять, но будить и углублять их классовое сознание. И мы видим из признаний наших противников на фронтах, что это средство убеждения, хорошо поставленное, делало чудеса в частях Красной армии, а также в рабочих массах, ибо здесь словесное убеждение сопровождается пропагандою делом. И старой армии не был чужд политический агитатор, это полковой поп: и он делал иногда дело, но он был только наймитом и должен был проповедывать заведомо лживые учения, в которые обыкновенно он и сам не верил. Советский агитатор сам человек с классовым сознанием, и к его пропаганде действительно подходит термин «психического воздействия» в самом благородном смысле слова. По мере успокоения внутреннего и внешнего фронта, по степени проникновения в жизнь новой дисциплины масс, принуждение отмирает, и усиливается момент убеждения, но убеждения искреннего, откровенного, классового, партийного, а не лицемерного, лживого, примиренческого.

Эта система убеждения имеет прочное основание по отношению к классу угнетенных; она, понятное дело, бессильна по отношению к классовому противнику, который отвечает, в лучшем слу-

---

[1]) Весьма научно это выражает звезда психологической школы в юридической науке, Петражицкий: „Психологическое общение есть, так сказать (удивительно точное определение), *взаимозаражение* и при этом не интеллектуально только, а и эмоционально“. Если в самом деле здесь (конечно, только образно) и можно говорить о заразе то только, к сожалению, *не о взаимной.*

чае, открытою борьбою, но чаще всего лицемерным подчинением, симуляциею покорности и действительным саботажем. Какую яркую картину нынешней революции набросал великий пророк Энгельс, когда он, *в 1891 г.,* писал: «Ныне мы достаточно сильны, чтобы перенести и переварить любое количество образованной дряни (Quarks) и я предвижу, что мы будем в состоянии через 8—10 лет навербовать собственных молодых техников, медиков, юристов, учителей, а также передать крупные имения в управление от имени нации своим же членам партии. *В таком случае наше вступление во власть будет протекать гладко. Но если мы, благодаря войне, преждевременно* (vorzeitig) *станем у власти, то техники* (т.-е. спецы) *будут нашими специальными противниками и будут обманывать и предавать нас, где только смогут.* Нам придется применять террор (Schrecken), а нас все-таки будут обманывать. Это, в небольших размерах (im Kleinen), всегда случалось со всеми французскими революциями... Им даже в самых обыкновенных управлениях приходилось на действительно работающие нижние посты насаждать старых реакционеров и те «саботировали» (hemmten und lähmten Alles) и подрывали все».

---

5. Право, как система общественных отношений. [1]

Наше определение права гласит, что правом называются не отношения вообще, хотя бы общественные, в смысле К. Маркса, *а целая их система, и не всякая система* общественных отношений, а лишь *система с признаком классового* интереса и вытекающей оттуда защиты господствующего класса. Значит, имеются налицо и родовой, и видовой признаки. С формальной стороны, даже с точки зрения устарелой логики, возражения основаны на простом недоразумении. Но нам остается по существу ближе рассмотреть понятие этой системы или этого порядка и его характера.

Правовая *система*—это система совершенно *своеобразная* по сравнению с любою иною системою, напр., с системою обращения планет, системою нервною или даже экономическою системою. Системою мы называем, вообще, об'единение разрозненных единиц в единое стройное целое, и мы видели, что в данном случае об'единяющим моментом является классовой интерес или, конкретнее говоря, соответствующий ему вид присвоения, собственности [2]). Но в то время, как во всех остальных системах мы имеем одно определяющее начало, определенную единую ось (Маркс поль-

---

[1]) См. мои статьи в „Советском Праве,“ № 3, в „Коммунистической Революции“ № 13/14 и „Под знаменем марксизма,“ № 1, 1923 г.

[2]) Я уже указал выше, (см. стр. 3.) что я ныне формулирую систему словами форму организации общественных отношений.

зуется в подобном случае французским словом «pivot»), вокруг которой вертится вся система, мы в праве имеем перед собою *двойственность,* или даже *тройственность* в этом отношении. Это обстоятельство и об'ясняет ту путаницу, какая господствует в вопросах теории права.

Мы уже видели, что Маркс—в отличие от буржуазной науки — под общественными отношениями понимает лишь отношения производства и обмена, т.-е. взаимоотношения людей, имеющие место в производстве и обмене. Совокупность этих производственных отношений и составляет, по Марксу, *экономическую структуру данного общества* или так называемый «*реальный базис*». Только буржуазная безграмотность доходит до смешения понятия производственных отношений с понятием производительных сил, которые целиком относятся к области *отношений человека к внешней природе* в борьбе за существование. Туда относятся «общественные орудия труда» (т.-е. техника), включая и рабочую силу (т.-е. живого рабочего). Маркс развитию, т.-е. расцвету производительных сил, общественной техники приписывает *определяющее значение* по отношению к производственным отношениям, но смешивать их (как это делают, напр., П. Струве и другие) совершенно недопустимо.

Мы знаем, что в борьбе за существование, т.-е., прежде всего, в производстве, а вслед затем и в обмене (в обществе простых товаропроизводителей эти последние как будто играют первенствующую роль) — люди вступают во взаимоотношения или даже беспрерывно находятся в таких взаимоотношениях. Мы исторически человека знаем только во взаимоотношениях с другими людьми, только в «общественном состоянии», и всякое обсуждение человека вне общественного состояния, в каком то внеобщественном, так сказать, безвоздушном пространстве — привычный прием всей индивидуалистической буржуазной науки — являются бесплодными фикциями, не проясняющими, а только затемняющими постановку вопросов.

Кроме этих производственных и распределительных отношений между людьми существуют еще и иные отношения, отчасти прямо или косвенно вытекающие из первых как производные, отчасти весьма отдаленные от первых, хотя и не без их влияния. Эти последние имеют в известном смысле «случайный характер»; они не «исторически необходимы», часто даже необ'яснимы просто из основных общественных отношений. Все эти, как производные, так и с виду случайные отношения, и есть то, что Маркс называет *надстройкою* по отношению к базису, т.-е. к производственным отношениям или, говоря на юридическом языке, отношениям собственности (присвоения). Но к вопросу «*о базисе и надстройке*», мы еще вернемся ниже. Здесь мы пока остановимся лишь на базисе, т.-е. на отношениях производства и обмена.

Как ни странно, но из всех понятий это понятие «общественных отношений», без которых не может, казалось бы, обойтись

ни один человек, содержит в себе наиболее неясностей, чему способствует ход развития буржуазного общества. Напр., землевладелец, получающий свою ренту, может быть, никогда и не видал крестьянина. А капиталист, получающий свою прибыль, свой процент (напр., по купону акции) даже не знает, где его фабрика и сколько там рабочих. Для них понятия—земля, капитал, деньги, товар, рабочая сила и т. д.—превратились в отвлеченные понятия. Какое у них взаимоотношение с крестьянами-арендаторами (плательщиками ренты), с рабами-рабочими?.. Таковы — подход всей чисто буржуазной политической экономии. Рабочий, в свою очередь, работая на заводе или фабрике, никогда, может быть, не видал фабриканта, а имел на деле перед собой лишь грозного его заместителя-директора или его агентов, которые ему, по их словам, из милости предоставляют «право на труд» и за это еще приплачивают «заработную плату». О каких там говорить взаимоотношениях? [1]). Это — отношения одностороннего господства-рабства, как верно определяет Маркс. Да, и на рынке, т.-е. в лавке, купец ему диктует цены. О каких там «взаимных» отношениях может быть речь?.. И все же это понятие является основным.

Его стараются скрывать, как и вообще все развитие буржуазных отношений идет к обезличению отношений господства или производства, ибо такое *безличное господство* получает характер вещный, превращается в фетиш, а главным образом, затрудняет верный взгляд на эту эксплоатацию, как на эксплоатацию человека человеком. Вот откуда возникает тот взгляд, который юридическим отношениям, как волевым, старается *противопоставить* экономические отношения, напр., производственные, как *не волевые*, просто *вещные*. Такой взгляд в корне неверен.

Взаимоотношения двух лиц, о которых мы здесь говорим, хотя бы и *экономические*, всегда предполагают известное волевое движение участников этого отношения и не простые рефлексы. Это должны иметь в виду защитники всяких волевых теорий права, в недоумении останавливающиеся перед понятием общественных отношений. Мы поэтому для раз'яснения значения в этих отношениях человеческой воли должны вкратце начать с понятия воли. Под волею по старой привычке понимается особая *«самостоятельная душевная способность»*, что либо желать, хотеть. «Физиологическая психология», сравнительно молодая наука, имеющая, однако, блестящее будущее, прямо отрицает необходимость гипотезы о воле. Видный представитель этой науки немецкий профессор Циген пишет: «Здесь мы наталкиваемся на гипотезу, принятую почти всеми в психологии, к которой во все времена приходил, по-видимому, бессознательно, здравый смысл человечества, а, именно, *гипотезу о воле*, как *о причине наших поступков*. Признается, что между процессом ассоциации идей и поступком происходит еще

[1]) Американская психологическая теория социологии для этих „взаимных отношений в природе приводит своеобразный пример: „Волк ест овцу, овца ест траву“..

воздействие воли, как особой *самостоятельной душевной способности.* Ассоциация идей доставляет только мотивы, а воля выбирает любые из них... Для физиологической психологии *не представляется надобности в допущении* такого добавочного и совершенно *гипотетического фактора психологической жизни...* Физиологическая психология об'ясняет все психологические процессы независимо от этой гипотезы» [1]). Это, понятное дело, не значит, что сразу надо выбросить само слово воля, но только то, что надо им пользоваться *в строго условном, а следовательно и ограниченном смысле* известного явления, обусловленного психологическими процессами (возбуждением, ощущением, представлением, ассоциацией идей), последним звеном которого является поступок, а не как об особой способности, как причине наших поступков.

Воля, как известно, играла громадную роль во всей науке прошлого. На свободе воли основывалось как право (особенно уголовное, но и гражданское), так и все политическое мировоззрение буржуазии. И как ни разрушительна была революция мысли, тут осталось много недоговоренного, много недоразрушенного. Теперь уже является общим местом даже в буржуазной науке теория детерминизма, только опять-таки за исключением явлений общественной жизни. Ибо тут делаются, по крайней мере, еще определенные оговорки. Но не так давно еще в области общественных явлений, в том числе и в праве, *индетерминизм,* неприменимость или лишь частичная применимость принципа причинной связи, считались господствующими.

Я здесь, вообще, по этому вопросу отсылаю к другим отраслям науки, напр., к историческому материализму, но обойти его полным молчанием мы не можем. На абсолютной свободе воли ныне вряд ли кто настаивает, но все еще пишут толстые книги в доказательство хотя бы такого, очевидного для нас факта, что экономический фактор влияет на преступность, т.-е. на «порочную волю» человека. Значит, многим вопрос еще не ясен. Но ныне достаточно прочесть пару страниц любой книги по экспериментальной психологии, чтобы окончательно отвергнуть *абсолютную свободу* (от причинной связи) воли. Не так просто обстоит дело с *относительной свободою* воли. Тут, прежде всего, смешивают *незнание* причинной связи с несуществованием таковой. Но незнание не есть доказательство ни за, ни против. «Так, ребенок воображает, что он свободно желает молока, которое его питает; если он сердится, то он думает, что свободно хочет отомстить; если он пугается—что он свободно решает бежать». (Спиноза). Но эти примеры, конечно, не означают, что так-то легко установить в точности причинную связь. Прежде люди очень облегчали себе эту задачу. «Post hoc,ergo propter hoc».«Случилось после того-то, значит *вследствие* того-то». Теперь мы говорим о множестве причин, среди которых мы различаем необходимые или «случайные»,

---

[2]) См. профессора Цигена,—„Физиологическая психология", стр.236·

хотя и эти случайные настолько же обусловлены общею причинною связью, как и необходимые. Во всяком случае мы исходим из того положения, что тот, кто утверждает для воли *особое исключение* из общего закона природы всеобщей причинной связи (причина — следствие — причина), должен *доказать это исключение,* и недостаточно ссылаться на то, что нам неизвестно или нами еще не выяснено. Это последнее особенно относится к области так называемой идеологии.

Значит, если нам люди говорят о волевых отношениях, имея перед собой общественные отношения, то мы должны знать, что разговоры о *свободных* волевых актах просто вздор или обман. Пока существует данное состояние производительных сил и данное распределение их, — общественные отношения более или менее предопределены, и о свободном их изменении говорить не приходится. Возможна в известных пределах борьба об'единенных единиц или же отдельных лиц, как членов таких об'единений. Значит, можно говорить только разве о *свободе об'единенной воли или воли целого об'единения.*

Так и делает буржуазная наука. Она ту свободу, которой нет для отдельной воли человека, переносит на какую то волю *вне индивида,* волю абсолютную (бога), волю народа (имманентную волю народа), волю всей нации (демократию) и т. д. Но если наука даже волю индивида берет под сомнение, в смысле ее существования, то что сказать про такую фикцию, как волю общества или народа? Но, говорят нам, существует же закон, обычай, одним словом, все то, что буржуазная наука называет «правом в об'ективном смысле». И что же это иное, как не *волевые акты,* если и не бога или чего то вообще абсолютного, то некоторого коллектива (народа, общества, класса)? И, твердят нам, эта *коллективная воля* в виде права, и определяет наши правоотношения, а, стало быть, и экономические отношения, юридическим выражением которых являются правоотношения. Необходимо нам остановиться на «свободе воли» — в виде права, закона или т. п. общественного понятия.

Тут и говорят нам: само понятие общества, по мнению некоторых ученых (напр. Штаммлера или у нас проф. Энгеля), предполагает внешнее регулирование, значит, устав, закон или т. п. *акт воли,* а закон и есть свободное творчество человека. Мы уже отвергли теорию Штаммлера (глава II) и мы также отвергаем теорию свободной воли законодателя. Допустим, что абсолютный монарх издает закон, приказывающий остановить течение реки, указ о рождении наследника или т. п... Получат ли эти законы действие? Конечно, нет! Они просто не будут «гласить». Как бы ни был абсолютен монарх, и его «воля» «ограничена», он таких законов *и издавать не станет,* они ему приписываются лишь сатириком. И он уже знает, что только законы человеческие, не противоречащие законам природы или движения («развития») общественных отношений, могут оказывать существенное влияние

на систему общественных отношений. У нас, конечно, во всех странах имеются примеры и мертво-рожденных законов, но все-таки, на первый взгляд, может показаться странным, что их так мало даже в те времена, когда о каких-либо законах развития никто ничего и не подозревал, и не знал. Это об'ясняется, как мы еще увидим, из самого хода возникновения законов. Первые законодатели были весьма осторожны и об'являли законом лишь то, что *уже вошло в обычай* (напр., судебный прецедент, как факт) [1]), или *уже было проведено.* Оттуда и особенная осторожность всех ревизионистов, особенно тех, кто отрицает, вообще, если и не существование законов общественного развития, то, по крайней мере, возможность их открытия.

Известно, что «полумарксист» Булгаков в 1900 году в своей книге «Капитализм и земледелие» писал: «Маркс считал возможным мерить и предотвратить будущее по прошлому и настоящему, между тем как каждая эпоха приносит новые факты и новые силы исторического развития, — творчество истории не оскудевает. Поэтому всякий прогноз относительно будущего, основанный на данных настоящего, неизбежно является ошибочным... Завеса будущего непроницаема». Впоследствии этот автор зашел значительно дальше, об'явил и завесу прошлого (открытие причин) непроницаемою и бросился в об'ятия всеспасающей церкви. И, если просмотреть всю эту свору бывших ревизионистов, ныне об'явивших себя религиозными философами (Бердяев, Франк) или прямо служителями православной церкви (Булгаков), то это явление, конечно, не случайно. Не находя удовлетворения в беспочвенных для них, как интеллигентов, исканиях материалистического обоснования «каузального» мировоззрения, т.-е. мировоззрения, исходящего от всеобщего закона причинной связи, они идут в противоположную сторону и, отвергая закон причинной связи, находят почву под ногами лишь в вере в бога и в фатальной телеологии. Буржуазия и в черта поверит, если на этой вере можно будет строить новый мир буржуазный (ср. Анатоля Франса «Восстание ангелов»). Это только упрощенное мировоззрение: «научный» взгляд о явлениях, как о причине — следствии — причине и т. д., но с поправкою — *верою в первопричину:* «да будет свет» и т. д. Другие дополняют теорию общей причинной связи в том смысле, что они в число других причин ставят цель или цели, которым подчинено все в мире и к которым, в общей цепи причинной связи, стремится «развитие». Эту цель понимают либо как цель, открыто об'явленную провидением, либо как имманетную явлениям природы и общества цель, вложенную также какою-то неведомою силою. При этом взгляде закономерность заменяется целесообразностью или фатальностью, но по существу вопрос остается тот же *о высшем существе,* сознательно поставившем эти цели, ибо бессознательная цель — это внутреннее противоречие. В этом отношении

---

[1]) Количественное повторение единичного факта превращает его в прецедент, обычай, закон.

много путаницы вносит то обстоятельство, что закон человеческий, преследующий, как и вся сознательная деятельность человека, поставленные себе цели, существовал раньше научного закона, и это одно слово, охватывая два различных понятия (как юристы иногда выражаются, естественного и искусственного закона), содействует телеологическим (целевым) концепциям. Но, возражают нам третьи «целевики», мы же понимаем цель в развитии лишь как совокупность или известную среднюю, результату сознательных целей живых конкретных людей; значит, мы тут свободны от всякого идеалистического направления. Это в нынешних условиях, в лучшем случае самообман, ибо то сознание, которое действует в головах людей, между прочим, и при постановке себе цели, в большинстве случаев, пропитано всякою устарелою идеологиею. А если себе ставят цели, лозунги борьбы и марксисты, то только основываясь *на осознанных ими законах движения общества*. Значит, марксисты раньше исследуют, изучают общие законы движения, чтобы на этом основании сознательно ставить себе цели, а *не наоборот*.

Маркс и Энгельс являются не простыми «каузалистами», они исходят от *диалектического развития* всего существующего. Здесь слово *развитие* само не заключает в себе никакой цели (что, напр., вкладывается обыкновенно в слово «прогресс»), а употребляется просто в *смысле движения*. По этой теории «все движется», все меняется. Значит, нет и неменяющегося закона, неизменчивой закономерности. Движение или развитие общественных отношений идет чрез противоречия. Оно имеет свои общие законы, но имеет и законы, *обусловленные исторически*. Это означает, что каждый исторический период, т.-е. каждый период экономического развития имеет *свои особые экономические законы*. Но переход одного исторического периода (периода экономического развития) в другой, в свою очередь, имеет и свои *общие законы движения*, а, именно движения *не эволюционного* (как выходит по простому закону каузальности), *а революционного* движения, чрез противоположности. Две заимствованные у Гегеля мысли играют тут решающую роль. Во-первых, количество на известной ступени нарастания перескакивает в качество, напр.: количественное нарастание капиталистических отношений на известной ступени путем революции (промышленной, политической, социальной) перескакивает в капиталистический экономический строй, буржуазное общество. Во-вторых, и законы экономического развития (движения) в течение развития переходят в свою противоположность, вместо положительно влияющих на развитие становятся отрицательными: капиталистический способ производства, напр., в начале революционный, превращается в момент, задерживающий развитие, контр-революционный.

Я здесь в слишком сжатом виде (и, боюсь, недостаточно ясно) изложил важнейшее изменение или дополнение, внесенное в каузальный принцип диалектическим методам Маркса и Энгельса.

(Нам крайне нужна основательная, возможно популярная работа по этому вопросу, особенно обращающая внимание на область права). Но Маркс не ограничился этими общими выводами; его теория для громадного периода до окончательного исчезновения классового общества придает решающее значение *экономическим причинам* (в их совокупности) пред всеми прочими. Главную роль тут играют — производство, производственные отношения, и, в их основе, *производительные силы*.

По этому вопросу писалось не мало. Тезис, что «бытие определяет сознание, а не сознание — бытие», среди марксистов, даже юристов, — вне спора. Но по отношению (между прочим и) к праву Маркс высказал сравнение с базисом и надстройкою, и тут то пошли толки и гадания: где базис, где надстройка? Есть ли право собственности базис или надстройка? Относится ли система общественных отношений к базису или надстройке? Кто то нашел у меня даже смешение базиса и надстройки («об'явил, мол, базис надстройкой»). Образное выражение о надстройке, не самим Марксом выдуманное, а им позаимствованное, великолепно характеризует мысль об общественном «бытии и сознании», но действительно способно внести недоразумения в головы насчет обратного влияния надстройки на базис.

К. Маркс в «Предисловии» к «Критике политич. экономии» пишет: «совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества, *реальный базис*, на котором поднимается *юридическая* и политическая *надстройка* и которому соответствуют определенные формы общественного сознания». Далее Маркс говорит о том, что «отношения собственности являются *только юридическим выражением* для производственных отношений». «Наступают эпохи социальных революций. С изменением экономического базиса (основы) переворачивается медленнее или скорее и вся громадная надстройка. При изучении таких переворотов всегда необходимо различать между материальным переворотом — в экономических производственных отношениях, который поддается констатированию с точностью естественных наук, — и переворотом в *юридических*, политических, религиозных, художественных и философских, одним словом, в *идеологических формах*, в которых люди приходят к *сознанию конфликта* (между развитием производительных сил и отношениями производства, т.-е. собственности) и в которых они ведут борьбу вокруг этого конфликта». В своих «теориях прибавочной стоимости» Маркс говорит, как о необходимой надстройке, — об известных слоях интеллигенции. В «18 Брюмера» он пишет: «На разных формах собственности, на общественных условиях существования поднимается *целая надстройка* различных и своеобразно сложившихся чувствований, иллюзий, образов мысли и мировоззрений». А Энгельс говорит в «Анти-Дюринге» об «исследовании жизненных условий, *общественных отношений, правовых и государственных форм, вместе с их идеологическою надстройкой*, философией,

религией, искусством и т. д.». Ясно, что Маркс и Энгельс слову «надстройка» придавали лишь смысл образного сравнения, а не значение дословно-архитектурное, о каком-то многоэтажном особняке [1]). И мы, основываясь на «введении» к той же «Критике», где Маркс собственности противопоставляет *особые формы ее обеспечения* (юстицию, полицию и т. д.), можем сказать, что систему *конкретных* общественных отношений он относит, как юридическое выражение для производственных отношений, к базису, а *абстрактную* форму их (закон и идеологию, см. ниже) — к надстройке.

По существу весь спор между нами, однако, сводится не к спору об отношении базиса к надстройке, а к спору, *где искать основное понятие права:* в системе ли конкретных отношений или в абстрактной области, т.-е., в писанной норме или в неписанном представлении о праве, справедливости, т.-е. идеологии. Я отвечаю: *в системе конкретных отношений.* Но я оговариваюсь: если мы говорим о системе и порядке отношений и об охране их организованной властью, то ясно для всякого, что *мы учитываем и абстрактные формы, и их влияние на конкретную форму.*

Сопоставляя отдельные цитаты из Маркса, мы можем найти, на первый взгляд, известные противоречия или, как я сказал, известную дань терминологии своих учителей, но мне ныне кажется, что это кажущееся противоречие происходит от сложности той системы, какую представляет собою право *в своих трех,* реально существующих, а не воображаемых *видах форм,* из которых одна — конкретная, а две — абстрактные, отвлеченные. Это различение правовых форм ясно намечается уже у Маркса.

В своей основной работе, «Капитале», К. Маркс рассматривает процесс обмена веществ капиталистической эпохи, с экономической стороны, как движение абстрактных категорий: товар, деньги, капитал, рабочая сила, земля и т. д.. С другой стороны, он ни на минуту не забывает, что каждая из этих абстрактных категорий одновременно имеет своего олицетворенного представителя, что отношения между *вещами* в действительности есть отношения между людьми, да при том отношения именно волевые, а как таковые, одновременно и отношения правовые. Место, так много

---

[1]) Стр. 10. Но, что может быть и такое „многоэтажное" понимание мы видим в „Курсе конституции" проф. Рейснера, 1920 г. (стр. 95): „Вы видите, что здесь возможно над *хозяйственным базисом* построение не в один этаж, *а в несколько этажей*, что подтвердит и теория марксизма(?): раз установившись, идеология может *всегда рождать новую* идеологию, *идеологические надстройки*, и такое построение может итти чрезвычайно высоко. Напр., в области права, если мы сравним *отдельные надстройки* (тут уже целая усадьба! П. Ст.) то мы увидим, что оно может давать *несколько этажей*: внизу хоз. базис, *непосредственно* к хоз базису будет примыкать то, что мы определяем под словом *право собственности, право частное*—это первая надстройка. Второй этаж— право политическое, государственное. Над ними „*мистика*" (то, что немцы называю- „Oberstübchen"? П. Ст.) и т. д. Одним словом, пример, как не надо популяризовать Маркса.

цитированное в последнее время как бы против меня разными приверженцами волевых теорий, но всеми ими непонятое, показывает это весьма выпукло (Капитал, I, 53): «Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться между собой... Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу, как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу, как лица, воля которых господствует в этих вещах; таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них, лишь при посредстве одного общего обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, *формой* которого *является договор, — все равно, выражен ли он законно или нет,* — есть *волевое отношение,* в котором отражается экономическое отношение (между товарами. П. Ст.). Содержание этого юридического или волевого отношения дано самим экономическим отношением. Лица существуют здесь один для другого лишь как представители товаров, т.-е. как товаровладельцы... Товаровладельца отличает от его товара именно то обстоятельство, что для товара каждое другое товарное тело есть лишь форма проявления его собственной стоимости». Сноска тут же поясняет мысль, что *понятие права должно быть выведено из самого общественного отношения,* а не наоборот — из понятия справедливости (идеологии), как это делает Прудон. Прочтите заодно еще другое место (Капитал, I, 340—341) «о договоре между рабочим и капиталистом (о личном найме), как *о формальном* опосредствовании (Vermittlung) отношения капитала». И после того уже читайте в его «Предисловии» к «Критике пол. экономии» знаменитое место, что «отношения собственности» являются «только юридическим выражением для отношений производства». Тут пред вами почти все буржуазное право: право собственности, договор купли-продажи (обмена) и договор личного найма. Находятся, однако, люди, открывшие в первой из цитат противопоставление экономического и волевого или юридического отношения. Ничего подобного. Последнее является юридическим выражением, формальным осуществлением первого, гласит смысл всех трех цитат, и оба являются волевыми отношениями.

Но имеется там *другое противопоставление:* волевого или юридического акта, т.-е. *конкретной формы* отношения, его *законной* или *абстрактной формы* («все равно, выражен ли он *законно* или нет»), и на этом противопоставлении необходимо остановиться, как на *самом характерном признаке всех правовых отношений.* Такое противопоставление встречается часто и всюду. Новоиспеченный с.-д. проф. Берлинского университета Кунов пишет: «Отношения производства и отношения собственности являются по Марксу не параллельными, совсем разнородными отношениями, а с правовой точки зрения, отношения производства являются и отношениями собственности», и дальше он различает «социальный правопорядок» и «право государственно-кодифицированное». У другого ав-

тора мы читаем о различии между *правом официальным*, фиксируемым в законах, и *правом реальным, функционирующим в жизни.* Третий автор говорит о *«формально» провозглашенном праве... и юридическом правиле*, которое *«фактически» действует* и т. д.

Из этих двух форм — *конкретная правовая форма* отношения совпадает с экономическим отношением, тогда как *абстрактная форма*, провозглашаемая в законе, может и не совпадать, и весьма часто и значительно расходиться с ней. Но, кроме того, существует еще и *третья* форма, пользуясь популярным выражением Петражицкого, *«интуитивная» форма*. Это внутренее психическое *«переживание»*, которое по поводу того или иного общественного отношения происходит в голове человека, оценка его с точки зрения «справедливости», «внутреннего правосознания», «естественного права» и т. д., другими словами — *идеология*.

Эти три формы осуществления общественного отношения в *начале* классового общества более или менее совпадают. Само производство еще вне оборота. Простой обмен продукта на продукт, товара на товар, услуги на услугу, do ut des, facio, ut, facias, do ut facias, facio ut des (я даю, чтобы ты дал; я делаю, чтобы ты делал; я даю, чтобы ты делал; я делаю, чтобы ты дал). Таково было первоначальное римское обязательственное право в законе и на деле. Полное совпадение всех форм. А если мы перескочим от этих простейших формул римского обязательственного права к векселю, ипотечной бумаге, акции буржуазного мира, где просто отрезной купон дает право на частицу «крови и пота» крестьянина или рабочего (в виде ренты или прибыли), то мы невольно спросим, как это могло случиться.

Но для юриста ныне это состояние настолько привычно, что он, наоборот, из этого абстрактно-формального акта (чека, акции, купона, закладного листа) выводит все свои конкретные правовые отношения. Для него эта бумажка, текст статьи закона или его раз'яснение (судейская «справедливость») — все, а людские взаимоотношения — ничто, юридически «иррелевантный», т.-е. «безразличный» факт. Я беру наугад современную книжку о праве известного специалиста по торговому и гражданскому праву, покойного Шершеневича (см. его «Философию права», т. II, ст. 275): «Кредитор *требует долга потому, что существует закон* и т. д.». А ведь каждому из нас казалось бы, что кредитор требует долга, потому, что он что либо «дал» или «сделал». Для современного юриста, даже цивилиста, значит, «идея долга» (есть и такая идея!) «выше самого долгового отношения».

Значит, каждое экономическое отношение, насколько оно одновременно и правовое (а не преступное, или просто неправовое, т.-е. с правовой точки зрения, безразличное), имеет три формы: одну конкретную (I) и две абстрактных (II и III). Конечно, происходит взаимное влияние этих форм одной на другую, а в литературе, как мы видим, идет даже борьба о примате одной из них.

Мы признаем *безусловный* и непосредственный *примат* за первой. Она влияет, с одной стороны, уже как факт, а с другой — путем отражения в обоих абстрактных формах. Но его *правовой* характер зависит от последних и влияние последних может оказаться подчас решающим. В теории исторического материализма этот вопрос и выражается в словах «базис и надстройка», но на этом вопросе я уже остановился выше. Здесь я только еще раз подчеркну, что по всему сказанному, первая или конкретная форма правового отношения относится к базису, что, однако, вовсе не означает «об'явить надстройку базисом», а только стремиться правильно истолковать мысль Маркса и Энгельса.

Но мы говорим о *системе отношений*. Это означает, что общественные отношения, чтобы стать правовыми, должны войти и выравняться в единую систему. Эти отношения прежде всего будут противостоять целому ряду, может быть, даже целой системе отношений, которые *уже не* право или *еще не* право. Такие системы, неправые, может быть даже преступные системы, — в переходные моменты вполне обычны, как мы еще увидим. Но пока нам приходится остановиться на одном профессорском возражении по поводу слова «система». «Трудно догадаться, какой смысл вкладывает тов. Стучка в это понятие. Мы надеемся, что под этим он не разумеет *пресловутого единства права,* которое является *господствующим предрассудком среди буржуазной юриспруденции*». (Рейснер). Не легко, повидимому, моему оппоненту разобраться, что является буржуазным предрассудком и что правильным научным взглядом. Вместо того, чтобы об'явить психологическую школу права буржуазным предрассудком, он об'являет таковым мысль, которую отстаивали и Маркс, и Энгельс. Цитату из Маркса («Нищета философии») я уже привел в I главе, здесь я ссылаюсь на Ф. Энгельса. В письме от 27 октября 1890 г. (см. Адоратский, «Программа и т. д.», 49) пишет Энгельс: «В современном государстве право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть его выражением, которое, благодаря внутренним противоречиям, *не било бы самого себя по лицу*».

В системе конкретных отношений это единство, эта система проявляется отчасти в силу хода экономического развития, отчасти же путем давления власти господствующего в данное время класса (не только законом, но и всем прочим аппаратом). Но и абстрактная форма (II), путем кодификации, раз'яснений и т. д., проявляет тенденцию к выравнению себя в особую единую систему. И не даром Маркс в своей «Критике» (см. Введение) пишет, что «самым трудным вопросом исследования является тот, как *производственные отношения, в качестве правовых,* начинают неодинаковый путь развития, напр., отношение римского частного права и современное производство». Наконец, такую же цельную систему принимает и «интуитивная» форма, идеология. И, после образования этих трех систем, одна на другую влияют уже целые систе-

мы [1]). «В *идее* оба вида права (действительное и формальное) стремятся к полному и совершенному совпадению». Только в «идее», и этого достаточно для буржуазной науки. Провести единство в жизнь революционным порядком, — таков лозунг пролетариата.

В каждой из этих систем воля играет роль, но ни в одном не как свободная и свободно определяющая воля. В конкретном отношении классовый характер вытекает уже из самого распределения средств производства, а соответственного тому — распределения и людей в их взаимоотношениях. Второй системе (закону) этот классовый характер придает государственная власть класса. В третьем — идеология, сознание класса. Но во всех, особенно в двух последних, «мертвое держит живое». В каждой из трех форм происходит борьба с чуждыми им системами интересов, угрожающими иногда их победить. Это и есть классовая борьба.

Чрезвычайно интересно проследить развитие систем этих трех форм отношений исторически по той же схеме, как и историю самих общественных отношений (в главе II). Для этого у меня здесь не хватает места. Я дам лишь краткий и неполный обзор, рискуя допустить целый ряд ошибок, но тут важны не подробности, но цельная картина [2]).

Средние века — феодализм. Это — цельная конкретная система; можно было бы говорить даже о целом ряде феодальных систем; система выдержанная и вполне конкретная. Абстрактная форма (II), т.-е. закон мало развит, хотя имеются уже известные, но разрозненные законодательные системы.

Абстрактная форма (III) — особая идеология феодальная в этот период почти отсутствует, если не считать церковного истолкования древних теорий и сознания своего кулака. Но рядом с феодальной системой развивается *новая конкретная система*, пока *нелегально*. Это городской капитализм. Его форма II — заимствованное римское право, а форма III — естественное право и философия (см. дальше VIII главу). С ростом власти класса капиталистов государство идет на уступки. Вследствие равновесия власти двух классов, государственная власть защищает интерес то одного, то другого из борющихся классов, то нарушает интересы обоих, что приводит к революции. У буржуазии имеются к моменту революции уже готово сложившиеся конкретная и обе абстрактные формы. Революция передает государственную власть в руки буржуазии, превращая ее конкретную форму (пока полулегальную или терпимую) в преобладающую, т.-е. господствующую. Абстрактная форма III (идеология) превращается в форму II (закон) и совпадает с нею. Имеется сильная тенденция к совпадению с формою I, каковой процесс идет постепенно, по мере победы капитализма, вытес-

---

[1]) В следующей главе мы это увидим на примере рецепции, заимствования римского права, как целой новой системы.

[2]) Подробнее это мною проделано в вышедшем в печати докладе, „Классовое государство и гражданское право". Издание Соц. Академии 1924 года.

няющего все остальные производственные системы и даже единичные отношения. Гораздо медленнее этот процесс шел в остальной, кроме Англии и Франции, Европе, где он продолжался еще после 40-х годов. Но особенно интересная картина получается в России, где при известном равновесии классов, буржуазная революция продолжалась сто лет, где старому десятому тому свода законов суждено было принять вид гражданского кодекса параллельно с феодальною системою, и где как раз «интуитивное» право, чистая идеология права получили свое теоретическое выражение в трудах кадетского профессора Петражицкого.

Период *буржуазного права,* чисто капиталистического общества. Безусловное стремление его конкретной формы, капитализма, стать всеоб'емлющею, но этому строю внутренне свойственны дуализм, лицемерие. Буржуазия во имя народа захватила власть, об'явила свое естественное право в идее — положительным и идеальным правом всего человечества. Декларация прав и человека — Code civil. Это *формальное осуществление* всего *капитализма* в целом. Буржуазия сначала сама не сознавала, а потом сознательно скрывает, что ее право лишь право классовое. Вот почему в этой эпохе, как ни странно, после победы буржуазии конкретная форма все более и более расходится с абстрактною.

Но — пролетариат? Что он не может до революции создавать своих *пролетарских* общественных отношений в конкретной форме, нечего доказывать. Ведь это предполагало бы отмену частной собственности на средства производства. И глубоко неправы те «левые» юристы, которые доказывают, что победы пролетариата, на почве рабочего законодательства, а равно в области союзов и обществ, являются якобы «кусочком социализма». Победы остаются победами; они дают новые силы пролетариату, но это не есть часть социализма, как не есть часть социализма и государственный капитализм (или, как его даже называли, государственный социализм) при *государственной власти* класса *капиталистов*. Революционное завоевание, 8-ми часовой рабочий день отменяется, как только он перестает быть «экономным», выгодным для капитализма, вследствие невозможности перейти к новой революции в средствах производства [1]). Производится *денационализация,* как только угрожает стать у власти хотя бы умеренная часть рабочего класса в лице его социалистов — вождей.

Не создается, конечно — и еще в меньшей степени — абстрактная форма II, закон. А идеология, — форма III? И для ее выработки нет данных до победы революции, хотя бы в одной стране. Напротив, ее вожди ведут именно в этой области — сознательно или бессознательно — предательскую, примиренческую линию. Мы еще подробнее увидим перлы этой идеологии. И эта идеология тянет назад даже после победы пролетариата, как, например, у нас.

Весьма сложны общественные отношения после октября

[1]) Ср. экономическое наступление Форда.

1917 г. в России. Частная собственность на средства производства отменяется на деле. В производстве нет, или почти нет, частного капитализма, если не считать крестьянства. Но очень мало имеется производства и в новой форме, спят производительные силы. В сфере обмена попытка полной национализации проходит неудачно; существует рядом громадная *спекулянтская система,* хотя по праву и преступная, но на деле организованная и чрезвычайно сильная. В идеологии властвует буржуазное «интуитивное» или «естественное» право и над умами пролетариата. Из-под этого ига он лишь медленно освобождается не столько благодаря, сколько вопреки воле своей «юридической» мысли. Эта опасность не сознается, пока экономическое отступление не окрыляет слишком идеологии «третьего сословия» и не доводит до взрыва революционного элемента. С 1922 года начинается определенная и все усиливающаяся борьба и на этом фронте.

Для всех ясно, что в случае, если бы классовое сознание рабочего класса еще до революции получило революционное содержание, эта борьба «за право» началась бы раньше и более планомерно. Ибо если было время, когда марксистам, напр., в борьбе против народников, приходилось остаивать особенно экономическую сторону теории исторического материализма, то наоборот, особенно теперь надо предостерегать от чистого или одностороннего экономизма. Мы сплошь и рядом наблюдаем, как молодежь, увлекающаяся экономическим учением Маркса и, в то же время, ведущая чрезвычайно напряженную классовую борьбу на гражданском фронте во имя революции, в своем сознании, в голове не об'единяет органически этой технически раз'единенной, по единой теории об экономическом развитии и классовой борьбе.

В настоящее время не мало бывших марксистов находится в рядах буржуазии. Начиная с 1917 года, вслед за Каутским, борьбу против коммунизма ведет вся передовая буржуазия во имя — экономической теории Маркса. Струве, Петражицкие, Новгородцевы «верно излагают» экономическую теорию Маркса, но в доказательство того, что в России (или даже в Германии) революция не созрела. Что же это доказывает? Это доказывает, что до буржуазной революции экономическое учение Маркса совпадало с интересами буржуазии, и что, следовательно, *чистый экономизм* есть теория буржуазной революции. Но когда ныне повторяют те же теории перед коммунистами и пытаются в теории *революцию заменить эволюцией,* то это, по крайней мере, анти-революционно. Вот почему очень осторожно следует относиться к фразам в роде: «Центр тяжести правовой регламентации лежит в охране, *защите сложившихся ранее* общественных отношений» (т.-е., обычаев? П. Ст.), почему самым характерным явлением надо считать «отставание права от жизни». Отсюда близко к выводу: «*Коллективная и индивидуальная* собственность представляют собой *лишь крайние полюсы развития* относящихся сюда правовых институтов, между которыми существует целый ряд промежуточных сту-

пеней» [1]). Значит — эволюция, а не революция. Против таких взглядов мы должны протестовать во имя революционного марксизма.

Если мы право понимаем, как систему общественных отношений, поддерживаемую властью класса, то с падением этой власти падает и правовая система. Частная собственность превращается в классовую, т.-е., *разделяется* между всем победившим классом, напр., крестьянством, или *национализируется*, переходит в собственность государства победившего класса, т.-е., «организованного в государство класса». Дальнейшее зависит от дальнейшего хода классовой борьбы: удастся ли удержать власть, удастся ли наладить производство в национализированных средствах производства, справится ли победивший класс с вопросом распределения и т. д.. Во всяком случае скачек, т.-е. революция, на лицо. Поражение победившего класса было бы скачком назад, т.-е. контрреволюцией. Буржуазные, примиренческие теории просто отрицают нашу революцию, вообще пишут о том, «что из нашего права *останется* после временного хаоса». Это другая, диаметрально противоположная нашей, теория, с которою примирения нет.

Мы основываем свою революционную теорию на том, что не только хозяйственное развитие идет скачками, т.-е. путем революции, а не эволюции, но и право. Конечно, такой скачек возможен только при «созревшей революции». Но несозревшая революция не побеждает, а если и победила бы, то также быстро провалилась бы. Другого мерила или аттестата зрелости для революции не существует.

Итак, мы видели, как сложны правовые отношения в их тройственной форме. Но я полагаю, что все сказанное и дает нам возможность вполне об'ективно решить вопрос, где искать об'ективного элемента права, именно — в конкретных отношениях, а не в их прямом или косвенном отражениях. Я беру наугад из русской литературы ученого прошлого столетия, проф. Коркунова («Лекция по теории права») и читаю (стр. 348): «Если за основу изучения прав принять не нормы юридические..., а *юридические отношения*, то *получаются более прочные и устойчивые выводы*... Поэтому для построения системы необходимо обратиться к изучению юридических отношений. Только изучение юридических отношений, а не толкование отдельных законодательных постановлений дает обобщенное и систематическое значение права, знание научное». Так рассуждал ученый, по политическим взглядам, реакционного направления, но старого времени. Сравните с ним слова «современного» ученого кадетского типа, Петражицкого: «Интроспективный метод, простое и экспериментальное *самопознание*, является не только *единственным* средством наблюдения *и непосредственного* и достоверного *познания и изучения правовых*

---

[1]) См. Я. Берман, „Экономия и гражданское право“ в „Записках Ком. Университета имени Свердлова“, № 1—1923 года.

явлений, но и таким средством, без *которого* вообще исключена *всякая возможность какого бы то ни было познания правовых явлений*». Значит, где искать предмет для изучения права? В системе общественных отношений или в «душе» «нормального», ибо кадетского, филистера? Петражицкий называет свой метод психологическим методом. Хорошо характеризует эту науку т. А. Тимирязев [1]), когда он говорит: «Годы старой экспериментальной работы по методу И. П. Павлова дали неизмеримо больше, чем веками продолжающееся *разглагольствование психологов, опирающихся на лишенные всякой научной почвы самонаблюдения*».

В науке права и вообще в литературе еще недавно, да и поныне, господствовала «идеология». Известно, как Энгельс смотрел на эту так называемую идеологию. Он еще в своем «Анти-Дюринге» писал о «старом излюбленном, идеологическом, или, как его еще зовут, априорном методе познать свойства вещи не по *самой* вещи, но дедуктивным путем их развить из понятия вещи. Сначала выводят из предмета его понятие, а потом поворачивают дело наоборот и оценивают вещь по ее отражению, т.-е. понятию, и т. д.». И на меня нападали, что я исхожу в определении права не от идеологии, но от самой вещи, т.-е. от самих общественных отношений. Мы, понятное дело, не отрицаем ни влияния идеологии, ни традиций и прочих пережитков; иначе мы не боролись бы против подобных идеологий. Но если против Энгельса из «Анти-Дюринга» выдвигают Энгельса-старшего, из его писем 90-х годов, то я позволю себе из того же Адоратского («Программа» и т. д.) процитировать письмо Энгельса от 14 июня 1893 года: «Идеология — это мыслительный процесс, который проделывает так называемый мыслящий человек, хотя и с сознанием, *но с сознанием неправильным. Истинные побудительные силы*, которые приводят его в движение *остаются ему неизвестными*, в противном случае, *это не было бы идеологией*... Человек и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления своих предшественников... Как раз этот *призрак* самостоятельной истории государственных конституций, правовых систем, идеологических представлений в любой образ, — как раз *это и ослепляет большинство людей*». Теперь, когда мы узнали частицу побудительных сил, когда мы пережили величайшую в мире революцию, поздно кормить нас старыми баснями. Но по мере познания побудительных сил отпадает эта идеология (в прежнем смысле). Мы не оставили несожженным ни одного из старых законов; пора нам то же проделать со старой теорией права. Вот почему мы должны звать вперед *к борьбе за новую систему общественных отношений* в интересах рабочего класса, вместо старой, изжитой, побежденной «идеологии».

В начале, значит, конкретная форма общественных отношений более или менее совпадала с абстрактной формой. Через революции, развиваясь диалектически, производственные отношения в конкретной форме далеко разошлись с абстрактной формой.

---

[1]) „За 5 лет“—издательство „Красная Новь“—1922 г.

Наступает последняя революция, пролетарская, и снова приближаются конкретная и абстрактная формы общественных отношений, ибо последняя основывается все более на открытых человечеством законах развития общества. Приближается время действительной, а не фантастической свободы, когда человек себе действительно сможет поставить цели *свободно, ибо — с сознанием необходимости.*

Ф. Энгельс еще в «Анти-Дюринге» говорил, что только Гегель правильно изобразил отношения между свободою и необходимостью. Для Гегеля свобода—это понимание необходимости, ибо «необходимость слепа, пока ее не понимают». Значит, с более верным пониманием побудительных сил наше правосознание (форма III) все более и более сблизится с формою II и I. Полное их совпадение приведет к действительному «государству свободы», ибо «свобода — это наша, основанная на сознании необходимости власть над нами самими и над внешнею природою; и как таковая, она неизбежно является результатом исторического развития». Этот момент совпадает с моментом полного отмирания права, а равно и государства...

У нас было общепринято право рассматривать лишь как контр-революционный, в лучшем случае антиреволюционный элемент, как бы силу инерции, задерживающую всякую революцию. Кто только *в обычае* видит *основной элемент права,* иначе и рассуждать не может. Я не отрицаю значения этой характеристики для классового права свергаемого, отходящего класса. Но в действительности *новое* право возникает *всегда путем революции,* оно является одним из средств организованного проведения всякой революции, а именно: для *переорганизации* общественных отношений в *интересах победившего класса.* Чтобы это доказать, я сел за написание этой книжки и этой цели специально посвятил следующую главу.

6. Право-революция.

«Революция не имеет ничего общего с правовою точкою зрения, с точки зрения права, всякая революция подлежит просто безусловному осуждению» (Иеринг).

В самом деле, революцию еще научные светила редакционной комиссии «угол. уложения» царского режима определяли, как «преступное ниспровержение общественного и государственного строя». И это определение они не изобрели сами: это было результатом вековой работы буржуазной науки права. Поэтому нет ничего более смешного, чем поведение юриста старой (да, пожалуй, и всякой иной) школы в моменты революций.

Свободнее всего держались вожди великой французской революции, как бы ни была велика их любовь к формам древнего Рима

республики. В своей знаменитой речи за смертную казнь Людовика XVI Робеспьер просто и откровенно высказывает мысли, слишком смелые 125 лет позже даже для некоторых «марксистов» в российской революции. «Собрание», сказал Робеспьер [1]), «бессознательно уклонилось далеко в сторону от действительной задачи. Здесь *не место затевать судебный процесс. Людовик — не подсудимый и вы не его судьи.* Вы можете быть только политиками и представителями нации. Вам предстоит не задача подать вердикт за или против этого человека, но только принять определенную меру для спасения отечества, сыграть роль национального провидения. Людовик не может быть судим, он уже осужден, или республика не оправдана. Привлекать к суду Людовика XVI, в какой бы то ни было форме, это значит возвращаться опять к монархическому и конституционному деспотизму, это идея контрреволюционная, ибо она ставит под сомнение революцию. Народы судят не так, как судят судебные палаты. Они не выносят приговоров, они мечут громы и молнии, они не осуждают королей, они повергают их в прах, и это правосудие не уступает судебному».

Как позорно-смешны после этого потуги правительства Львова—Милюкова—Керенского у нас, или Эберта—Шейдемана—Гаазе в Германии, совершая революцию, сохранить юридическую невинность. Так Керенский, после назначения его революционным министром юстиции, изданную им же амнистию предложил сообщить на места—своему товарищу министра, *имеющему мандат от Николая II,* ибо он боялся контр-революционного «правосознания» своих «революционных» прокуроров. Князь Львов является «перед народом», как председатель совета министров по указу Николая II, подписанному им до «добровольного» отречения. А между тем и низвержение Николая II, и назначение врем. правительства Львова—Милюкова—Керенского и К° исходило единственно от фактической власти — Ленинградского исполнительного комитета.

И когда, 9-го ноября 1918 года, после германской революции, от имени берлинского Совета раб. и солдатск. депутатов Эберт явился к вицеканцлеру ф.-Пайеру с сообщением, что он является председателем революционного правительства, будучи в то же время предложен б. канцлером Максом Баденским в государственные канцлеры, то на вопрос фон-Пайера, требует ли он, Эберт, передачи ему власти на основании конституции или по поручению Совета раб. и солд. деп., Эберт ответил ф.-Пайеру словами мудрого дипломата: «В рамках (?) (im Rahmen) имперской (!) конституции», и после краткого совещания вильгельмовский кабинет министров постановил: «Принимая во внимание, что войско отпало (Abfall) заведывание (Wahrnehmung) точнее, заведывание без поручения делами государственного канцлера, передать Эберту — при условии (Vorbehaltlich), что им получено будет *законное со-*

---

[1]) См. Bibliothek politischer Reden, ч. I, München 1891 или Н. Вернова—„Процесс Людовика XVI", Петербург. 1920.

изволение» [1]). Наконец, вспоминается мне из судебного протокола по делу о капповском фарсе весеннего переворота 1920 г. следующее место: «Когда Капп явился к заместителю госуд. канцлера Шифферу, оставленному здесь позорно сбежавшим без боя из Берлина правительства Эберта - Шейдемана, для сдачи власти Каппу, и потребовал от него передачи власти, Шиффер заявил, что он не оставит своего поста заместителя государственного канцлера. Когда Капп заметил: «В таком случае мы воспользуемся силою», а в ответ на эти слова Шиффер сослался на свое «*правовое* положение», то последний получил довольно основательную реплику от присутствовавшего тут же бывшего берлинского президента полиции ф. Ягова: «О каком *праве* вы говорите после 9 ноября 1918. г.?» Шифферу осталось лишь пробормотать: «История покажет, была ли наша революция *правотворческою* (!) или нет (rechtsbildend oder nicht)». «Я сдаюсь только перед силою». И тут же сдал власть согласно имевшейся уже в кармане инструкции.

Тот же буржуазный профессор В. Елинек, который сообщает разговор Эберта, не воздержался от иронической заметки, что Эберт 9 ноября 1918 г. находился в одном отношении в правовом заблуждении, ибо Макс Баденский сам не имел никакого *права* назначить себе преемника. А Николай II, Вильгельм и все остальные «короли в изгнании» с уверенностью могут доказать, что, по гражданским законам всех стран мира, всякое отречение, совершенное по принуждению, — недействительно, за исключением разве только международного «права», где подписи почти всегда даются под давлением непреодолимой силы.

Куда честнее такой верноподданный профессор, как Иеринг, когда он приведенную в начале настоящей главы цитату продолжает [2]): «В само деле, если такой взгляд был бы последним словом науки, то приговор над всякою революциею был бы уже готов..., но в известных случаях *сила приносит в жертву право* и спасает жизнь..., а приговор истории остается окончательным и решающим». В конце-концов, конечно, и эти рассуждения Иеринга, как бы ни звучали они революционно, представляют в данном случае из себя только пустую фразеологию.

---

[1]) Сообщено у В. Елинека-сына в Jahrbuch d.öff. Rechts, IX, 1918, при чем Елинек ехидно, со ссылкою, как на источник, на письмо Гаусмана, прибавляет: „после чего Эберт и Шейдеман отсюда отправились в буфет рейхстага закусить (zum Imbiss).

[2]) „Jhering Zweck im Recht". Интересно, что это право на революцию во время войны 1914 г. ученые выдвинули впервые в области международного права. Так, И. Эльцбахер („Totes und lebendes Völkerrcht") исходит из той точки зревия, что в области международного права допустима „революция", т.-е. внезапное об'явление этого права не имеющим силы. И только скрепя сердце этому пылкому революционеру-империалисту возражает не менее патриотический профессор Лабанд, что и такая революция недопустима: „pacta sunt servanda", но возможны „раз'яснения" этих договоров

Но, скажут, Робеспьер в той же речи красноречиво сослался на слова «общественного договора»: «Если нация видит себя вынужденною прибегнуть к *праву восстания*, то она по отношению к тирану возвращается в естественное состояние». Такие красивые фразы ныне, после 125 лет «буржуазных свобод», даже во Франции звучали бы детски-наивно. Но что сказать о наших ленинградских и берлинских буржуазных революционерах, если их естественное право получается из кадетских или либеральных мастерских вроде Петражицкого или Штаммлера, которые, играя в шапку-невидимку или в политику страуса, просто об'являют, что закон, не соответствующий их внутреннему естественному, все равно «правильному» или «интуитивному» праву, — «социально не существует», является одною лишь иллюзиею»?

Во всяком случае то, что было великолепным и тогда, может быть, и убедительным жестом, когда в 1776 г. в С. Америке или в 1789 и 1793 г в Париже восставшие народы провозглашали свое *неот'емлемое право на революцию,* теперь потеряло и блеск, и веру. И на этой почве создается ныне лишь красноречивая, но бессодержательная игра слов в виде «победы бесправой силы над бессильным правом» и т. д. Но за то не только до самой революции 1917 г., но и поныне пышно процветает направление «юридического социализма», отделяющего *социальную* от политической революции и доказывающего, что социальная революция является простым «правовым процессом». «Править — силою», а «грабить — только по закону».

Наиболее видным представителем этого «юристского социализма» в буржуазной науке был венский профессор Антор Менгер, пользующийся большою славою, как социалист среди юристов, а как юрист — среди социалистов. И, действительно, все социалисты, занявшиеся правовыми вопросами, более или менее шли по его стопам. Но если Менгер, как буржуазный профессор, всетаки играл крупную роль и заслуживает серьезного внимания, то совершенно бесцветны его социалистические последователи, смелые теории которых без исключения (напр., и статьи Жореса, и труды б. австрийского рейхсканцлера Реннера-Карнера) сводятся к осмеянному еще Энгельсом „frisch-fromm-fröhlich-freie Hineinwachsen des alten Staates in die Sozialistische Gesellschaft" (к беззаботному врастанию старого государства в социалистическое общество). Энгельс, повидимому, сразу оценил всю опасность этого направления для пролетарской революции [1]), ибо по поводу

---

1) „Некоторые из них идут так далеко, что утверждают:" социализм обязательно будет правовым социализмом или его совсем не будет" (Эдуард Ласкин —„Развитие юридического социализма", в „Архиве" Грюнберга III) Андлер называет социалистическими те учения, которые рассчитывают достигнуть устранения нищеты (d. Elends) при помощи реформы права. Против таких крайне оппортунистических взглядов социалистов возражал даже сам профессор А. Менгер: „Однако, этот взгляд, что право представляет собою медленное, постепенное развитие (allmählige Entwickelung) опровергается теми радикальными переворотами, к каким привели ре-

чуть ли не первой работы Менгера написал в «Neue Zeit» в 1887 г. (вместе с Каутским) редакционную статью против «Juristen Sozialismus»: «Еще в XVII столетии религиозное мировоззрение теряет свое господствующее положение, меньше чем 50 л. спустя во Франции без всяких прикрас выступает новое, *юридическое*, которому суждено сделаться *классическим мировоззрением для буржуазного общества.* Оно представляет собою превращение богословского мировоззрения в светское. Место догмы, божественного права заняло право человека, место церкви—государство [1])». И после этой критики Энгельса Менгер продолжает выражать просто недоумение, почему-де Маркс так враждебно настроен против юристов, и старается об'яснить его вражду к юриспруденции из того обстоятельства, что он ее слушал в университете — по принуждению отца.

Собственно говоря, только простою разновидностью этого «юристен-социализма» является так называемый социальный «демократизм» в своей современной форме, как *мирный способ* социальной революции [2]). Он дает дальше и рассчитывает даже *политическую власть* завоевать простым голосованием. Но к этому вопросу нам придется вернуться в общем учении о государстве

Что иное, в самом деле, могла дать «наука права» в вопросе о революции, не став смело и откровенно на классовую точку зрения? Как она могла себе иначе об'яснить этот об'ективный дуализм между действующим «положительным» правом класса угнетателей и «революционным отрицательным» сознанием класса, ныне угнетенного? Только став на революционно-классовую точку зрения, мы и здесь становимся на реальную, об'ективную почву по отношению к будущему праву, т.-е. к той справедливости, которою в былые времена занимались учителя философии права. Но лишь при этих условиях у нас открываются глаза на самую суть *всякого нового* права, как *фактора революционного*. Ибо, не взи-

цепция, усвоение римского права к исходу средних веков и перенесение английских конституционных порядков, а равно французских гражданского, уголовного, процессуального и административного права в истекшем (т.-е. XIX) столетии" (А —Menger. Die neue Staatslehre, 1902).

---

1) Один из новейших французских „юристов-социалистов" Леви так и пишет: „ Правовое убеждение создает *право*, которое таким образом состоит *в родстве с религиею*, благодаря *социальной вере*, составляющей его базис".

2) Как известно, Менгер выработал целую систему „совершенного национального (volkstümlicher Arbeitsstaat)." т.-е. „социалистического государства". Я здесь приведу для его характеристики лишь одно место: „Если пролетариат, что весьма вероятно для германских народов,—при введении национального трудового государства, выразит свое согласие на сохранение монархии. то это могло бы случиться лишь на известных условиях: самым важным во всяком случае было бы условие, чтобы неимущим классам *при дворе*, в войсках и чиновничестве была отведена решающая роль". Не отсюда ли идея Каутского в его работе, доказывающей, что диктатура пролетариата в России в действительности—аристократия рабочих, т.-е., так сказать, „рабочее дворянство"?

рая на все наши внутренние антипатии против института частной собственности, несмотря на нашу непримиримую борьбу против класса капиталистов, а еще в большей степени феодалов-землевладельцев, мы должны же признать, что перевороты, установившие частную собственность вообще и феодальную и капиталистическую — в частности, были исторически необходимыми революциями [1]). Исходя, наконец, из нашего взгляда на классовую борьбу, по которому класс капиталистов при всей своей непримиримости все-таки заинтересован в существовании пролетариата и даже *не может желать его* полного уничтожения, а пролетариат, со своей стороны, открыто ведет и должен вести свою борьбу к полному уничтожению класса капиталистов и землевладельцев, мы поймем и самый характер буржуазного права, как института внутреннего *дуализма, лицемерия, иллюзий и недоговоренности*. И только при таких условиях мы вообще сможем говорить о праве, как о науке. А это необходимо в виду той громадной роли, какая принадлежит праву *во все переходные эпохи,* как «локомотиву истории». Тут мы действительно видим моментами совпадение самого процесса развития с процессом правовым, но отнюдь не в том примирительном, а в положительно революционном (или временно, наоборот, контр-революционном) смысле. В такие моменты и в таком смысле мы можем говорить *о Праве-Революции*.

Было бы, конечно, крайне легкомысленно принять на веру все легенды и гипотезы насчет того, как в старину мудрые законодатели, сами ли или со слов покровительствующего им бога, изложили в законах идеальный строй для своего народа. Напротив, даже все не поддающиеся полной проверке предания о том, как издавались законы, напр., 12 таблиц в Риме, 10 заповедей Моисея и т. д., издание их связывают с предшествовавшими или сопровождавшими их народными смутами или переворотами в государстве, при чем всюду и всякий раз придается особая торжественность появлению нового права с ссылкою на сверх'естественное или, по крайней мере, иностранное происхождение. И всегда одно было бесспорно: это каждый раз был *новый* правопорядок, отнюдь не доброй волею всех и не единогласно всеми признаваемый, ибо то, что само собою разумеется, вообще не записывали, а если и исполняли, то просто инстинктивно или по «вошедшему в пословицу», или принявшему форму веры или суеверия обычаю.

«Психолог» среди новейших юристов Петражицкий, выступая против того единственно реального, что осталось у буржуазной науки права, а именно, против юридических отношений, как взаимоотношений людей, ставит юристам, как неразрешимую задачу, об'единение понятия «*юридического факта*» с понятием «*юридического отношения*». Не нам, конечно, защищать «сословие за-

---

[1]) Энгельс (в „Анти-Дюринге". 180) пишет: „Нам никогда не следует забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своею предпосылкою состояние, в котором рабство было столь же необходимо, как и общепризнано".

щитников», юристов, но путается в понятиях сам профессор. У нас может быть речь не о юридическом факте, но только о превращении *социального* факта, известного общественного отношения *в юридическое* отношение, т.-е. *в право*. Сам Петражицкий приводит красноречивые примеры, как фактическое брачное сожитие *в течение года*, по римскому праву, превращается в законный брак, как фактическое владение в течение известного времени становится собственностью и т. д., т.-е., как социальный факт, при известных количественных отношениях, превращается в право. Что это иное, если не то же самое старое наблюдение, сделанное еще Гегелем, что количественные изменения, постепенно накопляясь, приводят, наконец, к изменениям качества, и что эти изменения качества представляют собою моменты скачков, перерывов постепенности?

И эту мысль в применении к праву К. Маркс в I т. своего «Капитала» [1]) блестяще иллюстрирует на рабочем законодательстве. Он показывает, как единичные попытки провести в жизнь сокращение рабочего дня создают почву для превращения этого факта в право, распростаняя его в законодательном порядке на одно производство за другим, отмечая, как особенно революционную меру, проведение такового на всю промышленность данной страны (на материке) вообще [2]). «История регулирования рабочего дня... наглядно доказывает, что изолированный рабочий... на известной ступени созревания капиталистического производства не в состоянии оказать какое бы то ни было сопротивление. Поэтому *установление нормального рабочего дня* является продуктом продолжительной, более или менее скрытой *гражданской войны* между классом капиталистов и рабочим классом... Борьба разгорается впервые на родине ее (т.-е. современной промышленности), в Англии. Английские фабричные рабочие были передовыми борцами не только английского, но и всего современного рабочего класса; точно так же, как их теоретики, первые бросили вызов теории капитала... Приходится признать, что наш рабочий выходит из процесса производства иным, чем вступил в него... На место пышного каталога «неотчуждаемых прав человека» выступает скромная «великая хартия» ограничения законом рабочего дня, которая, наконец, выясняет, когда оканчивается время, которое принадлежит ему самому. И какая громадная от этого перемена». А дальше: «Фабричное законодательство — это первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй процесса его производства, представляет, как мы видели, столь же необходимый продукт крупной промышленности, как

---

[1]) См. „Капитал". I т., перевод И. Степанова, стр. 284 и след.

[2]) Маркс отмечает, как и почему в этой борьбе рабочие получают поддержку со стороны прогрессивной части класса капиталистов. „Экономия" высокой заработной платы и сокращения рабочего дня *не противоречили* интересу класса капиталистов в целом.

хлопчатобумажная пряжа, сельфакторы и электрический телеграф».

Перенеся эти выводы в другую революционную обстановку, нам ныне несимпатичную, но столь же необходимую, напр., в эпоху нарождения частной собственности на землю, мы найдем и там полнейшую аналогию, ибо мы увидим, что правовые нормы и там имеют также *революционное значение,* только в другом направлении, чем рабочее законодательство.

Но это еще не все. Просматривая всю историю права с его древнейших проявлений до настоящего времени, вы приходим к выводу, что первою основною революциею в экономической жизни человечества, по нашим данным, является переход от первобытного коммунизма к частной собственности, как средству эксплоатации человека человеком. В дальнейшем мы видим целый ряд революционных переворотов, в результате коих меняется класс эксплоататоров, форма эксплоатации человека человеком, но сама эксплоатация остается. Совершенно естественно, что право, в котором выражается основной переворот от состояния коммунизма к состоянию эксплоатации человека человеком, а также право, хотя бы и временное, имеющее своею целью полную отмену всякой эксплоатации вообще, весьма существенно различны от разных правсизменений, меняющих только способ и форму эксплоатации. Непониманием этого основного положения грешит (безразлично, сознательно ли или бессознательно) всякое известное нам правопонимание, за исключением лишь Маркса и Энгельса. Задача моего краткого очерка в том и заключается: вскрыть в главных чертах это глубокое различие. И, мне кажется, достаточно будет беглого обзора развития права в нашем смысле слова, чтобы убедиться в его условно- революционном характере и чтобы разобраться в тех, сложнейших на первый взгляд, явлениях, пред которыми беспомощно или непростительно равнодушно до сих пор останавливались как буржуазная наука, так и революционная критика.

Мы оставляем в стороне все прочие зачатки права древнего мира и сразу обращаемся к древнему Риму [1]), этому первоисточнику образцов права современного буржуазного общества. И тут мы в первую голову выслушаем крупнейшего буржуазного автори-

[1]) Только что полученная мною работа А. А. Тюменева („Очерки экон. и соц. истории древнейшей Греции“, т. I, „Революция“. П. Б., 1920) целиком подтверждает наш взгляд и на законодательство Солона: „Солон меньше всего может быть признан теоретиком задавшимся целью создать идеальный общественный и политический строй. Это был именно политик-практик, определенно действовавший в интересах своего класса. Поэтому и деятельность его должна оцениваться, прежде всего, с точки зрения удовлетворения *интересов этого класса*“. Его первою мерою было — *сложение* долгов, т.-е. уничтожение кабальных (крепостных) отношений. В гражданском праве, его целью было создать законы, отвечающие новым имущественным отношениям (разложению родовой собственности) и предоставление более свободы личной инициативе и *личному распоряжению* имуществом“ и т. д. (стр. 67 и сл.).

тета, уже упоминавшегося германского профессора Иеринга. Это, пожалуй, самая яркая фигура среди юристов прошлого столетия, по крайней мере, в области римского права. Определенный консерватор в политике, юрист, по существу стоящий на точке зрения класса буржуазии, блестящий стилист и в то же время путанник в философии, он поднял целую революцию в науке права, может быть, своею непривычною для юриста откровенностью. Он, конечно, противник анархии, значит, казалось бы, *и революции*. Но — нет, для него революция не синоним анархии, ибо он понимает «революцию, как отрицание не всякого, а только существующего порядка».

Он стоит на точке зрения учения Дарвина и прибавляет, что его исследования по истории римского права во всем подтвердили выводы этого учения, но он в то же время под учение Дарвина и под римское право подводит, как необходимую предпосылку, мысль религиозную о боге[1]). Он бесподобно рисует ход возникновения права в процессе борьбы, пользуясь легендами о древней истории Рима, сопоставленными с данными, проверенными на основании богатого юридического материала. «Это разбойники и авантюристы, изгнаннные из собственной среды, исключительно опираясь на кулак и меч, внесли первоначальный *порядок* в древнем Риме». «Человеческий пот и человеческая кровь, *запах которых окружает генезис всякого права,* обыкновенно прикрывают ореолом божественного происхождения. Иначе дело обстоит в Риме. Следы пота и крови, свойственные ему (т.-е. праву), здесь не удалось уничтожить никакому времени». («Дух римского права»). А в своей работе «Борьба за право» он пишет: «Высшей степени напряжения борьба достигает тогда, когда интересы приняли форму *приобретенного* права. Здесь одна против другой стояли две партии, из которых каждая становится под священное знамя права: одно историческое право, право прошлого, другое — вновь нарождающееся, обновляющееся право человечества на бытие. Право это—Сатурн, пожирающий своих собственных детей»... «Крушение старых юридических норм и нарождение новых стоит человечеству нередко целых потоков крови».

Отбросьте фразеологию о священном праве и вставьте вместо него *борьбу двух классов* за свой жизненный интерес в области производства своей материальной жизни, картина останется достаточно яркая. А, конечно, не менее ожесточенная борьба велась при *первом нарождении нового права вообще* вместо первобытного коммунизма, как доправового состояния. Говорить про эту эпоху, что в ней «регулирующею силою был обычай, т.-е. также вид правовой нормы», значит только перенести на былые времена чужие им взгляды современного буржуа, для которого жизнь без

---

[1]) „По моему мнению, с установлением закона причинной связи вполне согласуется допущение цели, поставленной богом, т.-е. существования в мире божественной идеи цели“ (Иеринг, „Цель и право“, 1905).

права, без нормы, т.-е., в конце-концов, без частной собственности, кажется немыслимою.

Первый «свод законов», так наз., 12 таблиц в Риме, был составлен, вернее, кодифицирован не раньше III, а, может быть, даже II столетия до нашего летоисчисления. «Это, по содержанию, право *переходного* времени[1]), jus civile, право граждан-квиритов, действовавшее не раньше IV и V ст.», пишет другой видный авторитет римского права, проф. С. Муромцев. Самый свод до нас не дошел, и лишь из разных цитат позднейших юристов кое-как восстановлены важнейшие части его содержания. Это право еще «дышало началами самоуправства и мести... В учреждениях этого права выражена необыкновенная степень личной энергии и личного могущества. Истец сам зовет и приводит в суд (in jus vocatio), сам тащит в кабалу неисправного должника (manus injectio), или захватывает его вещь (pignoris captio). Собственник сам отыскивает свою вещь (vindicatio); все это дает повод утверждать, что квиритскому праву особенно *свойственна идея господства*». Так в высшей степени образный язык древнего римского права лучше всего выдает историю его возникновения. Учитывая условия военного быта того времени, мы можем согласиться с мнением проф. Гумпловича, «что строгое jus civile, в конце-концов, было только своего рода публичное право (Staatsrecht). Только квириты, как члены *господствующего племени,* члены gens (рода), обладали способностью владеть собственностью (eigentumsfähig)». «Лишь прогресс и победа лично свободных плебеев привели к превращению этого первоначального jus civile в jus gentium, jus naturale» («международное», «естественное право»).

Мы здесь не будем подробнее останавливаться на догадках и шатких сведениях о возникновении этого первоначального права, которые пока никем не проверены и не изучены, с точки зрения диалектического материализма. Одно ясно: в обществе свободных землевладельцев-крестьян с известным местным оборотом появление впервые господствующего класса или племени внесло новый «институт» (учреждение), право, как навязанную силою систему новых общественных отношений. А среди юристов нет двух мнений насчет того, что это первое право явилось именно *результатом революционных сотрясений*. Так, Муромцев (в своей «Ист. римского права», стр. 106) пишет: «Незачем повторять все перипетии (ступени) полустолетней борьбы: достаточно напомнить ее главные черты. Мы встречаемся здесь с процессом *разложения общинного обладания землею путем насильственного захвата* ее *господствующим классом при постоянном, но бесполезном протесте притесненного большинства населения;* мы встречаемся далее с долговыми отношениями, отмеченными бессердечием кредиторов и несправедливостью судебной власти, представители которой, *при-*

---

[1]) „Квиритская собственность по 12 таблицам еще не была настоящею собственностью в смысле позднейшем“, пишет Хвостов („История римского права“).

надлежа к патрициату, держат его руку. Судебные решения стали произвольны и пристрастны. Народные воззрения на должное и недолжное, справедливое и несправедливое, конечно, не изменились, сложившиеся учреждения не искоренились, но чувствовалась непрочность правовых учреждений... Старое право (?) не исчезло, но справедливо могло показаться исчезающим (!), когда сама власть расшатывала его. Угнетенная часть города подняла требование об издании законов и, в конце концов, их получила». Куда бесцветнее характеристика такого беспомощного университетского светила, как И. А. Покровского, который по поводу 12 таблиц находит только слова: «Одним из поводов неудовольствия (!) плебеев против патрициев в первые времена республики была *неясность (!) действующего обычного (?) права».*

Мы не имели бы дела с буржуазными юристами, если бы они сюда не вносили своего излюбленного мотива о *счастии и благоденствии именно угнетенной части населения,* «добившейся» (?) первого римского кодекса. В действительности этого права добился класс, достигший фактического господства, и новый закон ввел лишь социальный факт грабежа и насилия в юридическую норму, т.-е. превратил его в право.

Едва ли я должен еще терять слова, чтобы доказать *революционную* сторону этого первого, не только в Риме, но по своей стройности и выдержанности вообще в мире, *права частной собственности.* Это был революционный акт, которому подобных мало в истории, ибо это был акт, впервые установивший, как *общее правило, отрицание* первобытного *коммунизма* и его замену обществом, основанным на частной собственности. Две тысячи лет господствовало это общество, не оспоренное по существу и менявшее лишь форму, а оставляющее в силе самую сущность этой собственности.

Уже цитированный мною знаток римского права Иеринг («Дух римского права») восторженно восклицает: «И три раза Рим диктовал миру законы: во время могущества единого Рима, в византийский период — через церковь — и, наконец, путем рецепции в Европе».

Здесь лишь пару слов по поводу византийского периода, когда римское право уже в новом изложении (в исправленном, дополненном или, вернее, извращенном виде) сознательно стало применяться к феодальным отношениям. И здесь оно, в руках церкви, в сфере ее светской власти, служит не малым средством для насаждения этого нового института как церковного, так и светского феодализма (см. институт beneficium —десятины). Так, в римском праве накопилось, рядом с изложением прав городского торгового класса, и право сельского рабовладельца, и мы еще увидим, как впоследствии пригодилась та и другая сторона для Западной и центральной Европы.

Я привел из первого революционного акта правотворчества только несколько образцов римского происхождения. Наша древ-

няя и средневековая Русь дает великолепное и не менее картинное дополнение к этому. Место здесь не позволяет широко использовать этот материал, в изобилии имеющийся хотя бы в ценных трудах тов. М. Н. Покровского («Русская история» и «Очерки по истории русской культуры»). Тот же образный язык древних источников русского права дает такое же основание для утверждения, что и здесь, хотя и несколько позже, происходила та же революционная борьба, окончившаяся известным правовым порядком в России, основанным на частной собственности. Конечно, не виноват тов. Покровский, если он повторяет слова старых юридических авторитетов [1]) *о власти обычая* в первобытной общине, как о суровом правопорядке («племя — строгий суд — мог об'явить бойкот, и неподчинившемуся пришлось бы только уйти»). Нет, и в древней Руси обычай имел то же значение чисто технического правила, а род был союзом, из которого некуда было уходить [2]), если не в плен другого рода или в кабалу. Князь же, владевший («володевший») землею, т.-е. получавший дань со своих «подданных», и здесь делал лишь то же самое, что всюду делал первоначальный помещик-«дворянин»: он брал часть продукта чужого труда (обыкновенно, повидимому, прибавочного) натурою, поэтому неправильно ему в этот период приписывать *цели финансовые*. Финансовый характер дань приобрела, повидимому, лишь при расширении феодальной системы путем об'единения княжеств в нечто похожее на современное государство, в котором образовался целый класс людей, «соединяющих землевладение с властью над людьми, живущими на земле данного землевладельца». Между прочим и кабала должника в старой Руси играла почти такую же крупную роль, как в древнем Риме, и власть кредитора над своим «закупом» (должником) была властью над жизнью и смертью его, т.-е. над ним, как рабом. «А кто человека держит в деньгах и того человека судит сам, а окольничные (княжеские чиновники) в то у него не вступают». В общем, все первые княжеские законы, т.-е. первоначальное право, было подтверждением такого же господства, а может быть, в еще большей степени, чем в Риме.

Характер этого первоначального права в Риме или России проявляется весьма ярко. Учащающиеся социальные факты нового порядка обобщаются, т.-е., с одной стороны, распространяются, как *общее* правило, но, с другой стороны, при этом, иногда смягчаются. И вы не найдете более меткой характеристики этого процесса, чем у великого историка (виноват, я должен сказать —

---

[1]) Хотя автор совершенно верно определяет цену исследованиям юристов, когда он по поводу феодализма выражает свое сожаление, что „у нас вопрос первые разработали юристы, а не экономисты“.

[2]) Для этого состояния оставивших (добровольно или принудительно) род у немцев того времени было меткое выражение „Vogelfrei“, „свободен как птица“, могущий свободно летать, но свободный к убиению для любого человека.

сатирика) России Салтыкова-Щедрина в речи «Очищенного» (б. Гадюка): «Пошлем-те-ка мы к варягам ходоков и велим сказать: господа варяги, чем набегом-то нас разорять — разоряйте вплотную; грабьте имущество, жгите города, насилуйте жен, но только чтоб *делалось у нас все это на предбудущее время... по «закону»*. А на вопрос старшины Гостосмысла: «А почему ты, благонамеренный человек Гадюк, полагаешь, что быть ограбленным по закону лучше, нежели без закона»? — тот отвечает кратко: «Как же возможно! По закону или без закона, *по закону — всем ведомо лучше»* («Современная идиллия»).

Проходит более тысячи лет после римского периода, и не появляется нигде нового права, не слышим мы и об издании новых крупных правовых актов. И вдруг—«в XII столетии в г. Болонью начался необыкновенный наплыв молодых людей со всего мира». Это их привлекает сюда местный университет, как *очаг истолкователей римского права,* глассаторов, приобревший большую известность. И это не был единственный такой очаг, откуда началось распространение римского права по всей Европе. Были еще целых 3 таких очага: в Провансе, Равенне и Ломбардии, почти одновременно образовавшиеся в XI столетии. Как об'яснить себе такое возрождение и добровольное «восприятие» правовой системы, казалось бы, уже отжившей свой век? Во всяком случае это не было простым случаем, что интерес к римскому праву и его «рецепции» вдруг и почти одновременно проявился по всей Западной Европе, не исключая даже Англии, и что мертвый Рим действительно мог «третий раз диктовать законы всему миру».

Проф. Виноградов [1]) по этому поводу пишет: «Как могло случиться, что правовая система, сложившаяся в связи с известными историческими условиями, не только пережила эти условия, но и сохранила свою жизнеспособность вплоть до настоящего времени, когда политическая и социальная обстановка совсем изменилась». «Эту историю (т.-е. историю рецепции римского права) можно назвать *историею призрака»*.

Виноградов, назвав очень метко воскресение, казалось бы, умершего римского права воскресением призрака, не сознавал более глубокого смысла этого призрака. Но если Маркс в своем «Коммунистическом Манифесте» мог говорить накануне 1848 г.: «Призрак гуляет по Европе, это призрак коммунизма», то про XI и XII века можно было сказать: призрак гуляет по Европе, — призрак капитализма. Этот призрак (в лице своих предшественников — крепостного права в деревне и торгового капитала в городах) искал себе облачения. И он нашел таковое в статьях римского права. Мы видели, что оно было приспособлено и для города и для деревни, и для феодализма, и для капитализма, было подковано, так сказать, на все четыре ноги.

Тот же Виноградов пишет (в цитированной работе, стр. 24): «XI столетие это было время, знаменующееся многими поворот-

[1]) Проф. Виноградов: „Римское право в средневековой Европе" 1910 г

ными пунктами в истории европейской цивилизации». В качестве таких событий он приводит укрепление папской власти, *кристализацию феодализма* в законченную и последовательную систему, введение новых политических порядков в нормандских государствах, проявление блестящего экономического и культурного прогресса городских коммун Ломбардии... Но если Виноградов только вскользь ссылается на экономический поворот, то любая история экономической жизни XI и XII в.в. характеризует ее, *как переходную эпоху к новому строю.* В деревне это было время перелома экономической системы, эпоха окончательного введения и укрепления *трехпольной* системы землепользования в прямой связи и зависимости от чередующихся голодных годов IX по XII в. [1]). Это была эпоха крестовых походов, первых крупных крестьянских волнений в Европе (во Франции) и т. д., и т. д.

Историк выражается, что рецепция римского права действовала на подобие «потопа» (wie eine Sintflut) [2]). Интересно проверить по работам авторов, писавших о рецепции римского права, какие правовые вопросы тогда особо интересовали умы.

Виноградов, напр., указывает: 1. На вопрос об основном различии между *собственностью и владением землею,* о защите владения [3]). Провладение в течение «срочного года» дает, по римскому праву, право юридической защиты. Что это значит? Это означает учащающиеся *захваты* и, прибавим, *захваты феодалами* общинных земель, частную собственность (beati possidentes— счастлив, кто владеет!)

2. В связи с этим — res judicata, окончательная сила судебного решения (феодального суда).

3. Усиление власти князей («слово князя имеет силу закона»).

4. Введение (в городах) римского *договорного* права.

5. Для деревни — приравнение *крепостного к римскому рабу.*

А Муромцев прибавляет: «Сельское население (введением римского права) было недовольно потому, что учение глоссаторов и комментаторов римского права *усилило права феодального господина* над подвластными, *подстрекало* землевладельцев *к присвоению земли,* увеличило искуственное разрушение общины и размножение частных собственников, *закрепощение* крестьянской

---

[1]) Голод в то время был явлением не исключительным как теперь, а постоянным. Из сопоставления одних только голодовок, постигших Бельгию, Германию, без северно-восточной части, и нынешнюю Австрию, попавших в историю, видно, что в IX ст. записан 21 случай, в XI в.— 25, в том числе 2 общих, в XII в.—38 случаев, в том числе 5 общих голодовок (Дживилегов. „Крестьянское движение на Западе". 1920).

[2]) Jansen. „Geschichte des deutschen Reiches", стр. 478.

[3]) „В древней Германии тогда частная собственность на землю была количественно весьма ограничена; *споры о собственности* происходили *между родами,* деревнями и церковными учреждениями". (Виноградов, цит. соч.).

массы (приравнение их к рабам), а в области наследства внесло вместо наследования жены — боковых родственников».

Кажется, сказанного достаточно, чтобы понять значение римского права, *как лозунга частной собственности* в деревне, а в городах — *свободы договора* вместо цеховых монополий. Другими словами, римское право сыграло опять *революционную* роль. Вот почему и понятен тот громадный интерес молодой, прогрессивной интеллигенции XII века к римскому праву и их стечение в Болонью и прочие очаги римского права. Отсюда они чёрпали те новые принципы, которыми они навели панику, настоящий террор, особенно на деревню.

Крестьяне на этот «революционный» террор юристов ответили небывалою враждою, а местами даже контр-террором. Так, напр., одним из требований восставших германских крестьян было устранение сословия «докторов прав», искоренение трех родов разбойников: «уличных грабителей, купцов и юристов». И это не было случайным требованием, возникшим стихийно во время восстания. Нет, мы читаем, в летописях о целом ряде насилия масс над юристами. «В 1509 г. в Клеве на базаре избили юриста так, что он кричал, как животное (wie ein Vieh), и прогнали». В 1513 г. крестьяне в Вормсе требовали, чтобы в процессах юристы не имели доступа. Резкие названия для юристов, как «живодеры и пиявки», «обманщики и кровопийцы» и т. д., в документах этой эпохи весьма часты. А из Фрейденфельда (в Тургау) летописец сообщает, как шеффены с побоями выбросили в двери юриста, ссылавшегося на (истолкователей римского права) Бартолуса и Бальда со словами: «Мы, крестьяне не спрашиваем ваших Бартелов и Балделов, у нас есть *свои особые обычаи и право*, вон вас отсюда!» N‘aus› mit euch›.

Но мы знаем, что в этой «тяжбе» с крестьянами на поле сражения победили феодалы и их защитники, юристы, которые, впрочем, то же римское право не менее ловко стали применять и против феодалов в процессах их кредиторов. Они под видом рецепции римского права создали право, твердо отстаивающее *частную собственность, как способ эксплоатации*, и как бы незаметным способом ввели господство нового класса. Но, как сословие передовое, «сословие юристов», это олицетворение римского права, с такою же легкостью, как оно в Риме переменило бога латинского на бога христианского, в XVI веке перешло на сторону реформации против католического права, а еще двумя веками позже, стали ярыми противниками всякой религии. «Toujours avec la minorité!», — как говорил Рошфор. «Всегда за власть *меньшинства»!*

Но в эпоху перехода к *феодальной барщине* (вместо первоначальной дани), т.-е. к *трудовой* вместо *натуральной* ренты, частная собственность и захват общинных земель были только одним моментом. Необходима была новая *дисциплина и форма труда*. История показывает, что всякий раз, когда человечество пережи-

вает период от одного способа производства к другому, ***рушится прежняя трудовая дисциплина,*** и что этот переход не является чисто механическим актом завладения положением. Так и переход от состояния «подданного», но свободного землепашца в состояние барщины, а затем крепостничества, принимает особый вид права, обобщающего единичные социальные факты.

Мы читаем в I т. «Капитала» К. Маркса, как в Англии пытались ввести (начиная с XIV в.) законом работу 6 дней в неделю (вместо прежних 4—5 дней) в течение 10 часов (вместо совсем нерегулярного времени), сокращая заработную плату до минимума. (Ведь Томас Мор в своей *утопии* говорит о 6-час. рабочем дне). Это был идеал максимального рабочего дня таких размеров (10 часов), который 400 лет спустя считался *идеалом* минимального рабочего дня[1]). Мы уже знакомы с жалобами XIV, XV и XVI ст.

Характерен восторг лакейской души, немецкого ученого патриота Якова Гримма в его «Источниках права»: «Права и обязанности крестьян XV в. являются великолепным (herrlich) показателем свободного и благородного образа (Art) туземного права». (См. Янзен, «Ист. Герм.» I,—30.). Мы уже видели, что такие слова по отношению к XV веку — сущая ложь, и особенно питание(напр., по сведениям одного автора 1545 г.) было очень бедно: «Пища состояла из ржаного хлеба, овсянки и свареного гороха либо чечевицы; вода или сыворотка — их питье, бязевая одежда, пара лаптей и валяная шляпа; а прав они не имели никаких». Но характерно то, что эти собранные в XV ст. сборники законов всетаки содержат ***нормы, когда-то раньше считавшиеся максимальными.*** И мы узнаем, что когда то в Австрии colonus—крестьянин работал барщины *не более 12 дней* в год, что «пища должна была быть хороша» и крестьяне «кушали мясо ежедневно» и т. д. Но еще более курьезными и напоминающими фантастические рассказы из Америки нам кажутся описания другого историка Бецольда («Geschichte der deutschen Reformation») о том, что в южной Германии на барщинные работы привлекали (erheiterten) музыкою и танцами.[2]) А если в дальнейшем помещики дошли до «лягушечной повинности», т.-е. обязанности крестьян хлопать ночью палками по воде пруда, чтобы лягушки не мешали спать барину, или до «блошинной барщины» (Flohfrohne), т.-е. повинности ежедневной ловли блох в барской кровати, и если мы у Се-

[1]) См. Маркс. „Капитал", I. 252—259, где Маркс излагает в сжатом виде историю этого законодательства в Англии и приводит цитату из мечты писателя XVIII стол. „об идеальном работном доме": „Такой дом должен быть домом ужаса (House of Terror) и в этом доме „террора" работа должна продолжаться по 14 часов в сутки, включая сюда, однако, время еды, так что остается целых 12 часов"! Так писалось еще в 1770 г.

[2]) „На севере Германии первый плательщик аренды (Zins) получал от владельца две пары брюк и лапти, после чего постилали солому пред огнем и велели играть скрипачу, пока он не заснул". (см. Янзена и Бецольда).

мевского про крестьян екатерининской эпохи (см. I, 65) читаем, что «есть помещики, которые *ни одного дня на себя* работать не дают, а давая всем им месячный провиант, употребляют их без из'ятия на господские работы», и что «тщетны были все попытки Панина установить работу не более 4 дней в неделю и т. д.», то понятно, почему крестьяне «снова и снова стали чинить противности», не взирая ни на какие приказы губернаторов, чтобы «противники сходбищ не имели».

Часто в литературе указывалось на эти законы, устанавливающие размеры барщины, как на благотворное *вмешательство власти в пользу* крестьян. Для первого времени, по крайней мере, это *безусловно неверно*. Напротив, это — *первые принудительные меры* для введения новой, хотя бы минимальной, дисциплины труда. А барщина на полях помещика была первою подготовительною стадиею для капиталистического крупного земледелия. Очень метко тов. М. Н. Покровский высказывается по этому поводу словами: «Необходимость суда и полиции и в это время... вытекали из *поддержания* общественной дисциплины», которая «в древние времена основывалась на обычае», т.-е., как я уже указал, на чисто технических правилах общественной организации, а не на системе классового господства, т.-е. права. Конечно, летописец, говоря о том, что судьи были призваны «судить по праву», не подозревал, каков действительно смысл этого права, но, пользуясь выражением Маркса, «то, чего он не знает, он высказывает». Ведь суд был, как мы уже видели, первым «творцом» положительного, классового права.

Так законодательство «революционным» способом распространяло достигнутые результаты закрепощения на все более широкие круги крестьян, пока, наконец, крепостное состояние не оказалось вполне *законным* институтом, а, следовательно, всякие законы, определяющие размеры барщины, стали излишними и, пожалуй, даже *противозаконными*. Эти статьи в пользу крестьян перестали «гласить» (остались «latent»).

Но если не легка была задача *закрепощения* крестьянина к земле и барщине, то не легче было впоследствии его *раскрепощение* и *прикрепление к мануфактуре,* а затем к фабрике: освобождение крестьянина от земли и земли от крестьянина, как основа превращения земельного владения в капиталистическую собственность. Как мы уже видели, эту перемену политическая экономия выражает в двух словах: простое превращение *трудовой и натуральной ренты в денежную*. Но это одно слово человечеству стоило не менее крови и насилия, чем первые два.

Если с птичьего полета оглянуться на всю историю феодального периода, то моментами кажется, что руководящею нитью всей этой системы является постепенное сосредоточение в руках феодализма или его кредитора (т.-е. капитала) всей *земли* и всего *скота* крестьянина, а затем уж раскрепощение самого кре-

стьянина, чтобы его, как птицу, свободного пролетария, выбросить на новое поприще труда. Ярче всего это видно в Англии, где все, что противоречило интересам капитала, просто было сметено: «Сметены были не только жилища и сельские поселения, но и само население». А в каком правовом акте все это выразилось? Многочисленные социальные факты приняли вид невинных на первый взгляд Law of enklosures, закона *об отгораживании* общинной земли, т.-е., защиты этой земли (уже как помещичьей) от потравы скота крестьян и закона о Clearing of estates (очистка имений, это как бы наш «учет»). Но ясно, что без пастбищ у крестьянина, если бы даже уцелела какая-либо частица скота, не осталось больше никакой возможности для его содержания. А там, где прошла очистка имений, не осталось и самого крестьянина. Крестьянин сбежал; овца или, местами, дичь его «с'ели». *А революционные* законы о его изгнании, по лицемерию своему, останутся историческими памятниками для наступающей в это время капиталистической эры.

Но осталась еще задача *общественной перегруппировки*, введения *новой дисциплины труда*. Если, как мы видели, крепостной режим рядом с кнутом местами пользовался и средствами приманки, капиталистический режим знал только «скорпионы». История дисциплинирования первоначального наемного рабочего с исчерпывающею полнотою изложена опять-таки в I т., «Капитала»: «Люди, выгнанные вследствие распущения феодальных дружин и оторванные от земли насильственной экспроприацией, эти свободные, так птицы, пролетарии поглощались развивающейся мануфактурой далеко не с такою быстротою, с какой они появились на свет. С другой стороны, люди, внезапно вырванные из обычной жизненной колеи, не могли столь же внезапно освоиться с дисциплиной новой своей обстановки. Они массами превращались в нищих, разбойников, бродяг, частью добровольно, в большинстве случаев под давлением необходимости. Поэтому в конце XV и в течение всего XVI века во всех странах Западной Европы издаются кровавые законы против бандитизма. Отцы теперешнего рабочего класса были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их насильственно превратили в бродяг и пауперов. Законодательство рассматривало их, как «добровольных» преступников, исходило из того предположения, что при желании они могли бы продолжать трудиться при старых, уже не существующих условиях».

Далее Маркс приводит подробный перечень всех каторжных законов против «нежелавших работать» «бедняков» („Poors" — „Armen", как тогда официально в Англии называли рабочих, а в Германии крестьян), по самое начало XVIII века.

«Деревенское население, насильственно лишенное земли, изгнанное, в широких размерах превращенное в бандитов, старались, опираясь на эти чудовищно террористические законы, приучить к дисциплине наемного труда плетьми, клеймами, пытками».

«Мало того, что условия труда выступают на одном полюсе, как капитал, на другом полюсе, как люди, не имеющие для продажи ничего, кроме своей собственной рабочей силы. Недостаточно также принудить их добровольно продавать себя. С дальнейшим ростом капиталистического производства развивается рабочий класс, который по своему воспитанию, традициям, привычкам признает условия капиталистического способа производства само-очевидными, естественными законами. Организация развитого капиталистического производственного процесса сламывает всякое сопротивление; постоянное создание относительного перенаселения удерживает закон спроса на труд и предложения труда, а, следовательно, и заработную плату в границах, соответствующих потребности капитала в самовозрастании; слепой гнет экономических отношений укрепляет господство капиталистов над рабочими. Внеэкономическое, непосредственное насилие, правда, еще продолжает применяться, но лишь в виде исключения. При обычном ходе дел рабочего можно предоставить власти «естественных законов» производства, т.-е. зависимости от капитала, которая создается самыми условиями производства, ими гарантируется и увековечивается. Иное видим мы в ту историческую эпоху, когда капиталистическое производство только еще возникает. Нарождающейся буржуазии нужна государственная власть, и она действительно применяет государственную власть, чтобы «регулировать» заработную плату, т.-е. принудительно удерживать ее в границах, благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости, чтобы удлинить рабочий день, и, таким образом, удерживать самого рабочего в нормальной зависимости от капитала. В этом существенный момент так называемого первоначального накопления».

Такие же законы Маркс приводит из старейшей капиталистической страны «Нидерландов» (1537, 1614, 1649 и т. д.), из Франции (1777) и т. д.. И после перечисления всех этих невероятных насильственных мер *в интересах новой дисциплины* труда, Маркс приходит к заключению:

«Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии... Но все они пользуются государственною властью, т.-е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы облегчить *процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии.* Насилие является повивальною бабкою всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция».

Таково было *новое капиталистическое право* «гуманнейшего» из всех обществ, буржуазного — в Англии. Английское право вообще более похоже на систему «социальных фактов», казуистически (отдельными судебными прецедентами) превращающуюся в право, т.-е. более сохранило свою первобытную форму образования права, как и в Риме. И до сих пор в Англии нет единого

кодекса или свода законов, а английское право по сие время основывается на решениях «независимого» классового суда [1]).

Иначе образовалось буржуазное право на материке. Великая французская революция во Франции одним ударом опрокинула весь феодальный строй и открыла новую эпоху, эру буржуазного общества в декларации или, вернее, даже в нескольких последовательных (1789 и 1793 г.) декларациях прав человека и гражданина. Последняя статья декларации 1789 г. гласит: «Так как собственность есть право ненарушимое и священное, то никто не может быть его лишен иначе, как в публичных интересах, установленных в законном порядке, в порядке открытого требования и под условием справедливого и предшествующего вознаграждения». А ст. 11 гласит: «Эти (естественные и неписанные) права суть свобода, *собственность, обеспеченность* (surete) и сопротивление угнетению».

Как я уже указал в начале своей работы, гражданское право, или, по нашему взгляду, суть всего права, было изложено в кодексе Наполеона, и квинтэссенция этого кодекса заключалась *в частной собственности* в чисто римском изложении без примеси варварских инородческих обычаев и феодально-канонических наростов византийского периода. Капиталистическая частная собственность характеризуется правом на земельную ренту и на прибыль. А этот принцип выражается в свободе *распоряжения* собственностью и в свободе труда. Первая характеризуется ст. 16 декларации 1793 г. словами: «Право собственности — это право, принадлежащее всякому гражданину *по своему усмотрению* пользоваться и располагать своим имуществом, своими доходами и плодами своего труда и своей промышленности». Вторая, т.-е. свобода труда, — запрещением рабочих коалиций, представляющих собою, по мнению французской буржуазной революции, восстановление цехов. И если взять позднейшие кодексы XIX в., как германское, швейцарское и пр. гражданские уложения, то в определении права частной собственности и в определении свободы труда почти никаких изменений внесено не было.

Хорошо характеризует это явление Антон Менгер: «Великая французская революция только прикрыла неравенство (Missverhältniss), а не устранила его... Она только снова перекрасила цепи, а не сломила их». Она шла дальше, чем какая-либо из европейских революций, и, упраздняя феодализм, землю от феодалов передала крестьянам в революционном порядке, но и в такой же неограниченной форме провела принцип абсолютной частной собственности, как нигде и никогда. И к духу этих законов целиком относится то едко-ироническое слово, которое Linguet, буржуазный писатель XVIII ст., направил против «Духа Законов» Монтескье: «*Дух законов — это собственность*».

---

[1]) См. К. Маркс. „Капитал", I (стр. 237, по нем. изд. Каутского). решения *самих заводчиков* в качестве судей по делам против своих же рабочих.

Удивленно перелистывает все эти кодексы и толстые фолианты юридической практики целых 2000 лет, начиная с 12 таблиц древнего Рима, единственный сколько-нибудь серьезный юридический писатель современного Западно-европейского «марксизма» Карнер (Реннер) и спрашивает: «Как? Нормы остались без изменения, но правовые функции институтов изменились до неузнаваемости!» Мы этот вопрос рассмотрим подробнее в дальнейшем. Случилось то же самое, что с языком. Но не надо забывать, что если общественные отношения и менялись часто до неузнаваемости, то эти отношения всетаки были *однородные,* отношения эксплоатации человека человеком.

Но наступают сумерки капиталистической эры. Еще задолго до того, пожалуй, даже одновременно с буржуазной революцией, начинается обсуждение вопроса, когда и как произойдет «крах» этой эры. Для одних это — утопическая мечта («об экономическом равенстве») неведомого будущего, для других — факт сравнительно ближайшего будущего. Только для последних наш вопрос имеет серьезное значение, для прочих это роман или поэма из 2000 или 3000 года. О «мирном или насильственном революционном движении» мы уже говорили и к этому вопросу еще вернемся. Здесь коснемся только одного вопроса: о способе отмены частной собственности.

Мне нет надобности здесь излагать подробно, как французская революция решила вопрос земельный и как после *фикции* отмены феодальных прав в столь воспетую ночь 4 августа 1789 г.— лишь шесть последовательных великих волн крестьянских восстаний довели до декретов Конвента от 17 июля 1793 г., где одна статья буквально гласит, что все феодальные договоры на землю *должны быть сожжены...* Но крестьяне Франции до того еще *огнем писали свою революцию,* и Конвент лишь приложил печать к *победившему самоуправству* крестьянства. Временно *победил* класс крестьян заодно с буржуазиею, и лишь контр-революция об'единила буржуазию с классом землевладельцев, которому все таки земля крестьян возвращена не была, но было выброшено известное вознаграждение и оставлено капиталистическое право собственности на половину всей земли.

Остальная Европа, хотя и более чем на 50 лет позже, всетаки далеко не так решительно провела свою революцию. Революции XIX ст. не шли дальше ночи на 4 августа 1789 г., т.-е. *выкупа феодальных прав.* Наиболее отсталою, конечно, должна быть признана «революция», или, вернее, «великая реформа» 1861 г., окончившаяся безмерно дорогим выкупом одной лишь доли крестьянского же землевладения в России.

Нет, повидимому, более яркого примера иллюстрации классового характера права, чем именно развитие земельной собственности, превращенной законодательством буржуазного общества в простой безыменный титул на земельную ренту, в форме закладных листов и т. д. бумаг на пред'явителя. Как я уже указал в од-

ной из предыдущих глав, эту тенденцию к «бумаге на пред'явителя» имеет *всякая власть* в буржуазном обществе вообще. Характерным для этого явления обозначением служит сочетание слов: *мобилизация иммобилий,* «превращение в движимость недвижимости». А Маркс еще 50 лет тому назад отметил, как одну из главных заслуг капиталистического способа производства, что он «*довел до абсурда самое понятие земельной собственности*».

Как произойдет экспроприация экспроприаторов? Характерно сопоставить вкратце взгляд на этот вопрос главных представителей двух направлений германского социализма: Маркса и Лассаля.

Лассаль, как известно, написал большой труд в 2 томах по юриспруденции «О системе приобретенных прав», от которого он ждал не только переворота в социальных отношениях людей, но даже в самой науке права: «Мысль нашей темы, по ее содержанию, в самом высоком и общем ее понимании, не что иное, как мысль о вытекающем из самой идеи права и соответствующего ей пересоздания (Hinüberführung) старого правового состояния в новое». «Если бы удалось создать на этот счет *теорию, признанную наукою,* то таковая могла бы чрезвычайно содействовать облегчению работ по преобразованию, — с одной стороны, с другой же стороны, удержать взбунтовавшиеся волны от выступления из берегов». Поэтому он и «ставит себе задачу силою выхватить (Herausringung) основную политически действительную идею, лежавшую в основе всего данного периода». А суть его исследования сводится к той, повторяемой за ним только в более плоской форме всеми «юристен-социалистами», мысли, что «культурно-исторический ход всякого развития права заключается в том, что сфера действия частной собственности суживается и все больше и больше предметов (об'ектов) ставится вне сферы частной собственности».

Что же касается отмены «приобретенных прав», то Лассаль старается *(юридически)* доказать, что а) «ни один закон не должен иметь обратной силы, который затрагивает отдельное лицо лишь при посредстве его волевых актов», но что б) «может иметь обратную силу всякий закон, который затрагивает лицо без посредства такого добровольного акта, который, значит, затрагивает лицо непосредственно в его качествах общечеловеческих и ему обществом порученных, или затрагивает его лишь тем, что он изменяет самое общество по отношению к организованным им, т.-е. обществом, установлениям».

Как вся эта работа Лассаля не достигла цели, ибо не переубедила буржуазной науки права и не оказала также влияния на пролетарское классовое сознание, так и, в частности, его теория приобретенных прав была слишком смела для буржуазии, ибо еще Иеринг, как мы уже видели, говорил, что и логика подчиняется интересу. Но она была слишком половинчата для революционного правосознания и ни великая французская революция, ни тем бо-

лее пролетарская революция таких взглядов не держались и держаться не могут.

Маркс говорит только *об экспроприации,* т.-е. отчуждения экспроприаторов, об «ограблении награбленного». И если Энгельс говорит о вознаграждении крестьян или Маркс о «выкупе у этой банды» ее богатств, то только с точки зрения чисто практической *целесообразности, но не* с точки зрения «священного», неприкосновенного «приобретенного» права.

Когда победила мартовская революция 1917 года, то в России все царское право осталось в силе, и не была тронута даже «частная собственность» свергнутого монарха. (В германской и прочих революциях 1918 г. дошли даже до того, что назначали особые *выкупные суммы* низложенным монархам за отчужденные у них «благоприобретенные права верховенства»). Не было ничего удивительного в том, что так рассуждали кадетские монархисты, как Милюков, или такие их адвокаты, как Керенский. Но таков же был ход мыслей и в головах большинства революционеров, и даже не только предательской части их.

Ярко этот факт обнаружился по незначительному частному случаю. Как известно, дворец балерины Кшесинской, построенный на награбленные у народа Николаем II деньги, в числе других особняков «царской фамилии» был революционным порядком захвачен народом и предоставлен в пользование ПК и ЦК партии большевиков и клуба броневиков. «Владелица» нашла адвоката, который за приличное вознаграждение пред'явил у «демократического» мирового судьи иск о выселении захватчиков и о восстановлении прав «священной собственности». Какой тут мог быть спор о праве? Но в агитационных целях ПК поручил выступить т.т. Козловскому и Богдатьеву в защиту интересов ПК. Мы решили при этом воспользоваться известною речью Маркса пред кельнскими присяжными заседателями:

«Что же понимаете вы, господа, под соблюдением почвы законности? Соблюдение законов, относящихся к отжившей уже общественной эпохе, созданных представителями исчезающих общественных интересов и более не соответствующих всеобщим потребностям. Но общество основывается не на законе, это только выдумка юристов. Напротив, закон основывается на обществе, он должен быть выражением общих интересов и потребностей, вытекающих из данного способа производства, против произвола отдельных лиц. Как только закон более не соответствует общественным отношениям данной эпохи, он превращается в простой клочек бумаги. Вы не можете старые законы положить в основание нового общественного развития; так же мало, как эти старые законы создали прежние условия законности. Старые законы возникли *из прежних отношений и вместе с ними они должны и погибнуть».*

«Соблюдение почвы законности стремится превратить в господствующие такие сепаратные интересы, которые более не го-

сподствуют, оно стремится навязать обществу законы, уже осужденные к гибели, как вследствие условий жизни данного общества, так и способа его существования, обмена и материального производства... Оно ежеминутно вступает в противоречие с существующими потребностями, оно задерживает развитие обмена и промышленности, оно подготовляет *общественные кризисы, обнаруживающиеся именно в политических революциях*. Таков истинный смысл привязанности к почве законности и отстаивания этой почвы». «Эта фраза основывается на сознательном обмане или на бессознательном самообольщении»...

Что же касается суда над свергнутою властью, то Маркс там же говорит: «Совершивший удачно революцию может повесить своих противников, а не судить их. Возможно устранить их, как побежденных врагов, но нельзя судить их как простых преступников. После совершившейся революции или контр-революции нельзя применять упраздненные законы против сторонников этих законов. Это было бы *малодушным лицемерием*».

Нет надобности терять слов о том, что процесс был безнадежно проигран юридически «в революционном суде» (а дворец у ПК все-таки остался) и что буржуазная печать всячески поносила за этот процесс тов. Козловского. Но и юристы с.-д. не мало издевались над «анархическими теориями т.т. Стучка и Козловского». Я нарочно принес в Ленинградский Исп. Ком., текст речи Маркса, чтобы оскандалить этих невежд-марксистов.

Все осталось попрежнему и только в тех областях права, в которых народ сам уже фактически захватным, или, как выражались наши горе-революционеры, анархическим порядком создал свои революционные учреждения, как, напр., местные самоуправления,—в целях суживания этих прав, т.-е. в целях явно контрреволюционных — издавались новые законы. А когда крестьяне приступили к захватному способу уничтожения частной собственности помещиков, т.-е. просто подняли восстание, то с.-р. и с.-д.-меньшевики, как министры внутренних дел, для *подавления подобной анархии* посылали вооруженную силу.

Так наступила *октябрьская революция*. Власть оказалась в руках *рабочего класса* и крестьянства, идущего с ним, и в первый же день советами была отменена частная собственность на землю. Но в той области, где социальная революция была подготовлена лучше всего, т.-е. в крупных производствах *промышленности, национализация шла лишь постепенно*. Конечно, Советская власть *не могла оставить в силе ни одного дня прежние законы в их совокупности*. Но даже и наиболее сознательные товарищи или вовсе не думали о таких «контр-революционных» вопросах, как юридические, или, что еще хуже, на область права смотрели, как на своего рода «табу». И когда мы внесли проект об упразднении старого суда, который все еще продолжал судить по указу времен правительства и по царским законам, то нам эти товарищи возражали, что нельзя же создать новый суд раньше, чем

издать законы, по которым им судить. Напрасно мы указали, что Code civil во Франции был издан лишь в 1804 г., т.-е. чрез 15 лет после начала революции,—потребовалось 2 недели, пока равнодушие товарищей было побеждено, и в Сов. Нар. Ком. (а не в ВЦИК!) прошел декрет (№ 1) о народном суде. Но не думайте, чтобы на этот раз победило марксистское, революционное понимание права. Нет, *оно не могло победить, ибо его не было!* А победила фикция «интуитивного» права Петражицкого [1].

Но в то же время, как в умах революционеров восторжествовало *буржуазное* понимание права, на деле победила *революция!* Историческая формула упразднения буржуазного права в России гласит (декрет о суде, ст. 5): «Местные (т.-е. народные) суды решают дела именем Российской республики и *руководятся* в своих решениях и приговорах *законами свергнутых правительств* лишь *постольку, поскольку таковые не отменены революциею* и *не противоречат революционной совести и революционному правосознанию.* Отмененными считаются все *законы, противоречащие* декретам ЦИК, Советов Раб. Солд. и Кр. Деп. и раб.-крестьянск. правительства, а также программам-минимум р. с.-д. р. партии и партии с.-р.».

Каким-то чутьем мы тогда предугадали тот признак классового господства и интереса, который мы впоследствии положили в основу своего определения права, и благодаря этому мы обезвредили буржуазное понятие правосознания, которое таким путем получило совершенно обратное, конкретное значение. Но не мало посмеивались члены р. с.-д. р. п. и п. с.-р. над последнею частью этой статьи (и в их числе немало нынешних коммунистов). Мне, чтобы облегчить свое положение, пришлось даже спрятаться за спину Владимира Ильича, указывая на то, что эта идея принадлежит ему и им одобрена. Такой авторитет все-таки облегчил наше положение, но мне не нужно было бы вовсе вовлечь имени Ильича в такой сравнительно мелкий спор, если бы у нас тогда уже был какой бы ни было твердый революционный взгляд на право.

Энгельс, напр., пишет: «Этим не сказано, чтобы социалисты отказались от выставления определенных «правовых требований». Активная социалистическая партия без таковых невозможна, как вообще невозможна без них какая бы то ни было политическая партия. Притязания (Ansprüche), вытекающие из интересов данного класса, могут быть осуществлены лишь тем, что этот класс завоевывает политическую власть и для своих притязаний достигает общеобязательной силы в форме законов. *Итак, каждая борющаяся партия должна свои притязания формулировать в своей программе в виде правовых требований»* («Neue Zeit», 1887).

Если хотя бы тот капитальный труд тов. Ленина о государстве, который им был написан во время его июльского заточения, появился раньше революции и товарищи успели раньше

[1] См. ст. А. Луначарского „Революция и суд“ в „Правде,“ № 193—1917, имевшую почти что решающее значение в вопросе о декрете.

усвоить себе правильный взгляд Маркса на великий переворот, то у нас кое-что было бы яснее и в области права. Но мы начали безбрежные искания и еще поныне не имеем сколько-нибудь удовлетворительных норм и форм нового классового права.

Легко было провозгласить декрет об отмене частной собственности, и это необходимо было сделать, или, вернее, утвердить, ибо сделано это было уже самоуправно, «анархически». Но ни 25 окт. (7 ноября), ни поныне еще не кончилась классовая борьба вокруг частной собственности. Нам некоторые декреты приходилось повторять, и лишь на второй или третий раз они возымели действие. Почему? Потому, что первые декреты часто лишь подготовляли почву, выставляли пограмму, а в социальные факты превратились лишь в единичных случаях. А когда эти факты учащались, повторение декрета в примененной к условиям форме уже сделалось действительно общереволюционным фактором. Буржуазия, как класс, еще жива, даже вновь нарождается; капитализм в худшей его форме спекулятивного капитала ведет отчаянную борьбу. Коммунизм еще только что ищет путей для возбуждения *инициативы и самодеятельности* масс, нащупывает средства для поднятия *новой дисциплины* труда. Разруха старых производственных отношений была необходима, но еще остается ее заменить новою организациею. На не совсем правильном пути был, может быть, тот, кто в один росчерк пера отверг все старое и пытался научно, так сказать, «нормализовать», т.-е. об'явить нормальною, даже идеальною нашу чисто российскую разруху, в известной степени об'ясняющуюся чисто российскими условиями отсталости. Но еще сто раз неправильнее рассуждают те западно-европейские олимпийцы, которые считают такую разруху для себя необязательною. Тут можно ответить им: Разруха у вас будет еще, может быть, хуже, и горе вам, если вы не будете заблаговременно учиться у Советской России и не сделаете для себя соответствующих выводов.

Беглый обзор, мне кажется, достаточно характеризует ту революционную роль права, как ее подчеркнул Маркс по отношению к рабочему законодательству. Оно, как право восходящего класса, имеет громадное творческое значение в моменты великого переворота, но как право господствующего «уходящего» класса оно имеет значение только контр-революционное. В особенности в настоящий момент не следует забывать слов Энгельса про *юридическое мировоззрение,* как *буржуазное мировоззрение вообще.*

Не следует слишком преувеличивать значения права и закона, как революционного фактора, но еще в меньшей степени преуменьшать эту роль. И для этой цели надо хорошо себе выяснить соотношение понятий «права» и «закона».

---

7. Право и закон.

Право и закон? Что за противопоставление? Право в об'ективном смысле, как говорят юристы, и есть закон, т.-е. совокупность или система всех правовых норм или законов. Но еще философ Л. Фейербах писал: «Первоначально *не право* зависит *от закона*, а закон от права». И римский юрист, как мы уже видели, прямо говорит: regula est, quae rem, quae est, breviter enarrat; non ut ex regula jus sumatur, sed ex jure, quod est regula fiat ‘.[1])

После всего сказанного нам, конечно, спорить не приходится со взглядом чисто-юридической школы, представляющей себе юриспруденцию лишь в роли техники правды и справедливости, с указанием рецептов тому, как, оптом или в розницу, отпускать каждому гражданину причитающуюся ему долю правды и справедливости, или же в виде мастерской для фабричного способа изготовления этой правды, в виде кодексов, сводов или отдельных законов. А чтобы не было разногласия между правдой и правом, т.-е. законом, то изобретено особое вспомогательное средство в виде «раз'ясняющих» сенатов [2]), истолковывающих всякие «неясности, неполноты и противоречия», всегда полного и всеоб'емлющего закона.

Наша точка зрения на право требует и пересмотра вопроса о соотношении между понятием права и закона. Мы уже видели, что даже среди юристов возникает направление, признающее «суб'ективное право первичным элементом» (Loenig) А еще Муромцев, один из крупнейших представителей русской социологической школы, пишет: «Вместо совокупности норм под правом разумеется *совокупность юридических отношений* (правовой порядок). Нормы же представляются, как некоторый аттрибут этого порядка». Что закон не обнимает всего права, что он не тождественен с правом—это вещь, давно признанная. Еще Иеринг говорил о „latente Gesetze“, о «статьях, которые не гласят», а цитированный нами же Зильцгеймер (Die Soziologische Metode u. s. w,) прямо заявляет, что не все права выражены в действующих законах, и что не все «действующие законы» действуют. Юристы, по-

---

1) „Правило (т.-е. закон) вкратце излагает то, что есть; не из правила берется право, но из существующего права происходит правило“.

2) Я не имею здесь в виду один наш покойный правительствующий сенат, которыйе пбыл из худших. Ласкин (Laskine—Der juristische Sozialismus. Dokumente des Soz.) цитирует слова председателя кассационного сената Франц. республики:„Задача судьи заключается в том, чтобы применять текст закона либеральным и гуманным образом соответственно действительности и нуждам современной жизни“. Весьма умеренный автор не воздержался от примечания: „Субтильным или, чтобы воспользоваться выражением Матера, *лицемерным* истолкованием предлагается извлечь из действующего права *чуждый ему социальный смысл*“.

нимающие право, как разграничение интересов[1]), в нормах видели известного рода «пограничные столбы», так сказать, вехи для сферы свободы действия интересов отдельных лиц. Кадетская психологическая школа находит, что «право регулирует *непосредственно не интересы* наши, *а наши поступки*» (Петражицкий, «Теория права и государства», 1, 315).

Правовою нормою или законом мы называем принудительное правило, исходящее от государственной власти и относящееся к области права. Но мы уже слышали выводы исследований марксиста Карнера-Реннера, что положения римского права, т.-е. нормы древнего Рима, оставались почти без изменения более 2.000 лет, а содержание их в современном праве изменилось до неузнаваемости. Значит, в области, которая обставлена всякими строгостями и тонкостями для *точного* исполнения, получается полнейший *произвол?*

Но и это еще не все. Как у нас в былые времена, так и во всем «цивилизованном» мире существует известное предположение, которое или прямо выражено в законе, или просто само собою разумеется, что законы всем известны, и что никто не может отговариваться незнанием закона. А между тем на деле сплошь и рядом одно и то же слово истолковывается разными судебными учреждениями и в разное время прямо в противоположном смысле, а из интересного исследования Карнера мы знаем, что содержание одной и той же статьи получило, по существу, прямо противоположный смысл. Свода законов, конечно, никто, даже самый лучший юрист, не только наизусть не знал, но и никогда не прочитал, а для громадного большинства это была книга за семью печатями.

А благодаря особо таинственному характеру права, в действительности закон неведом никому из обыкновенных смертных, почему и должно существовать особое сословие юрисконсультов или защитников, дающих особые юридические советы и заключения в случаях коллизий частного человека или учреждения с нормами или законами. В Англии, где нет кодексов и почти все право основано на противоречивых решениях суда, и эта фикция юридической защиты бессильна. А в такой же роли бессильного советника чувствует себя у нас не малая часть приглашаемых почему-то юрисконсультами старых юристов, не имеющих и не желающих даже иметь представления о нашем праве.

Как возникает и развивается право в его *формальном виде*, в виде юридической нормы?

Первые законы, как известно по *словам их авторов*, прямо появились как бы из сверх'естественного источника. «Сам бог так велел». Это фраза, еще ныне употребляемая верующими массами. Если в самом деле бог издал закон непосредственно (напр.,

---

[1]) [illegible] (Encycl. § 5. p. 16): „Durch die Norm wird das Interesse abgegrenzt, innerhalb der Abgrenzung geschützt, garantiert; ausserhalb derselben ist es nicht garantiert, nicht geschützt"

Моисеевы скрижали), то его форма уже предрешена непоколебимо. Это сверхполицейский приказ: «Делай то, не делай того-то». Правда, самый религиозный юрист ныне скажет, что эта форма правовых норм крайне неудовлетворительна и технически устарела. И по этому одному такая вера в непосредственное законодательство бога только компрометирует техническую сторону права. Вдобавок еще, законы одного бога часто очень похожи на законы другого, совсем враждебного ему бога, напр., законы бога Моисеева очень и очень напоминают законы Гамураби вавилонского, а заветы иудейского бога-сына — изречения индийского Будды. Поэтому такое непосредственное божественное законодательство ныне в общем отвергнуто, и все богословские школы в юриспруденции ограничиваются верою в «божественное внушение» законодателей церковных или даже светских. Форма такого закона, конечно, ничего внешне отличительного от обыкновенного светского закона не имеет.

Другие утверждают, что первоначальным законом был *народный обычай*[1]). «Что город—то норов, что деревня—то обычай». И прибавляют: первые законодательные сборники, хотя бы под божественною фирмою, были сборниками народных обычаев. В этой форме утверждение не совсем верно или даже совсем неверно. Собранием сборников народных обычаев начали заниматься не раньше XVIII ст. нашего летосчисления. А прежде, когда появились законодательные сборники, каждый раз сообщается о том, что царили смута, беззаконие или тому подобные неурядицы. Поэтому такие сборники по содержанию и отражали эти события, а не старые обычаи. Но об этом мы уже говорили в 6 отделе, и сейчас нас интересует лишь внешняя форма законов и их значение по отношению к праву.

Первоначальные законы были обыкновенно пословицы, поговорки, стишки, широко известные народным массам. «Обычай— это юридическая норма, возникающая *непроизвольно, неискусственно* (опять-таки искусственно или неискусственно), не из отдельных актов, предпринимаемых с определенной сознательной целью, но, так сказать, органически из жизненных отношений, незаметно скрытых для нашего сознания»[2]). Это определение, по моему, подходит с трудом к тем чисто техническим правилам[3]),

---

[1]) По поводу моей точки зрения на обычай возникли явные недоразумения, основанные на старой, еще народнической вере в „народный обычай". В общем обычай имеет силу ныне лишь постольку, поскольку его признает закон той или другой страны и поскольку он не противоречит закону. Но нельзя смешивать древних обычаев с обычаями-судебными прецедентами класса угнетателей, как первым классовым правом.

[2]) См. Карасевич, „Обычное право во Франции".

[3]) „У большой части первобытных народов нельзя ясно отделить *право* от общей области *народных нравов*... Можно бы сказать что *право возникает только с возникновением государства*.. В первобытных обществах жизнь родового союза в некоторой степени регулируется обыкновенно авторитетом главы. Но эта власть большею частью совещательная а не повелительная.. Но это право *не „есть право в нашем смысле"*. Так писал еще *Н. Зибер*, в „Юрид. вестнике" за июнь 1884 г., стр. 17.

имеющим своим источником инстинкт «человека природы» и собственное его наблюдение, передаваемое следующим поколениям, по всей вероятности, тоже уже в периоды упадка естественной непосредственности «необлизанного культурою» человека. Ибо первоначальная форма предания этих навыков или чисто реальная, происходящая на деле, при работе, или же сказка. Но чаще всего эти обычаи, выраженные в старой форме, являются *новыми прецедентами*. Их старая форма, часто казуистичная, к данному определенному случаю приспособленная, это ясно показывает: «Пословицы и на кривой не об'едешь». «Где закон, там и обида». «Не столько роса, сколько пот». «Заниматься (брать взаймы)— самому продаться». «Есть чем сесть, да не на что», «В боярский двор ворота широки, да вон узки (о кабале)». «Была когда-то правда, а ныне стала кривда».

Эти обычаи, выраженные в устной форме, обыкновенно носят поэтическую форму, часто в рифмах. И это последнее весьма понятно. Чтобы на память передавать такие важные акты, как первоначальные веления бога или предков, необходимо было их снабжать такою формою, которая не поддавалась бы подделке. «Из песни слова не выкинешь». Не сознательно это, повидимому, делалось, а просто стихийно. Но факт тот, что первоначальное название «кармен» (carmen) в Риме означал и стих, и песню, и закон. То же самое мы наблюдаем в Греции, где слово «номос» означает и песню, и закон. В Германии барды пели законы и т. д. Законы Изиды, Дракона, Солона, 12 таблиц и т. д. были в стихах. Цицерон сам говорит, что «в свое время нас, детей, заставляли изучать стихи (carmina) 12 таблиц». И первые отдельные чисто классовые законы, таким образом, имели форму пословицы-стиха. «Le mort saisit le vif» (мертвый держит живого). Это было правило о непосредственном переходе наследства собственности

1. „Jst das Bett beschritten.
2. So ist das Recht erstritten“.
3. Boire, manger, coucher ensemble.
4. C'est mariage, ce mesemble“.

это первоначальная формула брака первого периода частной собственности и т. д. Так возникают первоначальные зачатки классового права. Но творчество масс тут уже не участвует, ибо массы, хотя бы и несознательно, *против них*. Рабочего, который громил фабрику, никак не заставишь самого изобрести формулы его заключения в эту фабрику. И вот нашелся первый формальный законодатель—*судья*. Конечно, первоначальный судья был *сам феодал, сам кредитор* (по отношению к должнику-рабу, закупу), т.-е. сам господин, или, что еще хуже, его слуга, который свой прецедент здесь об'явил в качестве новой пословицы, нового обычая, закона. Интересно, что в Генте «loi» означает одновременно и закон, и судью (juge), и магистрат. Для этого судьи, конечно, «правосознание» было *чисто интуитивное*, т.-е. вытекало только *из его интереса* и разве еще из доли страха пред

массами. Но для него *пробелов в праве не существовало, ибо ему,* как и Кашинскому окружному суду, стоило только об'явить, что в его суде «создался прецедент», и право было налицо и на «предбудущее время».

Первые сборники *законов* периода классового господства были уже *порявлением воли целого класса,* которому вовсе не интересно было из-за прецедента одного, может быть, слишком жадного барина или хозяина в совокупности принять на себя беспокойства, а то и страдания. Но эти сборники во всяком случае в громадном своем большинстве содержали уже прецеденты, *«обычаи» периода классового господства,* и отдельные статьи, составляющие исключение, являются случайностью, результатом весьма понятной технической неопытности комментатора или кодификатора.

Мы уже видели, как в Риме закон приобрел значение основного источника права. Но не исключительного, ибо, с одной стороны, в случае отсутствия закона [1]), римское право допускает применение обычая, а, с другой стороны, преторы разных категорий играли роль не только «раз'ясняющего сената», но и правотворящего судьи—законодателя.

Но главною новизною в позднейшем писанном праве Рима была некоторая современная, так сказать, научная его постановка. Рядом с самыми первобытными казуистическими нормами мы там уже встречаем определения отдельных правовых институтов, как *типичных юридических отношений.* «Понятие типа образуется путем выделения сходных признаков, общих всем взятым об'ектам, достаточным для познания группы явления». Так учила формальная логика. Но для успешного определения такого типа необходима обширная предварительная работа и необходимо верное понимание самого явления. В этом отношении, разумеется, очень грешит римское правое. В противоположность практику, законодателю-«правотворцу» первых времен, наука права грешит именно чрезмерною абстрактностью. Здесь для нас важно лишь отметить, что и в Риме нарождается новый способ определения действующего права не путем отдельного и для каждого случая специального закона или прецедента, а путем определения в законе для данного периода известных типов юридических отношений, так называемых юридических институтов. А текущее законодательство в дальнейшем уже ограничивается внесением в определение института того или иного признака типа. На помощь приходит и логика со своим статистическим методом, по которому для образования типа не требуется, чтобы непременно все признаки, важные для типа, встречались в каждом явлении, а для подведения под понятие типа достаточно количественного преобладания и распространенности признака.

В виду важности вопроса я хотел бы пояснить это парою примеров. Мы говорили об институте собственности и отметили,

---

[1]) „Где нет писанного закона, действует обычай“. (Dig I, III—32).

что этот институт существует в одной римской формулировке более 2.000 лет. Но не остался же он без изменений. Между собственностью, как правом снять один урожай (первоначальное владение), а затем не менее одного урожая, вплоть до «вечного» владения и пользования этою землею,—разница весьма существенная. Но собственность, как *право* «владеть», т.-е. брать «дань» или ренту с *чужого* труда является *прямою противоположностью* первой частной собственности земледельца на свои средства производства. Далее, земельная рента в виде барщины, т.е. прибавочного труда на полях барина, а необходимого труда на «своей земле», вплоть до рабства—крепостного состояния, затем земельная рента натурою, напр., с арендатора-испольника (натуральная рента II типа) и, наконец, *денежная рента* капиталистического типа. Эти отличия могут оставаться не выраженными в законе, или они часто выражены в особом законе, напр., запрещающем труд невольников, отменяющем крепостное состояние или запрещающем барщину и т. д.; и связь такой статьи с институтом собственности проходит незамеченною. У нас этот вопрос сейчас в порядке дня. Мы об'явили *социализацию земли*. В действительности это была лишь *национализация* при наследственном пользовании землею со стороны крестьян. Крестьяне сами считали землю по-прежнему своею. Новый земельный кодекс вводит свободу выхода из общины, крестьянин имеет право свободной продажи своих продуктов, при условии сдачи продналога. Далее предусматривается и ограниченная возможность капиталистической обработки земли при наемном труде. Так меняется характер частной или государственной собственности. Какое-нибудь одно слово изменяет весь институт.

Или мы берем договор купли-продажи: это первоначально обмен эквивалентов, продуктов труда (сначала, вероятно, даже взаимное дарение), затем обмен продукта на общий эквивалент, деньги[1]); дальше посредничество в обмене, как особая профессия особого класса, вплоть до торгового капитала и т. д. Мы знаем, что около признака прибыли или процента бывала отчаянная борьба: запрещение процента, полная его свобода или узаконенный процент. А каждый из этих признаков придает понятию обмена-купли-продажи самые различные оттенки. Стоит только в определении института купли-продажи прибавить один или другой признак, чтобы его изменить до неузнаваемости. Так, напр., единичная покупка и покупка, как профессия, есть различие, на первый взгляд, чисто количественное, но одновременно и глубоко качественное. А чтобы быть современным, спекуляция производителя-крестьянина своим продуктом—вещь, ныне в известной степени разрешенная, и спекулянтизм, как профессия и впредь запрещенная, есть также понятия, различные в первую очередь количественно, а затем и качественно.

[1]) Ныне для юриста „мена является слиянием двух актов купли—продажи с выпадением промежуточного звена—уплаты денег". (Гойхбарг).

Я полагаю, что этих примеров будет достаточно для того, чтобы охарактеризовать новую юриспруденцию в области законодательства. И мы отсюда видим, *почему буржуазная наука всегда при этом стремится к чрезмерным абстракциям:* она не признает классовой точки зрения; мало того, она *старается скрывать классовые противоречия за абстрактными формулами.*

Жизнь, однако, не всегда шла этим путем. Путем рецепции сплошь и рядом одна страна перенимала более «развитое» право другой страны, а феодализм и капитализм поочередно (иногда просто молчаливо) вносили изменения количественных и качественных признаков в эти институты, оставшиеся по своей букве неизменными. Так, римское право, к удивлению «марксиста» Реннера, пережило более 2000 лет, и по внутреннему изменению его институтов, по мнению Реннера, ныне близко к социализму! А еще большие чудеса случились в России: византийское право, смешанное с самобытными русскими феодальными нормами, с известными незначительными дополнениями сенатских раз'яснений, вместило в себя развитой капитализм. И напрасно полагали марксисты юридического толка, что это одно должно «взорвать оболочку»: те необходимые изменения, которые настойчиво требовала жизнь в сфере коммерческой, акционерной и т. д., вполне возможны были тем же способом прививки, которым садовник, вопреки утверждению Лассаля, может заставить фиговое дерево носить яблоки, и наоборот. И, в конце-концов, в России нашлась такая уйма преторов, во главе с вошедшим в пословицу раз'ясняющим правительствующим сенатом, что с этой стороны революция не угрожала. А на другой день после мартовской революции 1917 г. все судебные учреждения, за исключением пары арестованных сановников, произносили уже приговоры «нового строя» на *старых бланках,* зачеркнув лишь «императорское величество» и надписав по указу *«временного правительства», по старым законам,* но вполне согласно с новым, определенно буржуазным строем. «Закон—как дышло, куда повернуло, туда и вышло». Значит, не в законах была суть, а во власти. Ведь, если суды после мартовской революции *без всякого указа* о том стали подписываться именем нового правительства, то после свержения в октябре—ноябре этого временного правительства суды преспокойно судили именем свергнутого временного правительства, и даже после декрета об упразднении старых судов, правительствующий сенат задумал *«восстание»,* от которого он отказался лишь потому, что не нашлось машинистов, согласных переписать его «бунтарские» воззвания. И разошелся лишь после *закрытия* здания правительствующего сената и назначения комиссара для ликвидации его дел.

Непоколебимость буквы права—это *догма самого буржуазного общества,* лишь проведенная в жизнь типичными его идеологами, юристами. Оттуда юридическая пословица: «Закон умнее его автора».

Такая непоколебимость *обычая* была понятна и естественна в первобытном обществе, поскольку обычай этот выражал его жизненные устои—первобытный коммунизм, или хотя бы родовой полукоммунизм. Но систематическим обманом является непоколебимость права господствующего класса меньшинства, который и приводит к дуализму писанного права и права естественного, интуитивного, справедливого и т. д., и т. д., коими занимались философия, психология, социология и т. д. Конечно, и в этих идеологиях попадались крохи искренне революционных мыслей, и К. Маркс овладел этим материалом, превращая его в орудие борьбы против старого строя. Но для большинства всех этих современных искателей новых правовых идей буржуазного общества это не более как кабинетное или салонное времяпрепровождение, и характеристика всех этих правовых идей, выражающихся, по возможности, в одном слове, как: свобода, солидарность, любовь и т. д., и т. д., является бесцветными, бессодержательными формулами для «обмана масс». Несравненно более ценны работы хороших техников-юристов, все-таки поработавших над определением типов юридических отношений, так называемых юридических институтов, чем целые томы трудов о «настоящем» или «должном» праве [1]).

Когда французское учредительное собрание от имени победившей буржуазии решило, на основах декларации прав человека и гражданина, составить новое гражданское уложение, докладчик Камбасерес в своем докладе Конвенту заявил:

«Необходимо после долгого шествия по пути разрушения воздвигнуть величественное здание гражданского законодательства, здание простое по устройству, но грандиозное по его размерам, величественное, благодаря его простоте, и тем более прочное, что в основании его находится не зыбкая почва систем, но твердый фундамент *естественных законов* и девственная земля республики... Что может быть величественнее и прекраснее на земле народа, осчастливленного своими законами, но для достижения этого необходимы два средства; сила правительства *и непоколебимость* законов».

Я привел эту цитату буржуазного революционера о непоколебимости новых законов, чтобы сопоставить ее с выше цитированными словами председателя французского кассационного суда о *гуманном* его истолковании, ибо уже в 1840 (пожалуй, потому, что до 1848 г.!) Пелегрино Росси говорил по поводу Code civil: «общество и закон уже не полностью сходятся (passen nicht mehr vollkommen zusammen). Но, конечно, не в юридическом смысле. Теперь после Code civil имеется целый ряд гражданских уложений: в Германии, в Австрии, в Швейцарии, а в проекте имелось

---

[1]) „В противоположность двух этих понятий.—справедливости и права, общественное сознание воплощает то двойственное состояние, которое оно переживает, насколько такой дуализм касается области правовых отношений" (Муромцев).

даже в старой России. Антон Менгер в своей интересной работе «Германское уложение и имущие классы» хорошо раскритиковал это уложение, но что же он писал сам по поводу подобных критик [1]): «Прежде всего мы должны констатировать, что упрек в том, что проект германского гражданского уложения с пренебрежением относится к охране слабых и поэтому не имеет социального характера, сам по себе хотя и совершенно верен, но кажется нам в устах *юристов* только в незначительной степени правомерным... Это известное «общее место», что всякий свод законов, как составляемый в важнейших его частях не избежно юристами-специалистами, *только отражает господствующие взгляды* и стремления данной эпохи» (скажем, вернее, классовые их, как идеологов господствующего класса, идеи).

Итак, соотношение права и закона таково, что *право* в современном смысле, как право *классовое*, находит свое выражение, главным образом, *в законе*, а законодательство и проведение в жизнь закона, где надо, мерами принуждения составляет *монополию классовой государственной власти* (во всей ее совокупности). Таким образом, закон отмечает те вехи, по которым определяются границы данного правопорядка, данной системы правовых отношений, но мы видели, насколько он, при своем принципиальном лицемерии, верно отмечает эти вехи. Буржуазный закон как раз старается замолчать действительный характер этой системы, а поэтому мы и лишний раз должны подчеркнуть, что *право есть именно эта система, а не просто закон*. Теоретически *закон* должен дать основной принцип данной системы (напр., частная собственность — феодальная, капиталистическая и т. п.), и, по возможности, яркое и исчерпывающее, а равно достаточно конкретизированное определение важнейших юридических институтов. А остальное — уже дело применения права, которое будет всегда несправедливо для угнетаемого класса, а справедливым лишь для класса господствующего. Конечно, не по принципу fiat justitia, ruat mundus, но «гуманно и либерально» истолковывая эти законы, ибо всякое буржуазное истолкование все-таки будет только классовым. В этом отношении приходится отметить популярное в буржуазной науке течение так называемого Freirecht, которое желало бы предоставить буржуазному суду свободу от законов, т.-е. вновь «правотворческую роль». А еще дальше идет буржуазный юрист-практик Эрнст Фукс: «Право и правда в нашей гражданской юстиции представляют чаще всего картину случайно-

---

[1]) Очень ярко роль сословия юристов, как идеологов буржуазии вообще, выражена в словах Др. Гирке („Grundbegriffe des Staatsrechts"): „Наука права не хочет дольше оставаться по отношению к праву в роли, какую играет грамматика для языка; она хочет не только открывать, но и создать правила. Она стремится не только познать жизнь, но и управлять (meistern) ею Ее основная цель (ihr Ein und Alles) заключается в системе, которая так из средства превращается в цель" Ни слова не сказано, что это должно быть „классовою системою", но всякому ясно, что она будет таковою.

сти, свойственной лотерее». И он этой судебной практике противопоставляет «судоговорение (Rechtssprechung), исходящее из *взвешивания противоположных интересов,* из познания практических потребностей и из образа мыслей справедливых учреждений». Он, значит, предсказал своим буржуазным коллегам на словах мысль, которую нам на деле принесла Великая Октябрьская Революция.

Так буржуазия, путаясь в своем лицемерии, *от принципа непоколебимости закона* дошла до «свободного от закона суда» (конечно, своего, классового), и даже до положения в основу судебных решений справедливой оценки интереса или, в России, до интуитивного права Петражицкого. Значит, когда мы выдвинули лозунг: сжечь старые законы и не только их сжечь, но искоренить их из нашей и широких масс памяти, мы были правы и с точки зрения буржуазной науки?

Теперь за нами 5 лет Советской власти. Мы ныне имеем свои кодексы периода нэп'а. 5 лет мы жили по «правосознанию» народных судей, и, скажем откровенно, отнюдь не в большинстве случаев сознательных коммунистов, и еще в меньшей степени вполне сознательных рабочих. Но все-таки мы решили этот основной вопрос *принципиально правильно,* и по этому пути придется итти *всем пролетарским революциям.* Но своды законов нам нужны не непоколебимые, и наша конституция должна нам дать возможность изменить закон в 24 часа.

Если ныне читать писания не только юристов, обрадованных нашими новыми «буржуазными» законами, но и огорченных ими наших товарищей, то мы часто встречаем одну легенду, которую необходимо опровергнуть, а именно, что мы будто бы всегда были против законов вообще и кодексов в особенности. Напротив, мы начали с таких законов, как социализация земли, 8 часовой рабочий день и т. д. И не могло быть иначе. Ведь наша революция была самою организованною из всех бывших революций. И разве мы могли отказаться от такого организованного способа переорганизации общества, как законодательство? Еще в 1917 г. я, как наркомюст, образовал особый отдел «Законодательных предположений и *кодификации*». Еще осенью 1918 г. я составил статью для октябрьского сборника, законченную мною соображениями, которые я и ныне считаю вполне правильным, как и тогда. Я тогда писал:

«Предо мной сейчас 71 томик собрания узаконений и распоряжений раб.-крест. правительства, содержащий 778 декретов. Эта толстая книга нам кажется тонкою книжкою сравнительно с 16 томами старого свода законов, или ежегодным собранием узаконений старого правительства. Но если отбросим те распоряжения, которые относятся к частным случаям (конфискации, национализации и вопросам организационным), то останется только тоненькая книжка, содержащая основные положения нового пролетарского права.

Настал момент приступить к кодификации, к сводке всего пролетарского права переходного времени в систематический сбор-

ник. Это будет кодекс, который должен быть *доступным для самых широких масс*. Но удастся ли нам составить такой кодекс в ближайшие месяцы? А если удастся, то надолго ли он вообще сохранит свою силу? Ибо, только просматривая книгу декретов, мы убеждаемся, как непостоянны и изменчивы создаваемые революцией институты и законоположения.

Нас упрекают в том, что мы отбросили учредительное собрание, нами самими же желанное и созванное. Мало того, мы уже сами отбросили или в самых основаниях изменили даже учреждения, нами же впервые созданные. Пролетарская революция не претендует на вечные и неизменные завоевания. Пролетарская революция — это процесс развития путем гражданской войны. Поменьше отсталости, побольше подвижности, — таковы ее лозунги. Ибо в день окончательной победы этой революции закончится и процесс отмирания самого пролетарского права, понимая право в старом смысле.

Первое место в книге нашего кодекса пролетарского права, конечно, займет наша советская конституция. Эти 90 статей основных законов РСФСР заменяют вкратце несколько томов прежнего свода. Правда, конституция предусматривает несколько инструкций в развитие ее основных положений, но это относится уже к специальным вопросам, напр., к технической стороне советских выборов, и весьма вероятно, что они будут напечатаны в особой книге вместе с остальными инструкциями, наказами, руководствами и т. п., которые в старом своде были разбросаны по всем томам.

За конституцией должны итти права и обязанности граждан, как российских, так и чужестранцев. Да у нас и не будет такого деления на туземцев и чужестранцев, а, согласно ст. 20 конституции, только на *трудящихся и нетрудящихся*. Ясно, что и это деление только временное, до отмены деления на классы вообще, когда все станут трудящимися. Тут же будут коротенькие временные статьи о переходе из одного гражданства в другое, может быть, еще из одного класса в другой. И это все.

Самым важным отделом книги I будет отдел *социального права*. Заметьте, что это та же книга, которая раньше помещалась в X томе и называлась частным или гражданским, т.-е. буржуазным правом. Но вы с трудом узнаете эту старую знакомую: не осталось в ней почти ничего буржуазного и весьма мало частного («приватного»). Вы открываете первые страницы: о семейном праве, о священной семье буржуазии, и не находите ничего священного. Это единственное место, где свободное соглашение восторжествовало, вытеснив оттуда всякие посторонние примеси (в виде церковного или гражданского таинства, принуждения). Впредь до ведения полного социального обеспечения в пролетарском семейном праве сохранились еще остатки прежнего в виде алиментов (при условии неимения своих средств и отсутствии трудоспособности). Социальное обеспечение устранит и этот остаток старого мира.

За семейным правом пойдут «имущественные права» — вернее, отмена и ограничение этих прав; тут отмена частной собственности на землю и социализация земли, национализация производств и городских домов и порядок управления национализированными имуществами, наконец, допустимость применения пережитков частной собственности переходного времени.

Дальше пойдет кодификация *всех правил о труде,* как о труде производительном, так и о труде советской или частной службы. Это та часть социального права, которая в той или иной форме перейдет в новое общество. Но мы уже видели, что там труд из обязанности и повинности превратится в право, или, как сказал Маркс: «труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой необходимостью для жизни».

За этим отделом пойдут еще кое-какие остатки договорного права, скорее ограничения свободы договора. Но прибавится новый отдел — *международное право.* По отношению к рабочим странам республика сохранит и торговые, и договорные отношения до введения повсеместного социализма. И чтобы раз навсегда порвать с длиннейшими разного рода договорами с разными государствами, мы попытаемся формулировать те положения, которые мы бесспорно признаем за всеми странами.

Не знаю, поместится ли все это в одной книге, но это будет основное право, обязательное для всех. И оно не будет представлять прежней закаменелой обязательности, ибо даже изменение конституции предоставлено Центральному Исполнительному Комитету. Но все-таки по отношению к этой I книге мы применяем суровый принцип непреклонности.

Иное дело дальнейшие узаконения: это — технические инструкции и руководства, в которых обязательны лишь самые общие места. Будут ли это правила о судопроизводстве, о почтово-телеграфной и железнодорожной службе, или, наконец, о советском земледелии, огородничестве или пчеловодстве, — обязательность всюду будет одинаково условна. То же будет с примерной инструкцией об уголовных преступлениях и наказаниях, об отбывании наказаний или о народном образовании и вообще просвещении. Это будут книги довольно об'емистые, но предназначенные только для того или иного разряда лиц, для того или иного особого случая и т. д. Не знаю, насколько удастся строго провести в жизнь это деление, но в принципе оно у нас принято. Мы уже имеем целый ряд таких инструкций вместо прежних законов: инструкции для народных судей, для карательных отделов, об отделении церкви от государства и т. д.

Но и при существовании подобного кодекса, к составлению которого ныне необходимо приступить в спешном порядке, останется еще одна задача: сделать этот кодекс доступным для всех. Конечно, наш кодекс будет значительно меньше старых, которых не знал и не прочел сначала до конца ни один юрист. Конечно, та или иная часть его будет преподаваться в обязательной, общей

или специальной школе. Но все-таки останется задача популяризации этого нового, хотя и переходного права.

Я остановился на форме катехизиса и пытался составить «народный суд» в вопросах и ответах. Я издал в такой же форме и нашу советскую конституцию, зная то предубеждение, какое у всякого читателя имеется против постатейного изложения того или иного закона. Эти руководства составлены в качестве частных изданий без обязательной силы. Но весьма возможно, что эта форма, как более популярная, найдет применение и для официальных изданий. Нечто в роде того мы встречаем в английской, особенно, в американской кодификации. У нас тогда будут рядом два кодекса: постатейный и популярный. Может быть, этот последний и будет формой пролетарского права будущего, когда оно потеряет всякую тень буржуазного строя, ибо для всякого из нас, очевидно, что *пролетарское право есть, прежде всего, упрощение, популяризация нашего нового общественного строя.*

Нас упрекают, с одной стороны, в том, что мы издаем слишком много декретов, а, с другой, — что у нас не хватает целого ряда самых необходимых законов. Оба упрека одновременно и основательны, и неосновательны. У нас безусловно не хватает самых необходимых декретов, например, хотя бы инструкции об уголовных преступлениях и наказаниях. Но при недостатке стоящих на нашей платформе юристов это более, чем естественно. С другой стороны, скороспелые декреты в такой области особенно опасны. Мы с полным основанием упрекаем временное правительство Львова и Керенского, что оно в течение 8 месяцев не издавало ни одного руководящего закона, но все время плелось за ходом революции. Но оно было явно контр-революционно и нарочно поступало так, рассчитывая на близкое наступление реакции. Нам этого упрека никто не сделает.

Но за то декреты о земле, о 8-часовом рабочем дне, о семье и наследстве, об отделении церкви и т. д. как будто не все были своевременны, ибо не все еще проведены в жизнь. Но и это мнение неправильно. Мы правильно поступили, поставив эти вехи, и одно то обстоятельство, что из этих основных декретов ни одного отменять не приходилось, и что ныне они один за другим проводятся в жизнь, указывает на их целесообразность. Даже такой умный буржуазный юрист, как Менгер, пишет, что «глаз настоящего законодателя обращен не на прошлое, но непреклонно на будущее». В революционное время в этом и заключается разница сознательного, организованного руководства революцией от стихийного, если хотите, анархического переворота. При всем недостатке сил, при всех несовершенствах нашего аппарата любая страница нашего сборника декретов и, в не меньшей мере, нашего кодекса пролетарского права, показывает, что это есть надстройка серьезного материального переворота, а не временной вспышки. То тесное взаимодействие между пролетариатом и творимым им же правом, которое наиболее наглядно проявляется в практике народ-

ного суда, красной нитью проходит через всю пролетарскую революцию. Она не боится ошибок или временных неудач, ибо в то время, как буржуазия при всякой неудаче теряет одну лишнюю надежду, пролетариат, как класс восходящий, при каждой ошибке становится одним опытом богаче».

Эти слова, конечно, целиком применимы лишь к «коммунистическому» периоду 1918 года, но они прекрасно опровергают клевету на нас, как на противников законов и кодексов. Но, если в момент наступления все-таки возможно было кое-как обойтись с классовым правосознанием, то в момент отступления кодексы стали необходимы. Эти кодексы составлялись очень быстро и слишком по старому, но все-таки в тех из них, которые содержат материальное право, как в Гражданском, Уголовном, Земельном, Трудовом кодексах, имеются самые определенные признаки революционных кодексов. Их популяризация и исправление — дело будущего.

Говоря о законе, общее учение о праве обыкновенно подробно останавливается на разных стадиях прохождения проекта закона и на различных видах его: закон, декрет, указ, кодификация и т. д. У нас этого деления нет в виду упрощенного порядка законодательства. У нас декрет имеет одинаковую силу, издан ли он Всероссийским С'ездом Советов, ВЦИК или его Президиумом, или, наконец, Совнаркомом. В пределах «Положений» полную силу имеет и постановления СТО, Малого Совета и отдельных наркоматов. Но Всер. С'езд и ВЦИК, а в отсутствие последнего, его Президиум может отменить всякий декрет или всякое постановление Совнаркома, СТО или отдельных Наркоматов. Конечно, нет разницы и между порядком законодательным и кодификацией. По новому положению о судоустройстве РСФСР, «правильное истолкование законов по вопросам судебной практики», принадлежит Верховному Суду, а за законностью вообще следит Наркомюст и прокуратура. Для наблюдения за законностью с точки зрения общесоюзных законов — создан особый Верховный Суд Союза. Но толкование закона у нас не может принимать уродливых форм, так как мы не боимся аутентического истолкования, т.-е. истолкования тем же учреждением, которое издало закон, а равно и назревших и необходимых изменений и дополнений закона, если нужно, в 24 часа. От этого права мы и впредь не откажемся.

В связи с вопросом о законе и праве находится еще вопрос о законности. В свое время в Ленинграде, еще до революции, выходил кадетский журнал «Право», который ставил своим лозунгом «законность», значит законность при царских законах! Он продолжал выходить и после февральской революции под тем же лозунгом (ведь февральская революция не отменила царских законов). В 1922 году в Москве стало выходить продолжение этого профессорско-адвокатского журнала «Право и Жизнь» под тем же лозунгом «Закон» (без оговорки, чей). Наступил момент, когда и мы провозгласили (в 1921 г.) «революционную законность».

Некоторых из наших товарищей видимо задело слово «законность», а наши буржуазные «благожелатели» или просто противники в недоумении останавливались перед вторым словечком: «революционная».

На этом вопросе необходимо остановиться и нам.

Когда я в статье на немецком языке, будучи в Берлине, должен был характеризировать наше отношение к закону в первый период революции, я определил его, как *«революционную правомерность»*. При переходе к новой политике мы должны были перейти уже к *законности,* но, конечно, *к революционной законности.* Что означает это слово? Оно ставится в противоположность *к контр-революционной* законности, ожидающей более или менее полного возврата к до-октябрьским законам.

В печати уже отметил, что мы должны строго настаивать на том, чтобы всякое отступление, как сделанное в видах будущего наступления, толковалось строго ограничительно. И эта мысль вслед за тем выражена определенно в ст. 5 и 6 постановления о введении в действие Гражд. Кодекса: «*Воспрещается* толкование постановлений Кодекса на основании законов свергнутых правительств и практики дореволюционных судов». «Распространительное толкование Гражд. Кодекса РСФСР допускается только в случае, когда этого требует охрана интересов рабоче-крестьянского государства и трудящихся масс».

Но слово *революционная* законность имеет еще и иное значение. Судья при обсуждении этих новых законов должен иметь в виду, что эти отступления сделаны *добровольно и в интересах революции,* почему они совпадают с классовым интересом победившего класса пролетариата в целом, а следовательно, и с его революционным правосознанием. Только тогда возможно будет об'единить классовую справедливость со строгой законностью, т.-е. с соблюдением декретов и кодексов рабоче-крестьянского правительства.

Чрез наше правопонимание и правосознание, как красная нить, должны быть проведены революционность и классовое сознание. Мы должны избегать всяких теорий ревизионизма и экономизма, преподающих *нам бессилие революционного закона* над буржуазными производственными отношениями. Но мы одинаково осторожно должны относиться и к революционным законникам, *верующим в всемогущество революционного декрета.* От силы победившего класса, от успехов его классовой борьбы (продолжающейся, только иными средствами) зависит окончательная победа новой системы общественных отношений в интересах пролетариата.

---

8. Правовое отношение и его анализ.

Если мы разбиваем всю систему общественных отношений, относящуюся к данному правовому порядку, на ее составные части, то мы получаем массу так называемых правовых отношений. Эти правоотношения об'единяются в группы под названием правовых институтов, представляющих собою об'единение отдельных отношений в наиболее *типичные отношения* данного правопорядка, как мы уже видели. Об этих правовых институтах говорилось много. Создалась даже теория, придающая им не только значение *типа* юридических отношений, но приписывающая им даже особые социальные *цели или функции.* Избегая вообще нагромождения разноречивых рассуждений буржуазной науки, я на этом вопросе должен остановиться подробнее потому, что он имеет у нас и практическое значение.

У нас эта последняя теория сделалась популярною с легкой руки Леона Дюги, книжка которого вышла в 1919 г. («Общее преобразование гражданского права»), в русском переводе под редакцией и с предисловием т. Гойхбарга. Дюги называет свою теорию «социалистическою», сам в то же время категорически отрекаясь от названия социалиста. Суть его теории заключается в том, что он отвергает волевую теорию права, как метафизическую, и предлагает вместо волевого элемента (вернее, только вместо *равной и свободной воли)* внести элемент *социальной задачи* или *функции.* Не в смысле сознательного возложения властью на те или иные защищаемые ею интересы известных функций, нет, в смысле простого *переименования настоящего* правопорядка в *социалистический.* «Собственность, например, преобразовывается, эволюция совершается в социлистическом духе». Дюги подчеркивает, что он тут говорит о *капиталистической* собственности. Значит, его теория сводится к тому, что частный собственник земли, фабрики и т. д., *не просто* узурпатор, член класса поработителей, а что он *от развития, от эволюции получил высокую,* и притом социалистическую *задачу,* представлять, являться персонификациею его (слова К. Маркса) священной земельной или другой капиталистической собственности и в *качестве такового эксплоатировать массы,* лишенные этой собственности. Значит, его теория является наиболее усовершенствованною и открытою юридическою системою для того экономического положения буржуазных экономистов, что *капиталист,* мол, *выполняет известную социальную функцию,* за которую получает даже заработную плату (Рошер) и всю прибыль, сверх среднего процента. Конечно, известный шаг вперед сделал Дюги, если он отверг теорию свободной и равной воли сторон, как основания справедливого договора, но напрасно он *только* эту волевую теорию называет метафизическою. В его изложении концепция социальной функции правового института является *тою же метафизикой.*

Тов. Гойхбарг верно оценивает в предисловии «автора — как буржуа до мозга костей». Но он тут же сам превращается в того же телеолога, если он восхваляет теорию «социальной функции», или социальной цели, как *условие «защиты обществом» данного института*. Тов. Гойхбарг эту теорию внес и в наш гражданский кодекс. Но тут, как многое в нашей революции, эта теория получила совсем иное значение и иное освещение, благодаря именно революции. Ст. I кодекса гласит: «Гражданские права охраняются законом за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением». В условиях революции смысл статьи тот, что революция делает *добровольную* уступку и вводит известные, уже отмененные ею правовые институты, но лишь *при том условии*, чтобы пользующиеся этими правами лица выполняли задачу: внести инициативу в экономическую жизнь, хотя бы на буржуазных началах, в целях развития производительных сил страны, как гласит ст. 4. Если это условие будет нарушено, *право лишается защиты*. Но такое положение соответствует только эпохе, когда власть уже в руках пролетариата, и *эта цель ставится сознательно рабочею властью*. При иных условиях, напр., в применении к буржуазному праву, теория «социальных целей» правовых институтов является тою же метафизическою доктриною, и при том в защиту и оправдание буржуазного строя.

Об'ективно мы в правовом институте видим только правовое общественное отношение, сведенное к характерному для того или иного строя типу правовых отношений. Юридическое отношение, по своему основному характеру, в капиталистическом мире является отношением «господства-рабства», ибо здесь властвует владелец средств производства не только над производством, но и над обменом. Юридическое отношение является взаимоотношением двух сторон (лиц или совокупности лиц), из которых одна сторона («активный суб'ект права») имеет в силу этого отношения известные права, другая сторона («пассивный суб'ект права») имеет известные обязанности. «Право — обязанность», такова абстрактная формула юридического отношения. Но, конечно, не это юридическое отношение создает право по существу; оно есть, как мы видели, «лишь формальное осуществление» экономического отношения. Без этой формы, однако, отношение экономическое не будет правовым, а только фактическим, может быть, просто неправовым и недействительным, а то и прямо преступным и преследуемым.

Интересно взглянуть на теорию римских юристов, которые в правоотношении усматривают лишь «путы», «кандалы» права — juris vinculum. Суб'екта права (subjectus) они так и понимают в виде подданного, подвластного праву, «связанного им», и лишь западно-европейские юристы (начиная уже с глоссаторов) придают особое и главное значение *активной*, а не *пассивной* стороне *правоотношения*. Это означает только то, что римский юрист и

само римское право откровеннее подчеркивают момент господства. Для них это не свободное *отношение,* а *связь!* Великая французская революция разрушила старые связи и об'явила человека свободным от старых цепей и связей. Она поэтому всюду вносит идею свободного общественного договора, соглашения *равных и свободных волей.* Но новые отношения подготовлялись еще в старых условиях. Они уже свыклись с формулами римского права, и революция эти формулы только очистила от феодального нароста.

Если открыть любой современный гражданский кодекс буржуазного строя, то мы там увидим весьма различные институты: на первом месте *семейное* право, ибо семья в буржуазном обществе все еще является низшею экономическою ячейкою всего общественного строя. В связи с семейным правом *наследственное,* хотя оно в буржуазном завещании уже освобождается от семьи и хотя капиталистический строй в корне разрушает основы самой священной семьи. Первоначально ведь семья представляла одновременно и собственность: «paterfamilias» был отец семьи и хозяин собственности. Теперь собственность сделалась самостоятельным институтом, «вещным правом», персонификация которого, владелец, делается безличным, превращается весьма часто в пред'явителя бумаги (акции, облигации). Институт собственности овладел и наследственным правом, как своим придатком. Все эти институты основываются на принципе властвования, господства-рабства в сфере производства. Вторая половина любого кодекса отведена договорному, обязательственному праву и относится преимущественно к обмену продуктов: купля-продажа, мена, дарение, ссуда и т. д. Но, кроме того, в этот отдел входят все договоры, вытекающие из организации господ производства и обмена (товарищество, полномочие, передача права и т. д.), или из распределения прибыли (процент, аренда и т. д.). Институты, в свою очередь, сделались самостоятельными и сгруппировались уже по чисто формальным признакам как, например, рядом договоры имущественного и личного найма и т. д. Но сверх всех этих отношений, имеющих то или иное отношение к производству или обмену, в такой кодекс включены всякие отношения, по существу неправовые, например, нравственные, или, наоборот, безнравственные, но специально разрешенные как, например, договоры азартные. Для этой последней группы отношений, по существу, вовсе не место в материальном кодексе.

Во всех отношениях производства тут ясен элемент господства-рабства: распоряжение (от распорядить!), владение (от «володети» — см. гл. II), пользование (извлечение пользы, плодов). Тут еще видны «кандалы права» (juris vinculum) Но при развитом капитализме (в особенности, в монопольной его стадии) и распределение, т.-е. торговля, в руках класса капиталистов диктует свои цены и условия, и ни о какой доброй воле покупа-

теля тут нет и речи [1]). Из этого факта наука и создала особую теорию о «правоотношениях», возникающих par adhesion» [2]), (т.-е. чрез присоединение). В этой теории проявляется та же выше упомянутая тенденция буржуазной науки превратить все взаимоотношения людей на вид в отношения вещные. Мы это признание буржуазных ученых об «односторонней воле, диктующей свои условия не отдельному ивдивиду, а неограниченной совокупности лиц», должны использовать, как признание ими отношений «господства-рабства», но одновременно не должны давать им возможность скрывать то обстоятельство, что это все-таки есть взаимоотношения людей, эксплоатация человека человеком. Таким образом, эта борьба против теории воли в пользу «отношений вещных» не имеет ничего общего ни с нашею борьбою, ни с борьбой со стороны новейшей школы психологии.

Если заглянуть с той же точки зрения в наш гражданский кодекс, появившийся в результате нашего отступления, то мы сразу увидим коренное его различие от прочих кодексов. Гражданский кодекс «в целях развития производственных сил РСФСР» предоставляет гражданские права, но как мы уже видели, *условно, и* притом *ограничительно.* Право собственности на землю остается национализированным, земля *не может* быть предметом *частного* оборота. Наследственное право ограничено 10.000 руб. золотом, за исключением концессионных прав. Семейное право в кодекс не входит, но мы знаем, что свободный развод, по заявлению одной стороны, уже придает семье иной вид, и что старое буржуазное содержание ее впредь основывается исключительно на преходящих экономических условиях. Нет прежних отношений *частного господства* в безграничном виде ни в отделе вещного, ни обязательственного права. Ближе к чисто буржуазному праву подходит последнее, т.-е. обязательственное право, но и тут лишь, как право терпимое. В одном отношении оно довольно рабски повторяет гражданские кодексы буржуазии: в отношении системы расположения институтов, в извинение чего можно привести только крайнюю спешность его разработки. Он не свободен и от упреков в том смысле, что он старается перенести к нам самые утонченные формы эксплоатации в гражданском обороте, хотя мы, как рабоче-крестьянское государство, в таковых и не заинтересованы, а наоборот [3]). Но нигде у нас не скрывается то, что в этом кодексе вопрос идет о взаимоотношениях людей и, в известных пределах, об эксплоатации человека человеком.

Лицо, участвующее в правоотношении, называется суб'ектом права. Право имеет дело с отношениями только между людьми, а

[1]) По общему правилу права (за исключением разве семейных прав) свободно передаются без согласия обязанного, обязанный же своих обязанностей передавать не в праве. Исключения, как в одном, так и в другом случае, специально оговариваются.

[2]) См. R. Saleilees, Déclaration de volonté.

[3]) Подробнее см. мой доклад: „П. Стучка. Классовое государство и гражданское право". Москва 1924.

не между людьми и вещами, *об'ектами права,* как полагают многие буржуазные, и не только буржуазные, юристы. *Отношения между человеком и вещью* относятся к другим отраслям науки. Суб'ектом права может быть всякое *правоспособное* лицо, притом как физическое, так и юридическое. Юридическим лицом, по нашему гражданскому кодексу, признаются об'единения лиц, учреждения или организации, которые могут, как таковые (последние чрез свои органы или чрез своих представителей), приобретать права по имуществу, вступать в обязательства, искать и отвечать на суде». Юридическое лицо должно иметь устав, утвержденный или зарегистрированный уполномоченным на то учреждением, или, в предусмотренных в законе случаях, товарищеский договор. Но в то время как буржуазные кодексы стремятся к обезличенью отношений в виде прав и бумаг на пред'явителя, у нас права на пред'явителя, по общему правилу, не существуют, а исключения разрешаются лишь в особых законах. Даже акции должны быть именные, а на пред'явителя они могут быть лишь, как особое исключение.

Я уже сказал, что суб'ектом права быть может только лицо правоспособное. Это лицо должно существовать, т.-е. быть рожденным, или, по крайней мере, быть зачатым и не быть умершим, а юридическое лицо должно быть зарегистрированным, а если это не требуется, то оно существует со дня подписания договора или устава. Подробности этого вопроса относятся к отдельным отраслям права.

Суб'ект права может быть *активным,* т.-е. *правомочным,* или *пассивным,* т.-е. *правообязанным.* Он, в двухсторонних договорах, может быть одновременно тем и другим. Требование, притязания, право — с одной, обязанность, обязательство, — с другой стороны. Такова схема юридического отношения. Об'ектом права называется содержание отношения, т.-е. то, по поводу чего состоялось данное правоотношение.

Как известно, буржуазная наука всю совокупность конкретных правовых отношений называет *правом в суб'ективном смысле.* Напротив, правом в об'ективном смысле она называет не право, с точки зрения *об'екта,* т.-е. содержания этих отношений, а *всю* совокупность, или *всю систему* действующих *правовых норм,* т.-е. попросту свод законов. Значит, буква формы у них считается *самым об'ективным элементом* права. Но вслед за тем и в понятие суб'ективного права она вносит не просто понятие права, относящееся к данному суб'екту права, а понятие права, как нечто *прирожденное* суб'екту, как известное «отвлеченное право человека» в смысле известной декларации французской революции.

При нашем правопонимании, если бы мы пользовались этими словами, мы, конечно, об'ективного элемента искали бы не в законе, и, в особенности, не в его букве, а в конкретных общественных отношениях, образующих всю правовую систему. Суб'ективным же элементом у нас было бы тогда скорее всего то суб'ектив-

ное изложение, какое эти конкретные отношения получают в законе. Но я не предлагаю ввести у нас эти новые обозначения, как бесцельные. А, между тем, на эту тему в буржуазной литературе писалось чрезвычайно много. Ибо только таким путем они нашли возможным примирить две области, связи которых они не понимают до сих пор: сферу конкретных правовых отношений и сферу абстрактных отношений, т.-е. правовых норм.

Ведь буржуазные юристы сами (см. проф. Коркунова: «Лекции», — стр. 119) заявляют: «Необходимо, однако, оговориться, что в юридической последовательности *не об'ективное право предшествует суб'ективному, а наоборот,* суб'ективное — об'ективному... Раньше создаются отдельные суб'ективные права, а уже потом общие регулирующие их нормы». И вот над примирением этих двух сфер, сферы суб'ективного и об'ективного права, идет вековая работа всей науки и техники правоведения. Только в названиях (но отнюдь не в понимании их содержания) более или менее согласна вся буржуазная наука.

Мы, рассмотрев вкратце понятие и оба полюса правового или юридического отношения, должны остановиться на сопоставлении конкретной и абстрактной его формы. Мы уже видели, как отличаются друг от друга и расходятся конкретная и абстрактная формы общественных отношений. Мы также видели, что в основе этого расхождения лежит глубокое противоречие классовых интересов. На языке юристов это называется «спором о праве», и они изобрели особый «беспристрастный и независимый» суд для примирения этих интересов. Но не только классовые, еще и групповые, и личные интересы осложняют эту задачу, и мы в буржуазном мире ежедневно имеем тысячи дел, в которых стороны, или их ученые защитники, отстаивают с одинаковым увлечением каждый правоту своего интереса, каждый свою «справедливость».

Закон из'являет категорическое требование его исполнения. Но согласование конкретного отношения с абстрактным (правовым институтом) возможно только путем известного примирения. На юридическом языке это называется *истолкованием правовой нормы* в применении к конкретному случаю. Закон не допускает внутренних непримиримых противоречий; даже в случае «неполноты, неясности или противоречий» закона юрист приступает не к отрицанию, а к толкованию закона. Он в этом толковании исходит не от жизненных отношений, а от буквы закона, при недостаточности буквы берет на помощь соответствующий отдел, а то и целый кодекс или всю правовую систему. «Действуя совместно в данном обществе, нормы по необходимости образуют из себя одно связное целое. На этом основано систематическое толкование» (Коркунов).

Могут быть три случая расхождения конкретной и абстрактной формы общественных отношений: 1) закон отстает от жизни (контр-революционное право), 2) закон опередил жизнь (революционное право), и 3) закон по букве не соответствует жизни,

например, заимствован буквально у другой страны, из другой эпохи и т. п. (рецепция), или, наоборот, устарел, потерял жизненную силу, «не гласит». В каждом из этих случаев задача применения и истолкования закона и их результаты иные.

Случаи первого типа массами представлял наш старый режим. Капитализм внес в жизнь такие общественные отношения, каких не знал X том Св. Законов. Но в виду «незыблемости» закона десятки лет лежал втуне готовый проект «нового гражданского уложения». И вот суду, особенно сенату, пришлось заниматься «прогрессивным толкованием» закона. Капиталистические отношения осложняются, и нелегка «квалификация», т.-е. отнесение по качественным признакам к тому или иному институту данного конкретного отношения. Что такое «испольник», рабочий или арендатор? Сенат не нашел единого ответа. Есть ли лес движимость или принадлежность земли, недвижимость? Три раза сенат менял свой взгляд. Закон запрещал переуступать закладную, а сенат это право, хотя и ограниченное, «истолковал». Постепенно толкование внесло целые новые институты, например, «неправомерное обогащение», и это толкование было бы еще «прогрессивнее», если бы большинство сенаторов и вообще судей не были из помещичьей среды, а из буржуазии [1]).

Другой случай—это революция. Революционный закон проводит и революцию организованно. Особенно в периоде необходимого отступления (а это, по словам тов. Ленина, будет, повидимому, явлением общим для всех революций). Тут классовый суд пролетариата стоит на страже интересов революции. Конечно, революционные декреты, законы, кодексы обязательны к исполнению. Но всякая неполнота, всякое противоречие будет истолковываться из *революционной* системы отношений. Так, закон о «введении» гражданского кодекса (ст. 5) ставит основным критерием при толковании: «охрану интересов рабоче-крестьянского государства и трудящихся масс». Другими словами, всюду, где *не защищен положительно законом* буржуазный интерес, законное предположение (презумпция) должно быть всегда в пользу пролетариата и его власти. Конечно, буржуазный юрист постарается расширить сферу защищенного интереса распространительно для буржуазии, но «введение» (ст. 6) того же кодекса ставит тут определенную преграду: «Воспрещается толкование постановлений Кодекса на основании законов свергнутых правительств и практики дореволюционных судов». Или примечание I к ст. 59 Кодекса: «Бывшие собственники, имущество которых было экспроприировано на основании ре-

---

[1]) Характерно для буржуазного строя то, что там почти никогда не прибегают к так называемому аутентическому толкованию, то-есть толкованию со стороны самого законодателя. Оно об'ясняется тою фикциею непогрешимости законодателя, на которой основывается принцип незыблемости закона. Отчасти и интересами сословия юристов. Наш революционный строй от этого греха свободен: он не боится признания своих ошибок.

волюционного права или *вообще перешло во владение трудящихся до 22 мая 1922 г., не имеют права* требовать возвращения этого имущества». Вот, в каком направлении будет работать классовое правосознание рабоче-крестьянского судьи. Но, конечно, у нас «толкование» никогда не должно играть той роли, как при буржуазном «незыблемом законе». У нас дополнения или изменения закона проходят быстро.

Остается третий случай: закон буквально *не применим.* Такой случай может быть в революционные моменты, когда закон недостаточно оценил силу старой системы. Закон проводится в жизнь, но либо безрезультатно, либо в измененном виде. Или когда происходит рецепция чужого права (напр., римского, см. гл. 6), то он уже при его введении может быть иначе понят самим законодателем; он заимствуется *в неверном понимании.* Маркс был даже того мнения, что это последнее является *общим правилом.* Интересна и поучительна в этом отношении полемика между Марксом и Лассалем.

Лассаль в своей «Системе приобретенных прав» доказывает, что римская форма полной *свободы завещания* (с полным и свободным исключением кровных родственников) вытекает из всей истории, мифологии, психологии и т. д. римского народа, как специфически римский правовой институт, который в Западной Европе не мог бы самостоятельно развиться. Маркс на это ответил, что институт завещания, хотя и позаимствован из римского права, *в буржуазном обществе должен иметь свой самостоятельный корень* (письмо Маркса Лассалю от 11 июня 1861 г.). А в следующем письме Маркс пишет: «Что это, т.-е. такая полная свобода завещания, соответствует сущности свободной конкуренции и основанному на ней обществу, не подлежит сомнению, так же мало, как и то, что римское право усваивалось современным обществом *в более или менее видоизмененном виде,* потому что *правовое представление,* какое имеет о себе суб'ект, носитель свободной конкуренции, *соответствует представлению римской личности,* при чем я здесь не касаюсь весьма существенного обстоятельства, что *правовое представление* об известных отношениях собственности, как бы оно *не вырастало из последних,* с одной стороны, все-таки *не вполне совпадает и не может совпадать* (congruent sein) с ними. Что эта рецепция римского духовного завещания первоначально (а в научном сознании юристов еще по сие время) основывается на недоразумениях, ты доказал. Из этого, однако, не следует, чтобы завещание в его *современной форме... было просто неверно понятое* римское завещание. Иначе можно было бы сказать, что *всякое завоевание предыдущего периода,* когда оно усваивается позднейшим периодом, не что иное, как *неверно понятое старое* (Маркс приводит примеры)... *форма, неверно понятая,* как раз является тою общею формою, которую *на известной ступени развития можно сделать общеупотребительною*».

На этом письме, к сожалению, прервалась переписка между Марксом и Лассалем; она характерна для понимания Марксова взгляда на идеологию права и правовые отношения, а именно в том смысле, что реальные отношения сильнее механически усвоенного института, который поэтому соответственно видоизменяется и неправильно понимается даже прежде, чем быть усвоенным. Значит, Маркс ясно и отчетливо подчеркивает перевес в праве конкретной формы (I) над абстрактными формами (II и III).

Но рядом с общественными отношениями, ставшими юридическими, существуют массами или единицами отношения производства и обмена, не поддающиеся подведению под какой-либо юридический институт [1]). Это могут быть отношении иррелевантные или безразличные, с точки зрения права. Норма их ни запрещает, ни разрешает, ни насилует подведением под какой либо закон. Они не входят в правовую систему, но и не преследуются. Туда относятся обычаи, насколько таковые ни узаконены, ни запрещены. Далее идут прямо неразрешенные, т.-е. незаконные, отношения; идут, наконец, преступные отношения, может быть, даже массовые, как контрабандные. На абстрактные формы, закон и идеологию, они своим количеством, конечно, оказывают влияние, особенно в переходные эпохи. Мы лучше всего видели, как повлияли и на закон и на идеологию массовые антикоммунистические отношения периода военного коммунизма. Результатом было изменение всей системы, т.-е. добровольное отступление, но только отступление частичное, в интересах наступления. «Во всех формах общества одно определенное производство превосходит все остальные, и его отношения определяют и значение (буквально, чин), и влияние всех прочих. Это общее освещение, распространяющееся на все прочие цвета и видоизменяющее их в их особенностях. Это особый эфир, определяющий удельный вес всего сущего в нем». (Маркс, «Введение к критике полит. экономии»).

Особенно ярко видна беднота мысли и приемов буржуазного правоведения, ограничивающегося в правовых изысканиях — законом или нормою и выраженными в них институтами, по сравнению с тем обилием материала, который открывается перед нашими глазами, если принять за основу исследования реальные общественные отношения и их системы. Тогда становится понятным многое, до сих пор непонятное, не только в законах, но и в идеологии вековых трудов «сословия юристов». Осветит, с этой, т.-е. классовой, точки зрения так называемое «развитие юридической мысли» будет задачею следующей главы.

---

[1]) Т. Пашуканис („Общая теория права", стр. 41) пишет: „т. Стучка не в состоянии ответить на ядовитый вопрос проф. Рейснера: каким образом социальные отношения превращаются в юрид. институты, или каким образом право превращается самого в себя". Эта страница, напечатанная годом раньше, чем работа т. Пашуканиса, поясняет недоразумение. Общественное отношение есть понятие более широкое, чем отношение правовое. Этот некоторый плюс заключается—в *организованной*, т-е государственной *власти класса.*

9. История дореволюционного правопонимания.

По осуществу своему наука правоведения (юриспруденция) всюду и всегда считалась наукой «идейною», что не мешало ее жрецам, юристам, всегда и всюду быть на деле самыми от'явленными «материалистами». И в самом деле, взгляд на *право,* как на норму поведения, как на руководящее начало общественной жизни, естественно подготовлял в головах юристов благоприятную почву для всякого рода идеалистических течений. Еще римский юрист (Celsus), получивший в наследство непосредственно из истории своего города юридический язык, на каждом слове напоминающий чрезвычайно материалистический характер права («следы крови и пота»), запечатлел свой взгляд на право в словах „jus est ars boni et aequi": «право (или, вернее, правоведение) есть искусство (ars) правды и справедливости». А наследники этого «праведника», «сословие» юристов, в этом отношении являются «настоящими артистами» [1]).

Но, как ни странно, нет другого предмета, об'ективное исследование которого лучше подтвердило бы на каждом шагу материалистическое понимание истории, чем именно изучение права и науки о праве. И если есть область, в которой уместно иногда самое прямолинейное материалистическое истолкование явлений, то это как раз область изучения истории права и его теорий. Не только то обстоятельство, что наука о праве всегда плелась в хвосте прочих отраслей человеческих знаний вообще, но, особенно, то, от какой науки она в каждый данный момент черпала свои научные «законы» и методы, является самым красноречивым свидетелем в пользу материалистического понимания истории вообще. По очереди — механика, биология, психология «диктовала свои законы» и приемы юриспруденции, но ни та, ни другая, ни третья взамен ничем не обогатились от науки права, если не считать коекаких «самовольных» поправок и «раз'яснений», вносимых юристами всякий раз, когда «закон» той или иной науки «не вышел туда, куда его повернул» ученый юрист [2]). И только самая младшая из наук — социология, впрочем, всегда являвшаяся лишь как бы двоюродною сестрою юриспруденции и проделавшая с математическою точностью тот же ход развития, как и правоведение, в ее буржуазном издании скорее успела подпасть под влияние юриспруденции, чем овладеть последнею.

---

[1]) Если даже принять искусственный перевод этой фразы, предлагаемый Пунчартом, что „право есть гармоническое согласование интереса и справедливости", то наш вывод от этого нисколько не изменится.

[2]) Ср. исправленную проф. Петражицким науку психологии.

Мы в предыдущих главах уже видели, как и почему чрез всю историю развития права красною нитью тянется дуализм сферы действительного права, — с одной стороны, и «идеального», — с другой, области *положительного* (или, как любят выражаться, — «искусственного») и *естественного* (т.-е. существующего *только в идее),* аттрибутивно-нормативного и интуитивного и т. д. права. Эти сферы то друг от друга удаляются, то сближаются, а никому и в голову не приходит об'яснить это явление просто из противоположности интересов, из борьбы классов. Лишь в моменты великих переломов, социальных революций, когда берет верх новый класс, чувствуется известное сближение или, на один момент, даже как бы об'единение этих сфер, ибо «только во имя общих прав всего общества особый класс может захватить власть» (K. Marx, Nachlass, I — 395). Только во имя всей нации, например, буржуазия Франции победила в великой французской революции.

В обыкновенное же время этот дуализм настолько глубок, что положительное право, в лице, «сословия юристов», и «идеальное» право, в лице философии права, отделяет друг от друга целая пропасть. Читайте, напр., вопль проф. Шершеневича [1]). «В то время, как юристы занимались исключительно толкованием и систематизированием норм положительного права, философия права разрабатывалась по преимуществу лицами, весьма мало или даже вовсе непричастными к правоведению. Одни изучали право, как оно дано им в нормах, не задаваясь мыслью о том, каким оно должно быть, и даже может ли оно быть иным, а философы создавали идеальное право, не зная, что такое право в действительной жизни, и как применяются его нормы». Мы еще увидим, что Шершеневич неправ, что эти философы были практичнее, чем им самим казалось.

Говорить о науке права там, где не было права, как мы его понимаем, конечно, не приходится. Но те зачатки, так сказать, первые намеки на научное понимание права, которые мы находим в эпоху классической древности, безусловно ближе подходят к пониманию самой сути этих отношений, чем разные буржуазные школы юриспруденции вплоть до новейших времен. Древняя «философия права» классической Греции, напр., при всем своем идеализме, меньше витала в облаках, чем разные умствования философов нового времени.

При тогдашнем взгляде на связь человека с внешнею природою, а равно на связь человека с человеком, не могло быть того индивидуализма, той оторванности от социальной среды, которою отличаются разные философские школы рассвета буржуазной эры. Роль личности даже у Платона строго пассивная, а изречение Аристотеля, что человек является гражданином (вернее, горожанином — от «полис»—«политикон»), т.-е. членом городского общества свободных людей, характеризует весь общественный строй этого периода. В римской жизни право, как *классовое господство,* уже

---

[1]) См. его „Общая теорія права", стр. 15—16.

определилось ясно, заметен уже и изивестный дуализм между положительным правом и, так называемой, справедливостью, которая там проявляется в разнице между буквою формального права и раз'яснениями преторов и их наказами, между правом гражданским, «квиритским» и правом «инородцев» (jus gentium), как громадного большинства всего государства и, так называемым «jus naturale», которому, по определению римского юриста, природа одинаково учила всех животных, безразлично, родились ли они на земле или в воде. Но это последнее право, повидимому, относилось в первую голову к рабам, ибо сам означенный юрист говорит о расторжении брака, о воровстве и т. д., что вовсе не может относиться к зверям и рыбам. А сопоставление людей с животными и рыбами, которое так смущает ученых, являясь только пояснением, что раб приравнивался к животному.

Средневековое право само по себе не могло создавать дуализма, ибо феодальное право было откровенно правом сильного, правом кулачным и находилось под прямым покровительством феодального бога, вернее — феодальной церкви, являющейся одновременно и самым крупным феодалом. Средневековое крестьянство не создавало своей прогрессивной идеологии и даже в моменты революционные ссылалось на свои древние обычаи родового быта. И только восходящий класс, городская буржуазия, выступила на сцену со своим новым мировоззрением в виде «естественного права». С этого момента начинается тот ярко выраженный дуализм в праве, о котором я вскользь уже упомянул.

Так называемое естественное право в смысле нового времени впервые выдвигает Фома Аквинский (1225—1274), значит, *итальянец,* схоластик-монах. За ним идет также итальянец Маккиавелли (1467—1527), известный не столько своим естественным правом, сколько своим чисто материалистическим пониманием истории. Первым светским проповедником естественного права считается *голландец* Гуго Гроций (1583—1644). Затем философия права укрепляется в *Англии,* переходит во *Францию,* и заканчивает свой путь в *германской* философии XVIII—XIX века. Возьмите любой учебник экономической истории Европы и вы увидите, если вы этого не знали и без того, что это шествие теории естественного права по очереди и по времени вполне совпадает с ходом развития современной, капиталистической частной собственности, вообще капитализма. И если присмотреться ближе, то *естественное право* так и не представляет *ничего иного,* как только правовую, т.-е. *политическую программу* восходящего класса *буржуазии,* вернее, намечание ее экономической программы и последовательное развитие последней. Можно было бы прибавить: часто весьма примитивное искание, ибо все эти попытки найти «основное естество» человеческой природы, для извлечения из него соответствующей формулы «духа законов», весьма напоминают попытки алхимиков средних веков открыть философский камень (Stein der Weisen)

Родоначальником естественного права, как я уже сказал, некоторые считают *Фому Аквинского,* хотя и несколько условно. В действительности он стоит еще на границе старого и нового мира, с безусловным уклоном в сторону прошлого. И это вполне понятно, ибо он имеет перед собою еще свежие остатки первобытного коммунизма в форме того, что я назвал полукоммунизмом, почему он и открыто признает, что и ныне *все* (в первую очередь, конечно, земля) *по природе* должно быть признано общим. Но он это свое положение естественного права истолковывает лишь в том смысле, что *все блага природы* действительно созданы для *содержания всего человеческого рода,* и природа сама не считала нужным раздел этих благ. Но, продолжает он, эту общность благ осуществлять можно как путем *коммунизма,* так и путем *частной собственности.* Первый, т.-е. коммунизм, возможен был только в естественном состоянии невинности в раю, но после грехопадения естественным состоянием необходимо признать частную собственность. Человек простым умозаключением приходит к выводу о необходимости для нынешнего общества частной собственности. Он, однако, имея перед собой еще слишком свежие воспоминания старого родового коммунизма и вытекавшую из него обязанность церкви насчет «десятины» (beneficium) содержать нищих, подчеркивает обязанность *владельца благ к подаяниям* в пользу бедных. Но эта обязанность у него уже имеет характер чисто *добровольного* подаяния (Liebesgaben), обусловливаемого лишь действительною нуждою. Частная собственность у него все-таки существует *ради людей,* а не наоборот. Он — противник накопления крупной собственности, его идеал — *сильное среднее сословие.*

Несравненно более, а местами даже очень и очень современными, звучат взгляды другого известного *итальянца, Маккиавелли.* Буржуазная наука, в виду его чрезмерной откровенности, в нем видит только дьявола-дипломата, но сильная его сторона не дипломатия, а равно не естественное право, но его вполне *современное материалистическое понимание истории,* которую он излагает, по своему личному опыту, в своей истории гор. Флоренции.

Эта его работа великолепно использована т. М. Н. Покровским в его брошюре об экономическом материализме. Он является настоящим предвестником буржуазии, когда он уже в конце XV века провозглашает то, что наступило лишь на три столетия позже, а именно, что из понимания государства надо изгнать богословское начало и в него внести понимание чисто *натуралистическое,* признавая его продуктом потребностей и интересов. В конечном выводе он требует *отделения* (точнее, *освобождения) государства от церкви* (XIX век после победы государства ставит вопрос наоборот: отделение церкви от государства).

Проходит после Фомы Аквинского более 300 лет бурной эпохи крестьянских революций и церковной реформации: в *Нидерландах* появляется первый настоящий *представитель буржуазной фи-*

лософии права — Гуго Гроций. Он круто порвал с учениями классической древности, ибо он кладет в основу своего учения *не природу вообще, а природу человека.* Он резко противопоставляет *историческому праву — вечное, неизменное, подобное законам природы право,* основанное на естестве, на природе человека. Для него теряется грань между понятием естественного права и нравственностью. Его, как и всего течения естественного права, *характернейшим* признаком является его *индивидуализм. Но он отдает* дань еще и своей эпохе: он считает естественным состоянием человека состояние общественное и основным его влечением — *влечение к общению* (appetitus societatis(Светский ученый, по образованию математик, он находится в известной степени под влиянием протестантизма. А основное его правопонимание им взято из отношений международных; его первая и известнейшая работа относится к международному праву: «De jure pacis ac belli, libri tres,1625». Итак, этот первый светский представитель естественного права стоит на платформе *частной собственности,* но он чужд еще чистого принципа индивидуализма.

Значительный шаг дальше к *буржуазному индивидуализму* делает англичанин Гобз (Hobbes, 1588—1679). Он целиком находится под влиянием современного ему учения о природе, в котором спокойное созерцательное направление Аристотеля, его взгляд на природу, как на материю и форму, сменяется взглядом на природу, как *на материю и движение.* Эта мысль *о движении,* как об основном свойстве природы, Гобзом было прямо заимствована у Галилея, которого он знал лично и прославлял, как первого человека, открывшего нам двери в физику. В отличие от Гроция, Гобз в поисках основного естества человека *отвергает общительную природу у человека* Человек человеку—зверь (lupus—волк); он руководится только любовью к себе, а не ближнему, его влекут лишь честь и польза, а удерживает только страх. Естественное состояние—это состояние постоянной борьбы из-за жизни и благ жизни. Выход из этого естественного состояния—безусловная передача всех прав государству (образно: Левиафану), которое он приравнивает к человеческому организму. Только государство устанавливает частную собственность и само в праве неограниченно распоряжаться как этою собственностью, так и самими людьми. Люди же подчиняются государству безусловно и остаются сами *абсолютно бесправными.* Но, будучи идеологом класса капиталистов, откровенно проповедующим *диктатуру* государства, он признает все-таки и известную свободу, а именно, об'ективное устранение того, что препятствует движению (т.-е. промышленному развитию); в этом отношении власть должна быть тем, чем в реке, по отношению к течению воды, являются берега.

Английская буржуазия своим настоящим пророком признала другого философа, *Джона Лока* (1632—1704), вскоре сделавшегося монополистом по поставке философских взглядов для всех эконо-

мистов не только в Англии, но и во Франции и Италии. И Лок исходил от методов науки о природе; он находится, главным образом, под влиянием Ньютона. Он делает еще шаг дальше в направлении к индивидуализму, чем Гобз: в естественном состоянии, по его теории, *все могут делать все*. В целях самоограничения люди *добровольно* образовывают государство, но власть его не должна быть абсолютною (это намек на идею *правового* государства), а *главною целью государства* является *неприкосновенность собственности*. Таким образом государство является *первою законодательною властью*, и *высшая власть в мире* это—*закон*. Но, прибавляет Лок, законы природы и против закона государства своей силы не теряют.

Так, английское естественное право лишь робко высказывает то, что уже *было завоевано* в Англии, т.-е. современный капитализм, индивидуализм и демократизм. Но только на французской почве естественное право приняло ярко революционный характер. Чтобы дойти до своего крайнего индивидуализма, ему надо было пройти еще школу рационализма *Декарта* (1596—1650) с его протестом против всякого авторитета во имя разума. В результате этого развития мы получаем знаменитый Contrat social *Ж.-Ж. Руссо* (1712—1778), как квинт-эссенцию всей французской философии права. «Договор» Руссо существенно отличается от предшествовавших ему социальных договоров (напр., Гобза) тем, что он *отстаивает безусловный и неограниченный суверенитет народа*, ибо только народная воля имеет решающее значение, только она создает законы. Но *идеальным* состоянием Руссо считает *естественное состояние дикарей*, нецивилизованного человечества. Из этого состояния людей вывела частная собственность и появившееся вслед за нею неравенство, как следствие разделения труда. Золотым веком человечества Руссо считает его естественное состояние равенства. Но он исходит, как из факта, из существования общества-государства, и вовсе не считает социальный договор в прошлом действительным фактом, а лишь «умственным», воображаемым фактом. Руссо далек от социалистических мыслей и *неприкосновенность небольшой* частной собственности считает идеальным естественным правом, во имя неприкосновенности которого он провозглашает *право революции*, т.-е. возвращение вновь в естественное состояние для действительного заключения нового социального договора.

Эта идея революционного естественного права получает свое осуществление в великой французской революции. Декларация прав человека и гражданина, как 1789 г., так и 1793 г. об'являет положительным законом *естественное право* человека на *обеспеченность его права частной собственности средствами государства*. Социальный договор принял реальный вид *буржуазной демократии*. Декларация, называя в числе естественных прав, рядом с частной собственностью, как основанием всякого неравенства (см. Руссо),

равенство (egalité), политическое равноправие, отводит неравенство экономическое [1]), в сферу неприкосновенного «частного дела».

Дуализм между естественным правом или философиею права и положительным законом *бесследно исчезает* в великой французской революции, и мы более не находим, не только во Франции, видных представителей естественного права вплоть до самого конца XIX столетия, когда в буржуазном и с.-дем. лагерях—в числе многих прочих «назад»—раздаются и голоса: «Назад к естественному праву!». Основанием для подобного явления было, конечно, нарастание в сознании масс новой пропасти между отживающим свой век буржуазным строем и будущим социальным строем, когда одинаковые причины вызывают одинаковые следствия.

Дуализм в праве исчез с об'единением естественного и положительного права лишь для того, чтобы продолжать свое существование *дуализма,* скрытого в самом положительном праве, т.-е. в виде того лицемерно скрываемого противоречия между словом и делом, между писанным законом и действительным правом буржуазной демократии, как особенности, характеризующей все буржуазное общество. И это внутреннее противоречие было необходимо. Буржуазия в революции победила во имя всего народа, сама сразу не сознавая того, что она представляет только класс меньшинства. Это был период *бессознательного лицемерия.* Оно становится сознательным, по мере того как выступает и крепнет сознательная против него борьба пролетариата.

Естественное право исчезает одновременно с победою буржуазии во французской революции. Германская философия права имеет совершенно иной характер. «Как не похожа французская философская революция на немецкую! Во Франции представители философского движения вступают в открытую борьбу с официальной наукою, с церковью, часто даже с государством; их произведения печатаются за границею—в Голландии или в Англии, и они сами нередко переселяются в Бастилию. В Германии же во главе движения профессора, самим государством назначенные учителя молодежи; их сочинения—одобренные правительством учебники, а гегельянство, увенчавшее все здание философской эволюции, возведено в чин государственной философии прусского королевства.

---

[1]) Куда откровеннее в этом случае Аристотель. Он исходит из фактического *неравенства* людей и понимает справедливость, как предоставление прав и почестей соответственно именно этому неравенству. Идея *равенства* это—идея мелкого товаропроизводителя, возникшая в области товарообмена на основах эквивалента. Энгельс в своей статье против юристов-социалистов пишет: „Воображали, что правовая норма происходит не из экономических фактов, а из формального признания ее государством. И так как конкуренция, основная форма взаимоотношений свободных товаропроизводителей, является величайшею уравнительницею, то равенство пред законом стало главным лозунгом борьбы для буржуазии. И пролетариат вначале перенял от юридического мировоззрения правовое равенство, превратив его в социальный лозунг о несправедливом разделении продукта труда“ (Ср. определение Каутским понятия класса, в III отделе).

Неужели же за этими профессорами, в их педантически темных выражениях и тяжелых скучных периодах, скрывалась революция?»—так Энгельс (в своем «Фейербахе») характеризует разницу между Франциею и Германиею, чтобы тут же показать, как ошиблись в этой оценке и правительство, и самодовольные филистеры. Эта философская борьба идей оказалась лишь подцензурною формою той же борьбы, как и во Франции. Но остается все-таки существенное отличие этой, как говорит Маркс про Канта, «немецкой *теории* французской революции» от самой революции, как существует пропасть между великой французской и германскою революциею 1848 г. Смелый лозунг «естественных прав» гражданина заменяется в Германии смиренным философствованием *о гражданских обязанностях*. Эту особенность метко подчеркивает немецкий профессор Вундт (Das Recht, стр. 77): «Германская этика («философия морали») имеет одну особенность, которая перешла и в философию права: ту подавляющую (überwiegend), роль, какую в течение целого столетия, считая с Лейбница до позднейшей (так называемой) «популярной философии», играло понятие обязанности, так что этика является учением об обязанностях (о долге), а естественное право в применении к гражданскому праву получает форму учения о естественных полномочиях (Beufgnissen) человека по отношению к человеку».

Самым типичным и одновременно самым знаменитым среди этих философов является Им. Кант. Как отмечает Меринг, еще при его жизни, о нем по-немецки было написано 2672 книги! Это в XVIII столетии! И в нем дуализм буржуазного мира, о котором мы уже говорили, получил свое философское обоснование. «Кант— дуалист: он позволяет идеологии господствующего класса быть материалистом в науке и в то же время придержаться идеализма в сфере познаний, которые об'являются лежащими вне пределов научного понятия». (Плеханов, в предисловии к работе Деборина: «Введ. в фил. матер.»). Как его предшественник Юм, так и Кант, в своей философской системе исходит от самого человека, ибо для них человеческая природа есть единственный предмет человеческого знания, и всякое познание сводится к самопознанию. Вещи в себе для Канта непознаваемы, но эти вещи действуют на чувственность человека, и, лишь производя впечатление на его чувственность, становятся явлениями или представлениями, существующими, таким образом, лишь в нас самих. Итак, вещи у Канта превращаются *в мысли о вещах*. Это, так называемый, мир чувственный, царство необходимости, где в полной силе закон причинной связи. Но, кроме этого мира, существует другой мир — сверхчувственный, царство свободы, куда относятся вещи в себе, об'екты интуиции без посредства чувств.

Априорные веления этой области, заповеди, сознание долга, составляют то свойство человека, которое называется нравственностью, которое побуждает человека свободно, без принуждения исполнять обязанности, т.-е. нечто отличное от естественных велений человека. Этому миру противопоставляется другой мир, где

поступки человека могут быть и вынуждены, соответствовать, подчиняться внешним законам. В одном случае—*добровольное подчинение* требованиям нравственности, в другом случае—*вынужденный, лояльный* (законный) поступок. В одном случае—категорический императив, априорное веление, в другом—императив условный (гипотетический), соображение цели поступка со средствами. Итак, *нравственность и право*—два различных мира: поступки могут быть вынуждены, мнения—нет. Но вообще философия права самая слабая часть учения Канта [1]), так как, в конце-концов, и право у него—не продукт эмпирического интереса, а понятие, относящееся к общему, необходимому назначению человека, ибо цель права у Канта—установить условия, при которых произвол одного может быть примирен с произволом другого по общему закону свободы. Ибо «что такое право, как не примирение борьбы интересов и страстей, вызванное прикосновением нравственной жизни»? Затем Кант повторяет смягченное им учение Руссо «contrat social», ибо и у него в первобытном состоянии право имеет лишь подготовительное значение, а полное свое значение оно получает лишь с появлением государства, которое может быть и результатом общественного договора.

Я остановился подробнее на Канте потому, что «назад» к нему зовет уже несколько десятилетий часть нашей контр-революции, именовавшаяся тогда революцией. Сам Кант своему дуализму остался верен и по отношению к революции. Он вначале приветствовал французскую революцию в идее, как победу чистого разума, пока революция шла с согласия короля. Он отвернулся от нее, как факта, т.-е. как только революция приняла революционный вид (1793 г.). А еще ярче проявляется дуализм Канта в его религиозной философии [2]).

В то время, как философия Канта «идею» рассматривала, так сказать, в положении покоя, *идею в ее движении* поставил предметом своего анализа другой философ-идеалист, Гегель. Но, кроме того, он, в противоположность дуализму Канта, монист, и для него мышление и бытие не есть два раздельных мира движения; идею он понимает не эволюционно, но диалектически, как движение через тезис, антитезис—отрицание и синтезис, т.-е. революционно. При этих условиях его рассуждения «о разумном государстве» в

---

[1]) Один из биографов Канта, Аликес, эту противоречивость и неопределенность его в вопросах о философии права характеризует, на основании посмертных материалов, следующими словами: те же мысли в том же порядке повторяются у него опять и опять. Как будто бы Кант находится в „treadmill'e“.

[2]) Меринг приводит одну характерную для Канта черту: „Кант защищает пастора, который, вопреки категорическому императиву о лжи, с кафедры проповедывает учение, в которое он не верит. Он, говорит Кант, поставлен для проповеди определенного учения, его внутреннее отношение к этому учению остается его „частным делом“ (Privatsache). Не оттуда ли пункт программы герм. с.-д. пр. „Religion ist Privatsache“? Он сам добровольно „дал подписку“ королю не касаться в своих лекциях вопроса о религии и добросовестно исполнял эту подписку.

Пруссии получают особый смысл, ибо только то, что имеет основание для существования, разумно, и все действительное в области человеческой истории становится в свою очередь неразумным, ибо с самого начала носит в себе зародыш своей неразумности. Наоборот, всему тому разумному, что возникает в человеческих умах, *предназначено стать действительным,* как бы оно ни противоречило существующей, кажущейся действительности. А все существующее достойно уничтожения (Denn Alles, was besteht, ist wert, das es zu Grunde geht. Подобно познанию, и человеческая история не может притти к концу: «все формы общественного быта, сменяющие друг друга, являются только переходными ступенями бесконечного хода развития человеческого общества от самого низшего все к более и более высокому состоянию».

В философии права Гегель *отрицает противоположность естественного права и положительного.* Естественным правом, или философиею права он называет *разумные основы положительного права.* Но обращая философию права в изучение действующего права, он и эту действительность вместе с тем представляет меняющеюся, как самое мышление. Ибо и государство и право разумны, поскольку они действительны, а поскольку они действительны,— они становятся современем неразумными, т.-е. носят в себе с самого начала зародыш своей неразумности. Только имея ввиду все сказанное, понятно, как официальный философ прусской государственности мог одновременно быть искренним поклонником революции, ибо Гегель не только в письме от 16 апреля 1795 г. к Шеллингу пламенно приветствовал философию Канта, как исходный пункт революции не только мысли, но и самого общества, но и в одном из позднейших курсов по «философии истории» говорит о революции с восторженностью юноши, как «о великолепном восходе солнца». И он действительно *положил основу революционной философии пролетариата,* ибо только чрез Гегеля *Маркс и Энгельс* пришли к своему диалектическому материализму.

Маркс и Энгельс, исходя от диалектического метода Гегеля, пришли к *диалектическому или экономическому материализму.* Я, после сказанного в главе V, на нем более не буду останавливаться. Марксизм не излагал новой философии права, не дал сразу нового понимания права, но он дал метод и материал для такого понимания, которые, однако, остались непонятыми и неиспользованными вплоть до появления книги т. Ленина — «Революция и государство» и вообще до революции 1917 года. А по отношению к «буржуазному», т.-е. юридическому, мировоззрению в области правовых отношений наш марксист еще по сие время ограничивается олимпийским равнодушием, не замечая того хлама буржуазной идеологии, который до сих пор покоится в его же собственной голове. Он страстно ждет того дня, когда наступит момент отмирания этого. как всякого права. но не понял еще, что так же, как он должен пройти особый переходный вид государства, он должен проделать еще и особый вид права, *права советского строя.*

А в то же время, в «науке права» спокойно продолжаются те же или перекрашенные несколько марксистскими белилами рассуждения «об общем» (т.-е. буржуазном) и особенном «советском» (т.-е. на этот раз, конечно, «*противоестественном*») праве.

Я уже сказал, что Гегель был последним, заслуживающим внимания «философом права». Он имел последователей и среди буржуазных юристов. Я уже говорил выше о крупнейшем из них—Лоренце-фон-Штейне, и на нем показал, как буржуазная наука, испуганная революциею 1848 г., перешла в *примирителей* непримиримого, т.-е. ко всякого рода соглашательству, типичнейшим представителем которого является, так называемая, юристская школа социализма, как буржуазного, так и социалистического толков, эта концепция легальной революции[1]), достигшая своего апогея в последней книге Каутского.

Боевой клич революционного естественного права вместе с великой французской революциею исчез, т.-е. он дождался своего воплощения в положительном праве. А внутренний дуализм права получил свое классическое выражение в пошлейшей из всех философий права, в теории Иеремии *Бентама* (1748—1832). Да все попытки правовых алхимиков найти юридический философский камень в виде чудодейственного слова или чудотворной формулы, выражающих всю сущность буржуазной, а, следовательно, и *вечной,* и *абсолютной* справедливости, нашли исход в Иеремии Бентаме, господствующем над умами юристов по сие время, особенно у нас. Проф. Владимиров еще в 1908 г. писал: «Полное издание сочинений Бентама на русском языке, *столь нужное в настоящее время* обновления нашего строя (т.-е. после революции 1905 г.), ждет еще своего издателя». Проф. Коркунов на нем кончает свою историю философии права. А любое сочинение виднейших юристов (см., напр., известного цивилиста И. Покровского, «Основные проблемы гражданского права—1917 г.») так и испещрены ссылками на этого «мага-волшебника» юридической мудрости.

Вы помните, что Маркс в I томе «Капитала» про Бентама говорит: «Если бы я обладал смелостью моего друга Гейне, я бы назвал Бентама гением буржуазной глупости». Он написал в буквальном смысле слова горы книг, наполненные банальностями, выведенными для науки права не из отвлеченной идеи, из разума идеального человека, но из природы—«нормального» английского

---

1) „Идея революции законным путем—это противоречие в самом себе, практическая невозможность“ (письмо Энгельса 1891 г.). „Автор должен был себе сказать, что революции не делаются законами „(Marx-Kapital“ 1, 679). Совершенно противоположного мнения держатся оппортунисты. Некоторые из них (юристов-социалистов) идут так далеко, что говорят: „Или социализм будет социализмом правовым, или его совсем не будет“- Андлер вообще социалистическими называет те учения, „которые надеются достигнуть устранения нужды (Elend) реформою права“ (см. Ed. Laskine, Die Entwickelung d. Jurist-Soz. Archiv Grünberg. III). И надо сказать, что это определение можно назвать еще радикальным по сравнению с тою дрянью (Quark), что дала нам на западе революционная эпоха после 1918 г.

филистера. Его утилитарный принцип, принцип пользы—не был его изобретением, он «только бездарно повторял то, что даровито до него излагали Гельвеций и др. французы XVII ст.». «*Личный интерес* для него—движущая сила всех действий. Но все интересы, если они только правильно поняты, находятся во внутренней гармонии между собою. Правильно понятый интерес индивидуума есть в то же время и общественный интерес. Ибо именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии вещей или под руководством всехитрейшего провидения осуществляют лишь свою взаимную выгоду, свою общую пользу, свой общий интерес» (Маркс, см. «Капитал», I том). Итак, «верховным принципом для человеческой жизни является начало пользы. Каждый человек руководствуется при определении справедливости или несправедливости признаком пользы, т.-е. стремления к удовольствию и избегания страдания», таково «идеальное право» Бентама. Теория предельной полезности—одновременно, значит, является и теорией *высшей справедливости*. Все идет к лучшему в этом лучшем из всех миров! «*Возможно* большая сумма счастья для *возможно* большего количества людей», и только! Такова конечная (и скажем, скромная) цель государства,—по учению Бентама. Выше этой теории после Бентама, как мы еще увидим, не поднимается ни одна буржуазная теория о «справедливом», о «должном», о «правильном» праве. «Действующее право создается законом; только эти реальные права сохраняют мир, дают всем покровительство». *Естественное право—это химера*. Такова догма буржуазии после революции в лице Бентама, кстати, выступавшего против революции во время революции, а ставшего на сторону революции, *когда она превратилась в контр-революцию*.

После крушения идеи естественного права у буржуазной науки осталось лишь одно возможное направление: позитивизм-психологизм. И такая философская схема была уже готова у французского философа *Конта* (Comte 1798—1857). Он сводит роль своей позитивной философии к применению в изучении общества общих приемов естественных знаний. А изобретенная им новая наука, социология, как наука о человеке-члене общества, сводится к применению к обществу-государству методов исследования человека, как индивидуума. Его вывод о необходимости для этой науки особой религии человечества мало согласуется с его основным понятием о позивитизме, но как бы нарочно создан для науки о праве, так сказать, светской религии.

Если позитивизм является идеологиею буржуазии, то теорией контр-революции является, так называемая, *историческая школа*, как реакция против революционного естественного права. Она имела своих представителей в лице германских ученых Гуго [1]). Са-

[1]) „Если на философию Канта с полным правом смотрят, как на немецкую теорию французской революции, то естественное право Гуго является немецкой теорией „Ancien regime“ (дореволюционного режима). (Marx, Nachlass, II, стр. 271).

виньи и Пухта. Они враждебно относятся ко всему революционному, ибо право, по их теории, является изложением «национального духа» и медленным его развитием. Маркс в молодости ненавидел эту школу, которая «подлости (Niederträchtigkeiten), сегодняшнего дня стремится узаконить (legalisieren) подлостями вчерашнего дня». Эта школа играла, однако, и тут роль неутомимого собирателя ценного материала, как и исторические школы во всех прочих науках, напр., в политической экономии. Она, как представительница побежденного старого мира, могла более откровенно относиться к фактам, чем лицемерная буржуазия.

Юриспруденция, отделавшись от всяких врачей, математиков и прочих «неспецов» по правоведению, которые исключительно занимались философиею права, превратилась в технику, но технику таинственную [1]). Закон или обычай, вот материал и одновременно результат его работы. Но откуда все это происходит? На этот счет имеется только один *лейтмотив* в самых различных изложениях: *это теория волевого происхождения права.* Это воля бога, божества, разума, человека, человеческого коллектива и т. д., но непременно *воля,* при чем воля понимается, как *воля свободная,* обращающаяся, в свою очередь, к такой же *свободной воле* человека в целях направления его поступков, его поведения. Этим путем могли в лучшем случае дойти до *психологических* теорий о праве, и буржуазная наука дальше и не ушла.

Правда, была сделана попытка и в буржуазной науке повернуть в сторону научной постановки теории права—в лице упоминавшегося уже несколько раз Рудольфа Иеринга (1816—1892). Он откровенно признает *относительность* всякого права и окончательно устраняет *волевую теорию* его возникновения. Это означает завершение того хода развития, которое Энгельс характеризовал, как начавшуюся с XVIII столетия замену религиозного мировоззрения светским, т.-е. юридическим, ибо оно устраняет из науки о праве последний след теологизма. Когда Иеринг смелою рукою написал в своем «Духе римского права», что право это не что иное, как *защищенный интерес,* его утверждение показалось неслыханною среди юристов ересью. «Содержание права—не воля, а интерес». Но чей интерес? У Иеринга либо не хватало мужества, либо не доставало эрудиции, чтобы откровенно заявить: *классовый интерес.* Философ он был плохой; от гегельянства он перешел к психологически-органической теории; в своей «цели права» он ищет спасения в телеологии, и хотя он тут же вырывает всякую

---

[1]) Еще Гегель высмеивал это сословие юристов словами: „Сословие юристов, которое обладает особым знанием законов, *считает часто это своею монополиею,* и кто к сословию не принадлежит, не должен иметь тут голоса. Но как нет необходимости быть сапожником, чтобы знать хорошо ли приходятся ему сапоги, так *не надо принадлежать к цеху, чтобы иметь знание таких предметов, которые затрагивают общие интересы*". И там же прибавляет: „Повесить законы так высоко, как тиран Дионисий, что ни один гражданин не мог их прочесть, является явною несправедливостью" (Philosphie des. Rechts).

почву из-под своей телеологии, понимая *цель* в праве, лишь как принцип *относительный, а не абсолютный,* он в своих рассуждениях «об обществе», как «о совместной деятельности для общих целей, когда каждый, действуя для другого, действует и для себя, действуя для себя, действует и для других» во имя «чувства долга и любви», в конце концов, остается верен своим классовым предрассудкам и остается в об'ятиях все того же *Бентама.* Не спасли Иеринга ни сила его таланта, ни его откровенная искренность; раз он не мог стать на точку зрения классового интереса, само слово интерес в его устах приняло характер той же индивидуальной пользы, а «борьба его за право», как защищенный интерес, сводится к простому сутяжничеству, на котором строил свою теорию «знаменитый» Иеремия Бентам.

Интересна попытка проф. *Сергея Муромцева* освободить теорию Иеринга от телеологии и соединить ее с реализмом, т.-е. с социологическими взглядами Конта. Этот крупный ученый, давший интересные работы по истории римского права и его рецепции, исходит из той предпосылки, что «борьба (спор) идей есть необходимая форма развития права на всех стадиях его существования (образования, применения, падения)», и, ставя своею задачею открыть *«законы развития гражданского права»,* он, по примеру Конта, предметом социальных наук вообще, а стало быть, и правоведения, признает «жизнь человека, как члена общества». Он поэтому предметом своего изучения берет отношения людей к предметам и людям, но, как осложнение, вносит понятие и общественного союза; он все людские отношения, составляющие предмет социологии вообще, делит на 2 разряда: на отношения 1-го разряда, т.-е. такие отношения, в которых суб'ект получает помощь, защиту со стороны окружающих его лиц *против препятствий* всякого рода, которые лежат *вне этого благоприятствующего* элемента; под отношениями же 2-го разряда Муромцев понимает такие, в которых суб'ект отношения получает защиту от препятствий, возможных со стороны *членов самого общественного союза.* Эта защита может быть организованная или неорганизованная, при чем *организованная защита,* осуществляемая определенным заранее порядком и обыкновенно при содействии особых установленных для того органов, и есть то, что *мы называем юридическою защитою*[1]*).*

Итак, по Муромцеву, «*юридическая (или организованная) защита* составляет основное отличительное *свойство права,* своим существованием обусловливающее и выдвигающее другие характерные свойства его»; а само право он понимает, как отношения II-го разряда, защищенные особым своеобразным (организованным или юридическим) способом, при чем его корень лежит в факте организованной защиты. Вся совокупность прав—это то, что называется правопорядком.

---

[1]) С. Муромцев, „Определение и основание раздел. права“, М. 1879.

Вы видите, как близко Муромцев подходит к нашему понятию права, но отсутствие классовой точки зрения губит беспощадно и его. Бессодержательная, абстрактная формула понятия общественных отношений его осуждает на ту же бесплодность, как и Иеринга. И он свою работу заканчивает совсем бесцветным заявлением, что «по всей вероятности, достоверно мнение, по которому *справедливость* обозначала первоначально правовой порядок, к коему должно стремиться взамен существующего порядка, противоположно правовому».

Но кто укажет, к какому? Опять Конт или Бентам?

Мы видим полнейшую бесплодность подобной науки, которая просто игнорирует материалистическое понимание истории. Но после того, как не удалось совершенно замолчать Маркса и Энгельса, повторяется в науке права то же самое, как и в социологии: начинается *буржуазная и «социалистическая» подделка экономического материализма.*

Я где-то читал остроумную сказку про трех братьев Иванов, занявшихся философскими теориями. Из них двое считались умными, а третий дураком. Первые двое погибли на бесконечных противоречиях философских учений, при чем Иван первый спасся, уходя в богословие, а второй попал в дом умалишенных. И лишь третий блестяще решил нерешимую задачу: он не нашел никаких противоречий, он свел все противоречивые данные в единую стройную систему и сделался знаменитостью. А это ведь был Иван третий!

Нечто подобное случилось с вопросом, поставленным экономическим материализмом: определяет ли хозяйство право, как учил Маркс, или, наоборот, право—хозяйство? Над вопросом шли горячие споры в буржуазии и в соц.-демократии. И вдруг в 1896 г. появилась книга Р. Штаммлера, которая в один момент разрешила задачу: хозяйство и право есть *две стороны одного и того же явления;* хозяйство это—содержание, право это—его форма, при чем форма, т.-е. «внешняя норма», в данном случае определяет содержание; значит, примат права и совпадение «правильного права» и социальной закономерности. Никаких противоречий... Ныне Штаммлер знаменитый профессор и «тайный юстиции советник», имеет свою школу в Марбурге, издает вместе с другими толстый журнал, и если буржуазная наука хочет особенно лестно отозваться о ком-либо из социалистов, то она пишет: «*он приближается к Штаммлеру*». Но трудно себе представить что-либо более пошлое, чем его изложение «социального материализма» и его доказательства «примата» права. Само общество, видите ли, есть только совместная деятельность людей, регулируемая внешними правилами. Я уже характеризировал этот способ подхода к социологии, как «*юстификацию*» науки об обществе. И как здесь, так и во всем остальном, теория Штаммлера беспредельно пошла. Его «правильное право» это идея человеческого общества, в котором каждый цели другого превращает в свои, где господствуют

принципы уважения и участия (Achtens und Teilnehmens). Он, однако, отвергает «естественное право». Некоторые нашли в нем лозунг: назад к Канту! Они ошиблись, это просто клич: *назад* к нашему милому знакомому—Бентаму!

Самым видным представителем новейшей буржуазной науки права в России признается проф. Петражицкий. Он свою психологическую теорию начинает оригинально, «раз'ясняя», т.-е. исправляя по надобности науку психологии. Он в этом отношении не одинок среди юристов. Штаммлер также для того, чтобы свое правопонимание подвести под социологию, прежде всего исправил социологию, создав для своих целей свою особую юридическую социологию. Петражицкий сам пишет: «Если исходить из того, что правовые явления суть веления сильных по адресу слабых и т. д., то такие учения, как учения Иеринга о происхождении и развитии права, представляются вполне возможными и естественными». «Если же иметь в виду, что правовые явления суть особого рода этические императивно-аттрибутивные переживания, то эти теории падают». Значит, Петражицкий прежде всего должен был бы доказать свою предпосылку о характере правовых явлений данными науки психологии, но вместо этого он начинает с «раз'яснения» самой науки психологии. Психология до Петражицкого кладет в свою основу односторонние психические элементы; Петражицкому нужны двойственные, и он для этого пишет особую эмоциональную психологию. «Для решения намеченных проблем требуется *образование* и обоснование научной теории соц.-психологических процессов — научной социологии». Но, в конце-концов, он сам откровенно заявляет: «В частности, сама природа нравственных и этических явлений остается до сих пор невыясненною, в высшей степени спорною и различно толкующеюся». А поэтому он сладкими словами зовет в свои об'ятия, между прочим, и последователей исторического материализма: «Между дарвинизмом и историческим материализмом и моим учением нет такого несоответствия и взаимоисключения; напротив, оно представляет большое удобство для экономического материализма: оно по отношению к сведению права к особым психическим явлениям есть, так сказать, готовый ответ относительно происхождения и развития подобных явлений; они—коррелятивы, отражения в психике социальной материи и их содержания в истории, сообразно с изменением социальной материи, как функции последней». И нашлись марксисты, попадавшиеся на эту удочку и пытавшиеся примирить непримиримое, что, конечно, об'ясняется отсутствием всякой иной попытки по-марксистски изложить сферу правовых отношений [1]). Для того, чтобы открыть им глаза, достаточно должно было бы быть большой популярности учения Петражицкого в политических сферах кадетов.

Во-первых, Петражицкий остается верен волевой теории

[1]) Отрыжки психологической теории Петражицкого продолжаются у нас, хотя и в редких случаях, даже после революции.

права, исходя только из воли самого суб'екта и несколько переиначивая само понятие «воли». Во-вторых, он, в конце-концов, возвращается к естественному праву в самой плоской его форме, в форме Бентама, и одновременно попадает в об'ятия Штаммлера.

Вот как об этом повествует сам Петражицкий. Он сообщает, как он в немецкой статье Vom Einkommen» основную идею права открыл—не смейтесь же—*«в идее любви между людьми»* [1]), и что Штаммлер вполне согласен с ним, при условии, что *любовь* эта *разумна* и *взаимна* и понимается, «не как действительно появляющееся ощущение, а как идея гармонического общежития». На это Петражицкий согласен и в ответ цитирует с удовлетворением определение Штаммлером общества, как *«общество свободно хотящих людей»*. Кукушка хвалит петуха и т. д...

Но, если вы вспомните, что естественное право не что иное, как правовая платформа буржуазии, то в качестве формулы естественного права получится весьма идиллический лозунг для кадетской партийной программы: идея любви между людьми или частная собственность империалистической эпохи!

Среди буржуазных юристов несколько особое положение занимает проф. Грацского университета *Гумплович*. Он крайне резко критикует своих юристов-коллег: «Несчастьем надо признать, что вопрос о государстве попал в руки юристов... То, что они там мастерят и строят (zimmern und bauen) имеет интерес только для них самих. Сегодня они выставляют теории, которые они сами завтра разрушают: они говорят о господствующих и побежденных теориях; мир не обращает внимания ни на те, ни на другие» (см. его.Staatsrecht. Schlussbetrachtung). Он там же удостоверяет, что материалистическое понимание истории К. Маркса, по которому на самой глубине лежащие (tiefstliegende) побудительные мотивы всего исторического разавития(а, следовательно, и развития государства) имеют экономический характер, содержит в себе новый и большею частью верный взгляд на государство». Он сам на государство смотрит, как на средство насильственного угнетения большинства меньшинством, и с той же точки зрения смотрит как на право, так и на собственность. Он целиком присоединяется к мнению Раценгофера, что «государство помогает капиталу использовать труд на рабские работы, но одновременно само часто становится рабом капитала». Далее, для него государство, право и собственность всегда являются результатом *борьбы* на почве материальных интересов и несправедливого распределения собственности. И он даже слишком категорически заявляет, что «история не представляет нам ни одного примера, где бы государство возникало не при помощи насилия, а как-нибудь иначе». Но ему чужда классовая точка зрения, он борьбу находит лишь между рассовыми heterogene—разнородные) группами, об'являет тут же

---

[1]) Тут Петражицкий несколько приближается к известному салонному психологу Фрейду (Вене), который находит поклонников и среди наших мерксистов.

Маркса психологическою загадкою, а Энгельса упрекает в том, что он и не подозревает (hat keine Ahnung), что и социальный процесс является таким же процессом природы (Naturprozess), как любой другой и т. д.». Но интересно, какой же вывод делает этот столь воинственный по тону речи мелкобуржуазный анархист-профессор? Он кончает тем, что «приближается якобы компромисс (Ausgleich) в целях удовлетворения противоречивых интересов». «Нынешние социальные условия подвергаются *медленному* улучшению, под'ему и гуманизации». А виною такой медлительности—равнодушие, ограниченность, грубость и варварство людей.

Еще ближе к экономическому материализму—на словах, конечно,—подходит венский профессор *Антон Менгер*. Я его уже цитировал неоднократно, как буржуазного родоначальника так называемого юристского социализма. По языку своему он, пожалуй, ближе всего из всех буржуазных ученых подлаживается к социализму. «Могла ли частная собственность родиться из духа целой нации»? спрашивает Менгер и тут же отвечает: «Нет! Только от насилия, из соотношений власти. Как в Англии, так на материке, только путем войн, революций, заговоров... По крайней мере, в области гражданского права важнейшей части правопорядка, законодательство ограничивалось тем, что оно санкционировало исследованные соотношения власти. А само законодательство является только игрушкою в руках социальных факторов власти». «Весь существовавший до нас правовой порядок в последнем счете возник из соотношений власти и посему всегда преследовал цель способствовать пользе немногих сильных на счет широких масс народа»... Древний мир и средние века это откровенно высказывают... «Даже великая французская революция это зло (Misstände) только прикрыла (verdeckt), а не устранила... Экономические цепи ею были только вновь перекрашены, а не сломлены». «И, предсказывает Менгер, еще *до истечения XX века* (как видите, срок профессором все-таки поставлен осторожно) социальный вопрос станет вопросом дня для всего человечества».

По полету мысли автор опередил не одного из современных социалистов. В своей работе «Гражданское уложение и неимущие классы» он недурно критиковал германский гражданский кодекс, этот новейший труд буржуазной юридической мысли, с точки зрения неимущих классов. Рассматривая теорию юридической школы, он смело опровергает ее теорию постепенного (allmählich) развития указанием на радикальные перевороты, благодаря рецепции римского права к периоду исхода средних веков и перенесению английских конституционных условий в прошлом столетии. Против школы естественного права он выдвигает вполне резонное возражение, что она все сделала для имущих классов.

Казалось бы, что сам бог послал социалистам на помощь такого буржуазного ученого, и я уже отметил, что Энгельс сразу, еще в 1887 г., нашел необходимым ответить ему при первом его появлении с социалистическими проектами, резко раскритиковав

теорию Менгера о праве на весь продукт труда. И в самом деле, Энгельс опять оказался пророком. Эта тенденция вскоре, как зараза, охватила всю социал-демократию и весь социализм. Его мысль—о врастании по *пути права* и притом только легальным путем в новое общество, этот «Juristen-Sozialismus», как его сразу окрестил Энгельс, был лейтмотивом оппортунистов всего мира, начиная с 1890 годов, и остается лебединою песнею их и ныне в роли социал-предателей.

Менгер, пожалуй, моментами даже смелее их, ибо, напр., прямо заявляет, что «о полном вознаграждении при революционной экспроприации (Ablösung) не может быть речи, ибо в таком случае остались бы в силе нынешние соотношения власти». А когда в своей книге Менгер пытался дать схему своего общества будущего под названием «народного (Volkstümlich) государства труда», то ясно вскрылась вся контр-революционность автора, из которой мы, как курьез, уже привели кричащий пример про вероятную монархическую форму этого «рабочего государства» в Германии. История и этот курьез превратила в некоторую видимость действительности в режиме Эберта-Носке. Но Антон Менгер был, по крайней мере, умнее и честнее их, ибо он не скрывал своего буржуазного образа мысли. И он извиняет свой умеренный план нравственною отсталостью масс, т.-е. неверою в массы. Он указывает на то, что реформация, а затем революция внесли в историю приемы открытого правонарушения (Rechtsbruch), но, говорит он, «политические революции едва-едва всколыхнули только пену на потоке жизни народа и не больше, так как они *чаще всего* (znmeist) преследовали только цель перенести политическую власть с одной клики (Ceterie) на другую, но... социальный переворот предполагает полное нравственное перерождение человека».

Если вы просмотрите всю совокупность сочинений социалистов, марксистов и немарксистов, писавших на темы юридические, то вы найдете, лишь менее откровенно, все те же мысли, только у них больше подчеркнуто *мирное врастание,* из которого Менгер все-таки делает известные исключения. Мысль о «выдалбливании» (Aushöhlung) института собственности, о его «перерождении» или «постепенной социализации» повторяется в самых различных видах у Жореса, Бернштейна и др., но суть юристского социализма, как чисто буржуазного мировоззрения, остается неизменною.

О том, что среди юридических работ социалистов нет ни одной, пытавшейся поставить вопрос с точки зрения революционно-классовой борьбы, я уже говорил. Оно было и невозможно до появления работы тов. Ленина «Государство и революция», впервые, да еще в атмосфере российской революции, вскрывшей истинные взгляды Маркса и Энгельса, искаженные всею оппортунистическою «надстройкою» над марксизмом. Октябрь провел в жизнь эту теорию о пролетарском государстве. Следующий шаг был—классовый суд пролетариата. Последнею начинается революция в области права: побеждает *классовое* понимание права.

10. Право и правоведение.

Мы уже видели, что наше классовое понятие права впервые создает действительную науку права. У нас оказался действительно предмет, об'ект для научного исследования, и стало возможным говорить о правоведении не только, как о технике или искусстве, но и как о науке.

Но, вместе с тем, мы должны заново определить и об'ем предмета и методологию для этой, в известном смысле, новой науки, а равно и отграничить ее от близких к ее сфере научных доктрин, с одной стороны, и сблизить ее, с другой стороны, с отраслями знания, могущими дать прямо или косвенно средства для успешного исследования правовой области.

Правоведение, как мы его понимаем, является наукою, относящеюся к обществу, т.-е. к взаимоотношениям людей в процессе производства и обмена. Над этою областью уже работает целый ряд специальных наук: экономические науки, в том числе политическая экономия, история, социология, этнография, политика, этика. Их надо разграничить. По поводу прочих доктрин тут особых споров и затруднений не будет. Труднее всего задача при разграничении политической экономии, правоведения и социологии. В дореволюционных университетах прежде правоведение поглощало все эти доктрины, как побочные предметы; на Западе правоведение, с одной,—и политическая экономия, с другой стороны, были друг другу враждебными науками. Ныне эти предметы у нас, по меньшей мере, равноправны, или, вернее сказать, правоведение у нас пока еще в загоне, ибо еще не верят в его право на «звание» науки. При самом разграничении предметов придется быть довольно толерантными, ибо параллелизма на первых порах избегать будет трудно, пока не наступит время для разумного самоограничения каждой из этих доктрин. Это—с одной стороны.

С другой стороны, правовед должен интересоваться физиологическою психологиею [1]) (отбрасывая всякие другие психологии), психиатриею и педагогикой для уголовного права, логикою и философией, насколько последнюю можно считать еще наукою, а не беллетристикою или мистикою. Но на этом вопросе я здесь больше останавливаться не буду, он относится к разным специальным отраслям правоведения.

Экономические науки, в частности политическая экономия, рассматривают общественные отношения с чисто экономической стороны, как отношения производства и обмена, по их существу. Это будет абстрактное, отвлеченное исследование отношений людей в процессе производства и обмена. *Социология,* как

---

[1]) Школа Павлова отбрасывает вообще слово „психология", как ненаучное. Мы оставляем пока это слово условно.

предлагает тов. Бухарин, должна быть, не как раньше, наукою о человеке-индивиде, как члене общества, но общее учение об обществе в целом и о законах его развития. *Правоведение,* в первую очередь, будет заниматься исследованием *форм* общественных отношений, т.-е. тех форм, в каких люди, говоря словами Маркса (Капитал, I, 340, нем. изд.), *формально реализуют, формально осуществляют* (vermitteln) *общественные отношения,* как, например, отношения капитала, собственности, обмена товаров и т. д.

На первый взгляд может показаться, что эта работа крайне ограничена, ибо узко формальна. В действительности — не так. Ведь эта форма отнюдь не пустая формальность, а живая форма. Ведь право, в нашей концепции, как система или форма организации общественных отношений и его охрана организованною властью государства охватывает гигантскую систему, в которую входит или к которой примыкает почти вся реальная классовая борьба. Во время революции это не мертвящая, а оживляющая форма, которая все единичные революционно-инициативные мероприятия стремится об'единить в одну организованную революционную систему. Правоведение тут естественно делится: на *1) теорию* и *2) технику.* Я вполне сознаю, что в настоящее время *технике* принадлежит первое, *ударное место,* но я начинаю с теории по той причине, что здесь только могут возникнуть недоразумения и разногласия, в виду новой постановки вопроса.

Теория правоведения, прежде всего, будет занята изучением существа *конкретной формы общественных отношений,* т.-е. тех же самых отношений, как и политическая экономия, только со стороны их формы, но вполне *конкретно.* Прежде как раз правоведение считалось абстрактною наукою, а экономические науки — конкретными. Во всяком случае, — конец тому времени, когда между политическою экономиею и правоведением существовал известный антагонизм; теперь этот антагонизм должен быть заменен *теснейшею связью.*

Далее, теория должна исследовать все три формы общественных отношений (I, II, III, см. гл. V) в их взаимоотношениях и в связи с результатами работ по политической экономии, а равно и по социологии.

Если прежде живой человек выступал в теории права, то лишь как отвлеченная личность, суб'ект права, безличная «сторона». А в политической экономии он в то же время выступал, как живое лицо со всеми своими страстями [1]). В политической экономии, может быть, слишком много ныне у нас занимаются анализом *абстрактных* понятий, хотя и выведенных из живых отношений, а теория права должна восстановить права живого человека, как члена своего класса, «находящегося в совершенно конкретных классовых отношениях с другими лицами, смотря по месту его в

---

[1]) Ср. теорию предельной полезности или Робинзонаду классической пол. экономии.

распределении средств производства и вместе с тем и людей в процессе производства. Главным и основным предметом этой теории будет то, что в буржуазном обществе называлось гражданским или частным правом, а теперь известно в совокупности под названием частно-и публично-хозяйственного права. Это как раз и есть формальное распределение людей в системе производства и обмена данного периода, но со значком: *при власти советов и при национализации средств производства.* Этот значек не может оставаться без влияния и на частно-капиталистические, а равно и полукапиталистические отношения. Эта область превратилась в самую боевую (в политическом и социальном смысле) область права (см. слова Лассаля) [1]).

Но правоведение имеет и другую область—*чисто-техническую.* Это, во-первых, техника законодательства, юстиции и отчасти администрации, как средство и способ формулировки и осуществления права. Тут, конечно, вопрос идет не только о красивой или, наоборот, безобразно-бюрократической формулировке, но и о наилучшем способе воздействия абстрактной формы на конкретную, т.-е. закона на жизнь. Ведь в случае столкновения двух сил, экономики и идеологии, иногда конкретная форма принимала безобразно-искривленный вид (когда, например, экономика силою изгибала преграды, правовые или политические, или когда правовая или политическая форма, например, бюрократия, задерживала зря развитие экономических сил). Но техника будет в общем консервативною частью права, ибо коренная ломка системы «на полном ходу машины» всегда затруднительна и мало желательна.

Вслед за тем идет целый ряд специальных доктрин по правоведению, имеющих целью поддержку основного «общественного строя», т.-е. имущественного права и т. д. Из них государственное право превратилось в первостепенную область, и царское уголовное уложение дало ему эту оценку тем, что оно более суровыми карами угрожало противникам государственного строя, чем строя общественного. Авторам этого уложения, хотя и плохим теоретикам по революционным вопросам, эту верную мысль подсказало их чутье, ибо захват, а в дальнейшем сохранение политической власти, является необходимым и предварительным орудием в руках революционного класса для изменения социального строя. Далее идет уголовное право, это вспомогательное средство для поддержки как политического, так и общественного строя и их отдельных институтов и мероприятий. Вслед за тем можно назвать еще отдельные, второстепенные доктрины, которые, кроме своей техники, развили уже и известную теорию. Эту теорию, конечно, нам надо продолжать в новом направлении, особенно нашу теорию о государстве, а вслед за тем и уголовного права.

---

[1]) Ф. Лассаль в введении к своей „Системе приобретенных прав“ пишет: „Там, где право под названием *частного права* совсем отделяется от политики, там оно приобретает *еще более политическое значение* чем политика сама, ибо там оно превращается в *социальный элемент*“.

Но все эти специальные области правоведения вытекают из подразделения самого права на отрасли.

Это деление нам в значительной степени придется перенять из буржуазного общества. Ибо пока теоретики делили право на внутреннее и внешнее, божественное и светское, и т. д., практикам-юристам пришлось делить право еще и по отраслям. Для понятий, в которых не было единогласия даже между двумя-тремя юристами, пришлось отыскивать классификацию на группы. И здесь помогла просто практическая жизнь, давшая уже готовое деление, для которого юристам пришлось лишь придумать теоретическое название и обоснование.

Мы уже говорили, что право в *основном или действительном смысле* мы усматриваем лишь в так называемом гражданском или хозяйственном праве. Я должен сказать, что не мало буржуазных ученых также в той или иной форме признают первенство этого права. Так, напр., даже проф. *государственного права* Гумплович в цитате, мною уже приведенной выше.

Много, вообще, спорили о соотношении права гражданского и государственного. Указывают, что первоначальное «гражданское право», т.-е. римское, в сущности, было государственным правом. Затем указывают на то, что целый ряд институтов со временем меняли и меняют еще поныне свои места. Я и не думаю дать здесь сколько-нибудь исчерпывающего пересказа этих споров, ибо таковой не имел бы никакой цели. Я приведу лишь пару важнейших разногласий, при чем я должен сказать, что в этих спорах значительную роль играют недоразумения, ибо под названием государственного права смешивают государственный строй, с одной стороны, и то, что мы ныне выделяем в так наз., публично-хозяйственное право, с другой.

Мы знаем, что первоначально jus civile (гражданское право) называлась вся совокупность прав квиритов, т.-е. полноправных граждан Рима (cives) Лишь впоследствии образовалось понятие приватного, частного права и, еще позже смешение этих двух названий. Одни полагают, что тут самым важным моментом является *интерес частного лица* и противопоставление его интереса публичному, общественному или, вернее, государственному интересу. Другие находили, что суть различия заключается в инициативе защиты или охраны, и называют правом гражданским то, которое охраняется лишь по инициативе частного лица. Для человека, стоящего на классовой точке зрения, понимающего право, как систему общественных отношений, охраняемую в интересах господствующего класса его органами власти, теряется подобная грань между этими областями. Что же касается второго определения, то оно, естественно, вытекает из полжения великой французской революции, которая внесла раздвоение человека на гражданина и частного человека, частное дело которого—голодать, жить в нужде, страдать и т. д. Оно поэтому и более подходит к буржуазному праву, чем хитроумное деление права на область централизован-

ную—это право публичное, и децентрализованную—область гражданского права (см. Муромцева, И. Покровского и др.). Мнение, что частное право имеет дело с отдельными лицами, а государство регулирует общественную деятельность, опровергается еще Лассалем (см. сноску в этой же главе). А из новейших юристов, напр., Эрлих признает, что «в действительности все частное право является исключительно социальным правом (Verbandsrecht,) ибо частное право является преимущественно, а если отбросить семейное право, даже исключительно *правом экономической жизни*, а *экономическая жизнь протекает исключительно в союзах*» [1]).

У нас как-то раздавались предложения переименовать это частное или гражданское право «в социальное право», но это делалось тогда, когда у нас еще *не было нашего определения понятия права*. Ныне это было бы повторением того же признака, который уже содержится в самом определении права. И поэтому мы должны назвать эту область отношений просто правом или хозяйственным правом или же оставить историческое название «гражданского права».

Мы так и назвали наш новый кодекс «гражданским кодексом». Но в него не вошли «семейное право», «земельное право» и «трудовое право». Нет там еще и целого ряда других отношений, относящихся к области, так называемого, публично-хозяйственного права. Хотели этим подчеркнуть, что этот кодекс восстанавливает лишь *ограниченную область буржуазных прав*. Но в семейном праве мы, ведь, также отчасти сохраняем пока буржуазный тип семьи (с ее чисто экономическими задачами). В земельных отношениях, безусловно, проходит накопление частного капитала, а в трудовом праве второю стороною в весьма значительной мере выступает буржуазный элемент. В интересах удобства все эти отдельные кодексы следовало бы соединить под единым названием в единый Свод «материального хозяйственного права».

Второю отраслью является *государственное право*. По нашим понятиям, эта отрасль права играет подсобную, отчасти техническую роль, но одновременно оно занимается таким основным моментом, как *организацией господства класса*. Разграничение тут необходимо, при чем нам следует избегать ошибки буржуазной науки, и те общественные отношения, которые в буржуазном обществе имели своим суб'ектом государство, как «Gesammtkapitaeist'a», так и оставить в сфере гражданского права, как публично-хозяйственное право.

Остается еще целый ряд отраслей, имеющих второстепенное значение, как-то: полицейское, церковное, судебное или судопроизводственное, финансовое право,—с одной, и уголовное,—с дру-

[1]) Даже буржуазнейший из правоведов Еллинек пишет: „Всяческое право есть *социальное* право и, следовательно, оно покоится на публичном праве“. А Эрлих забывает, что как раз семья в буржуазном обществе является низшею экономическою ячейкою и отчасти публичным союзом.

гой стороны, которые или являлись лишь выделениями из государственного права, как, напр., четыре первых группы, со внесением туда известного момента политики или политической экономии, или же учением о чисто *вспомогательных мерах* для поддержания данного порядка, как, напр., *уголовное право*. Все эти предметы надо пересмотреть и перегруппировать, превращая такие отрасли науки, как, напр., церковное или финансовое право, в учения о церковной и финансовой политике, а остальным отраслям придать именно подходящий для них характер технических отделов правоведения.

Уголовное право, по нашему определению (см. сб. дек. 1919 года, № 66, стр. 590), имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения («преступления») посредством, так наз., мер социальной защиты. Никакой божьей кары, никакой личной или даже классовой мести, на которой основывалась в прежние времена эта отрасль права, наше мировоззрение не признает. Наше уголовное право чуждо и понятия гуманности в буржуазном смысле, изобретающей *одиночные заключения и утонченные средства пытки и истязания во имя «человеколюбия»*. Из целей социальной меры защиты, как-то возмездия, мести, перевоспитания человека и его исправления, в пошлом мещански-филистерском смысле, остается лишь приспособление «преступника» к новой общественной жизни и разного вида воздействия на его и других «психологию» и т. д., а если все это не достигает результатов,—*его изоляция*. Поэтому социальная мера защиты должна быть целесообразна и лишена признаков мучительства и не должна причинить преступнику бесполезных и лишних страданий» (ст. 10). «С исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя, совершивший его не подвергается социальной мере защиты.

Но я должен оговориться, мы никогда не судили противников, как противников. «Для борьбы против контр-революционных сил и ее завоеваний... учреждаются... революционные трибуналы». Эта формулировка, конечно, навеяна известною речью Маркса пред кельнскими присяжными заседателями.

Я полагаю, что по вопросу о разграничении отраслей права мы можем ограничиться этими краткими замечаниями, ибо вопрос для нас имеет чисто практический характер. Нам необходимо твердо помнить только одно, что право, насколько оно охраняет классовый интерес господствующего класса, излагается, в так называемом, гражданском праве, и что второе, если не первое, по важности место занимает Государственное право, как организация самой власти господствующего класса. Цель и средство. Которое из них важнее в каждый данный момент, это—вопрос практической политики.

Нам надо остановиться еще, хотя бы вкратце, на *методоло-*

гии. Прежде вообще слишком много отводили места вопросам методологии. Очень долго весь исторический материализм считался не более, как методом, пока тов. Бухарин не отвоевал ему надлежащего места, как марксистской социологии, оставляя за ним, однако, и звание, и роль «метода». Прежде такую же роль науки, вырабатывающей буржуазное мировоззрение, и одновременно типично-буржуазного метода—для буржуазии играла юриспруденция со своею формальною логикою, оставившею глубокие следы в головах наших юристов, не взирая на все бури революции. Мы видели, как, благодаря этой роли правоведения, сама психология подверглась коренной переработке и превратилась в «науку», которой в этом виде место будет, пожалуй, только в числе доктрин буржуазного правоведения. Мы, конечно, такую науку и ее методы должны отбросить и все внимание обратить на так называемую «физиологическую психологию», науку о нервной системе, имеющую такие крупные успехи в школе Павлова.

Какие методы применяли прежде правоведы в своей науке? По очереди—самые различные, как мы уже видели, соответственно тому, какая наука господствовала. На истории методов мы не будем останавливаться. Современный юрист, для которого весь предмет права заключается в готовых статьях, нормах закона, является чистейшим *догматиком*. Г. Коген [1]), так и говорит об аналогии «между значением математики для наук о природе и значением *науки о праве* для всей *совокупности наук о духе*». Вот, это то и есть типичнейший метод правоведения прошлого: «Fiat justitia, pereat mundus» [2]). Но и в практике по формулам права *математически* исчисляли и отпускали правду и справедливость. Все старое уложение было математическим расчетом царской «справедливости». Значит, *социальная математика*, как в теории, так и в практике! Как только буржуазный ученый оставляет область этих «об'ективных формул»,—он попадает в об'ятия чистой или скрытой метафизики. Мы видели в лице Петражицкого одного из крайних представителей той психологической школы, которая единственным источником теоретического исследования права признает изучение своего «я». Но Маркс [3]) определенно сказал: «Мои исследования привели меня к заключению, что правовые отношения, наравне с формами государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа».

Мы в предыдущем уже показали, что мы право ищем в общественных отношениях. Наш метод определяется *применением революционной диалектики* и к изучению этих отношений. Конечно, мы не можем говорить о готовом уже методе в то время, когда мы еще спорим о том, где искать само право, и где его точные пределы, каких мы и не стремимся в точности определить в

[1]) H. Cohen. Ethik des reinen Willens. Berlin.
[2]). „Да будет правда, пусть гибнет мир“.
[3]). K. Marx. „Zur Kritik u. s. w“ I IV.

виду предполагаемой недолговечности права самого. Нам важно было определить его место и его характер, чтобы дать науке доступ к этой системе явлений.

Мне остается сказать еще несколько слов об отношении *права к нравственности, правоведения к этике*. Я должен сознаться, что я не нашел определения нравственности и, особенно, разграничения ее и права, которое могло бы вполне удовлетворить научным требованиям. Что то таинственное, незыблемое, священное, необ'яснимое в нас, подсказывающее нам наше поведение, говорят одни. Другие об'ясняют, что это есть правила внутреннего поведения, или внутренние правила нашего внешнего поведения, которым противопоставляется право, как внешние правила или опять таки правила нашего внешнего поведения. Все это просто красивые слова или игра слов.

Из природы человека, действующего с сознанием, ставящего себе всюду цели, вытекает, что в его голове (прежде, в этом отношении сердце-душу смешивали с головою) накопился известный систематический кодекс поведения. Туда входит все, как сохранившееся суеверие, традиция (воспитание) и т. д., так и классовое сознание и т. п. Вся эта идеология в связи с религиозными или антирелигиозными чувствами образует известный «Кодекс должного», кажущийся наиболее неподвижным и всеобщим для всех людей сборником норм поведения. Но где же предел этому нравственному кодексу? Он, конечно, ближе всего к праву, и все пережитки, изгнанные из всех областей идеологии, ищут последнего убежища в морали и «научной» ее обработке — этике. Понятно, что этика от того и бухнет.

Мы теперь знаем, что и мораль, и этика не есть нечто неменяющееся и, следовательно, нечто особенно священное, незыблемое. Мы говорим о групповой, о сословной, о классовой морали, и мы правы. Родители, особенно мать, — ныне наиболее отсталая часть данного общества, — воспитывая детей, снабжают их первыми уроками жизни, т.-е. первыми правилами поведения. Им помогают попы и т. д. Присоединяются всякие страхи перед всем непонятным, неосознанным, неизвестным и т. д. И все это систематизируется в единое целое, непроверенное обыкновенно никакою наукою, кроме поповского катехизиса. Нравственность существует своя в любой узкой группе, но много она имеет общего и для широких масс, как общечеловеческое. Так же, как неклассовою нам кажется формула $2 \times 2 = 4$.

Все это рассмотреть подробнее не входит в мою задачу. Я стою за этику классовую, мы должны выработать и ее. Но на поставленный вопрос о *разграничении права и нравственности* я вкратце отвечу. Нравственность есть более общее; право — более узкое понятие, ибо право охватывает *лишь общественные отношения людей*, то-есть в общем лишь отношения производства и обмена. Нравственность *господствующего* класса в области этих отношений более или менее *совпадает с правом;* значит, *правосозна-*

ние господствующего класса есть и часть этики этого класса. Напротив, у угнетенного класса она определенно расходится с правом. Но, как я уже сказал, нравственные «*правила должного*», кроме того, обнимают и все прочие взаимоотношения людей и касаются даже отношений человека к себе самому, к мнимым существам (богам) или даже неоживленным предметам. Это разграничение может нам дать указания, почему иногда право кажется безнравственным или несправедливым и, наоборот, почему оно в других случаях совпадает с нравственностью. Настоящая марксистская оценка явлений нравственности еще не дана и не может быть дана, пока в этой области даже марксисты ограничатся лишь самонаблюдением и самопознанием.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 1 р.

